XXIII
50 р

ДВГНБ

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202

10995

ДВГНБ

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ЭР03202

Дозв. цензурою. С.-Пб. 5 ноября 1890 г. Тип. тов. „Общ. польза", В. по Б. Яч., 39.

Лессингъ.

ЭР03202

10995
XXIII,1
Л50ф

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ЛЕССИНГЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

43-Г

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова.

ДВГНБ
Проверено
1940 г.

Съ портретомъ Лессинга, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

ДВ
государственная
научная библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГР. ГАЗ. «НОВОСТИ», ЕКАТЕРИН. КАН., 113.
1891.

ЭР03202

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ".

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Бекономъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Микель Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Т. Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Франциск Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Эдисонъ, Эразмъ, и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, Бэръ, В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовы, Достоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается особая книжка, заключающая въ себѣ отъ 80 до 100 страницъ текста и портретъ.

Цѣна каждой книжки—25 к. *Все изданіе будетъ закончено втеченіе двухъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году.*

Дозв. ценз. СПБ., 12 Ноября 1890 г. Тип. газ. „Новости", Екатер. к., 113.

ЭР03202

Оглавленіе.

Глава I.

Происхожденіе.—Дѣтскіе годы.—Жизнь въ Каменцѣ.—Пребываніе въ Афранеумѣ 5

Глава II.

Университетскіе годы въ Лейпцигѣ.—Первые драматическіе опыты 16

Глава III.

Виттенбергъ и Берлинъ. — Новые драматическіе опыты. — Журнальная работа. — Первое изданіе сочиненій. — Стихотворенія и критическія письма.—«Евреи», «Сара Сампсонъ». 26

Глава IV.

Лессингъ, какъ реформаторъ въ области драматургіи и эстетической критики.—«Минна фонъ-Барнгельмъ». «Лаокоонъ». 46

Глава V.

Лессингъ, какъ литературный и театральный критикъ.—Литературныя письма.—«Гамбургская драматургія» . . . 61

Глава VI.

Знакомство съ Евою Кёнигъ.—Вольфенбюттельская библіотека.—Болѣзнь.—«Эмилія Галотти».—Женитьба. — Семейное счастье.—Научныя сочиненія.—Полемика съ Клопемъ . . 72

Глава VII.

Смерть жены.—Послѣднія полемическія и богословскія произведенія Лессинга.—Анти-Геце.—«Натанъ Мудрый».—«Воспитаніе человѣческаго рода».—Значеніе произведеній Лессинга въ исторіи мысли 85

ЭР03202

ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ:

1) *Lessings sämtliche Werke* in zwanzig Bänden, herausgegeben u. mit Einleitungen versehen von Hugo Göring. Stuttgart. J. G. Cotta'sche Buchhandlung u. Gebr. Krëner Verlagshandlung 1882—1884.

2) *Lessings Leben* von Karl Lessing (братъ писателя). Berlin, 1793.

3) Danzel und Guhraner. *G. E. Lessing. Sein Leben und seine Werke.* 2 Aufl. Berlin, 1880.

4) Düntzer. *Lessings Leben.* Leipzig, 1882.

5) Strodtmann und James Sime *G. E. Lessing. Eiin Lebensbild.* Berlin, 1878.

6) E. Schmidt. *Lessing. Geschichte seines Lebens und seiner Schriften.* Berlin, 1884.

7) Kuno Fischer. *G. E. Lessing als Reformator der deutschen Literatur.* Stuttgart, Cotta. 1881 (отсюда черпали многіе компиляторы).

8) Ф. Андерсонъ. *Лессингъ, какъ драматургъ.* Спб. 1887 года, 186 стр.

9) Зотовъ. *Лессингъ, какъ гуманистъ* («Историч. Вѣстникъ»).

ЭР03202

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе.—Дѣтскіе годы.—Жизнь въ Каменцѣ.—Пребываніе въ Афранеумѣ.

Едва-ли можно считать чистой случайностью то обстоятельство, что въ жилахъ реформатора германской литературы была значительная примѣсь чуждой, а именно славянской крови. Это не первый примѣръ выгоднаго послѣдствія смѣшенія расъ: достаточно вспомнить о происхожденіи Пушкина. Въ послѣднее время нѣкоторые нѣмецкіе біографы Лессинга старались доказать его чисто тевтонское происхожденіе; но эти попытки такъ-же неосновательны, какъ и стремленіе антисемитовъ найти въ числѣ предковъ Лессинга евреевъ, конечно съ цѣлью доказать, что въ основѣ его взглядовъ на еврейскій вопросъ лежали чисто расовыя симпатіи, а не высшее начало человѣчности.

Лессингъ родился въ мѣстности, гдѣ древній славянскій элементъ до сихъ поръ еще не вытѣсненъ германскимъ. Имя „Лессингъ“ есть просто передѣлка верхнелужицкаго названія „Лѣсника“ —этимологія настолько же ясна, какъ и славянское происхожденіе имени Каменецъ или Каменцъ, названіе небольшого городка, въ которомъ протекло дѣтство Лессинга.

Впрочемъ лужицкіе предки Лессинга, „Лѣсники“, несомнѣнно онѣмечились еще въ началѣ XV вѣка, когда они уже писались на нѣмецкій ладъ, Лессигками (Lessigk). Въ концѣ XVI столѣтія нѣкій Клеменсъ Лессигкъ былъ лютеранскимъ священникомъ. Одинъ изъ его сыновей, писавшій свою фамилію: — *Лессингъ*, былъ довольно извѣстнымъ богословомъ. Дѣдъ знаменитаго Лессинга, Теофилъ, извѣстенъ своею педагогической дѣятельностью

ЭР03202

и — что́ еще болѣе замѣчательно по отношенію къ внуку — составилъ себѣ имя защитою диссертаціи въ пользу религіозной терпимости. Вообще несомнѣнно, что наслѣдственность въ мужскомъ колѣнѣ играла значительную роль въ умственной жизни Лессинга. Отецъ Лессинга, Іоганнъ Готтфридъ, отличался довольно обширными познаніями въ области исторіи и филологіи, зналъ восточные языки, а также англійскій и французскій, особенно-же усердно занимался въ виттенбергскомъ университетѣ богословіемъ и философіей. Его латинское сочиненіе въ защиту реформаціи Лютера сразу упрочило его репутацію и Іоганнъ Готтфридъ получилъ приглашеніе въ качествѣ „проповѣдника и катехизатора“. Его звали въ родной Каменецъ. Это приглашеніе показалось отцу Лессинга „внушеніемъ свыше“, онъ отказался отъ мысли о профессорской каѳедрѣ. Въ 1724 г. онъ сталъ діакономъ, въ 1725 г. женился на дочери своего предмѣстника, пастора Феллера. Плодомъ этого брака были десять сыновей и одна дочь. Прославившійся впослѣдствіи Готтгольдъ Эфраимъ былъ вторымъ сыномъ.

О родителяхъ Лессинга мы имѣемъ свѣдѣнія, идущія изъ довольно тенденціознаго источника, — извѣстной біографіи знаметаго писателя, составленной его братомъ Карломъ. Несомнѣнно, что отцу Лессингъ болѣе обязанъ, чѣмъ матери, которая не передала сыну даже своего характера. Умственный складъ Лессинга значительно напоминаетъ отца, конечно съ огромной примѣсью индивидуальныхъ чертъ. Во всякомъ случаѣ, Лессингъ отличается отъ многихъ великихъ людей, походившихъ на своихъ матерей.

Писательскій талантъ Лессинга отца не подлежитъ сомнѣнію. Его сынъ Карлъ приводитъ названія 14 выдающихся богословскихъ сочиненій отца, не считая 4 томовъ переводовъ, въ числѣ которыхъ находятся переводы трехъ богословскихъ трактатовъ Тиллотсона. По своему міросозерцанію отецъ великаго Лессинга приближается къ англійскимъ деистамъ. Онъ является открытымъ врагомъ религіозной нетерпимости и духа преслѣдованія, но въ то-же время жалуется на „безстыдную дерзость невѣрія“, которое, по его словамъ, „граничитъ съ суевѣріемъ“. Онъ вѣритъ въ научный прогрессъ, но сокрушается о томъ, что „успѣхи наукъ не сопровождаются успѣхами нравовъ“. При всемъ различіи его взглядовъ

ЭР03202

съ убѣжденіями его сына, слогъ отца иногда достигаетъ силы и гибкости, напоминающей великаго Лессинга. Даже пріемы аргументаціи иногда сходны у отца и сына. Такъ, напримѣръ, отецъ Лессинга пишетъ: „Историческая правда подобна глазу, который не выноситъ ни малѣйшей соринки. Самая мелочная спеціальная поправка имѣетъ поэтому значеніе и служитъ интересамъ истины. Но кто придаетъ огромную цѣну однимъ только мелочамъ, тотъ похожъ на карлика, взобравшагося на спину великана". Кто не узнаетъ въ этомъ манеры великаго критика, который часто начиналъ съ предмета, повидимому маловажнаго, но тотчасъ-же давалъ вопросу широкую и общую постановку и никогда не смѣшивалъ мелкое съ важнымъ.

Несомнѣнно однако, что рѣзкія индивидуальныя черты у Лессинга проявились очень рано. Условія, въ которыхъ Лессингъ провелъ дѣтство, были не блестящи. Готтгольдъ Эфраимъ Лессингъ родился 22-го января (новаго стиля) 1729 года въ Каменцѣ. Мать воспитывала его въ духѣ лютеранскаго благочестія и послушанія. О религіозномъ воспитаніи маленькаго Лессинга заботились много, быть можетъ даже слишкомъ много. „Онъ еще едва умѣлъ лепетать, а его заставляли молиться"—пишетъ его братъ Карлъ. Отецъ былъ его первымъ учителемъ и Карлъ Лессингъ сообщаетъ о братѣ слѣдующіе удивительное свѣдѣніе: „на четвертомъ и пятомъ году онъ уже зналъ (!?), во что, почему и какъ онъ долженъ вѣрить". Пятилѣтній богословъ умѣлъ уже читать: для чтенія ему давали библію и катехизисъ.

Матеріальныя обстоятельства родителей Лессинга всегда были круты; но въ раннемъ дѣтствѣ мальчикъ еще не понималъ своей бѣдности. При дешевизнѣ жизни въ маленькомъ городкѣ не удивительно, что дѣти были сыты и одѣты. Родители Лессинга баловали сына, насколько это не противорѣчило ихъ понятіямъ о воспитаніи. Они не поскупились даже заказать домороценному живописцу Габеркорну портретъ мальчика красками. Художникъ хотѣлъ снять маленькаго Лессинга съ птичкою въ клѣткѣ, но ребенокъ обидѣлся и потребовалъ, чтобы его нарисовали „съ большою, пребольшою кучею книгъ". Это желаніе было исполнено.

По смерти дѣда Лессинга (по матери), отецъ занялъ его мѣсто, т. е. сталъ изъ дьякона пасторомъ и переселился въ мѣст-

ЭР03202

ность, почти сплошь населенную лужичанами, которыхъ нѣмцы называютъ вендами. Одна изъ сестеръ Лессинга-отца была даже замужемъ за вендомъ. Изъ этого видно, что родственники Лессинга не раздѣляли взглядовъ тѣхъ его біографовъ, которые отрицаютъ его славянское происхожденіе лишь потому, что смотрятъ на всѣхъ славянъ и особенно лужичанъ какъ на низшую расу.

Со времени переселенія отца въ пасторскій домъ, Лессингъ сталъ учиться болѣе серьезно. Отецъ по прежнему обучалъ его закону Божію, но кромѣ того у него былъ учитель для свѣтскихъ предметовъ и наконецъ мальчикъ бралъ уроки рисованія у выше упомянутаго живописца Габеркорна. По отзыву этого учителя, изъ Лессинга могъ-бы выйти „порядочный и даже ученый художникъ“.

Родители Лессинга мечтали только о томъ, чтобы изъ него вышелъ хорошій пасторъ и съ этою цѣлью желали отдать его въ гимназію и подготовить къ университетскому курсу. Лессингу шелъ восьмой годъ, когда отецъ сталъ хлопотать, чтобы саксонскій курфюрстъ дозволилъ принять мальчика въ Афранеумъ, извѣстную въ то время среднюю школу. Отецъ разсчитывалъ лишь на своекоштное мѣсто, но результаты испытанія показали, что мальчикъ зналъ болѣе, нежели его старѣйшіе конкуренты, вслѣдствіе чего было рѣшено при первой вакансіи зачислить Лессинга въ стипендіаты.

Съ цѣлью дать сыну болѣе солидную подготовку передъ поступленіемъ въ Афранеумъ, отецъ отдалъ его, въ Каменцѣ, въ латинскую школу, открытую молодымъ виттенбергскимъ магистромъ Гейницемъ, человѣкомъ чуждымъ обычнаго въ то время педантизма. Гейницъ навлекъ на себя даже неудовольствіе богослововъ своими рѣзкими статьями „О педантизмѣ“, „О легковѣріи“, „О вліяніи родителей на судьбу дѣтей“ и пр. Между прочимъ Гейницъ завелъ у себя въ школѣ театральныя представленія. Это показалось крайне неприличнымъ даже сравнительно передовому богослову, какимъ былъ отецъ Лессинга, и между нимъ и магистромъ произошелъ открытый разрывъ. Вскорѣ послѣ того Гейницъ, вслѣдствіе направленныхъ противъ него интригъ, въ которыхъ участвовалъ и отецъ Лессинга, долженъ былъ оставить Каменецъ. Его провожали искреннія сожалѣнія учениковъ, въ числѣ кото-

ЭР03202

рыхъ былъ Христлобъ Миліусъ, въ то время лейпцигскій студентъ, впослѣдствіи близкій другъ Лессинга. Миліусъ написалъ даже въ честь учителя поэму александрійскими стихами, въ которой воспѣлъ „ученаго, ненавидимаго грубою толпою“.

Только въ іюнѣ 1740 года магистръ Грабнеръ, ректоръ Афранеума, сообщилъ наконецъ отцу Лессинга, что для сына его открывается вакансія, на которую онъ былъ принятъ лишь въ слѣдующемъ году, въ двѣнадцати-лѣтнемъ возрастѣ. Къ пріемному экзамену готовилъ Лессинга пасторъ Линднеръ, который между прочимъ ввелъ мальчика въ домъ суперинтендента Клоца. Маленькій сынъ этого Клоца былъ впослѣдствіи профессоромъ въ Галле и въ качествѣ отъявленнаго врага Лессинга игралъ немалую роль въ его жизни.

Школа С. Афра въ Мейссенѣ, куда поступилъ Лессингъ, была еще Морицемъ саксонскимъ преобразована изъ „пѣвческой и монастырской школы“ и сохраняла подпись, гласившую, что она посвящена „Христу и Наукамъ“. Мальчикъ былъ сразу принятъ въ 11-ю декурію, т. е. по нашему, во второе полугодіе перваго класса, и по тогдашнему обычаю ему былъ надѣтъ парикъ. Порядки въ школѣ были строгіе, дѣти вставали въ $^1/_2$ 5-го, умывались во дворѣ, изъ колодца, сами чистили себѣ платья и сапоги.

По воскресеньямъ втеченіи восьми часовъ надо было сидѣть въ церкви. Куренье и нѣкоторыя игры (карты, кости) были строжайше воспрещены подъ страхомъ исключенія; кегли и шахматы дозволялись. О правильныхъ физическихъ упражненіяхъ не было и помину, прогулки занимали также немного времени. Въ школѣ менѣе всего соблюдалась гигіена: ученики постоянно жаловались на то, что оловянная посуда никогда не мылась. Старшіе ученики дежурили въ роли „столовыхъ надзирателей“, но и они часто отдѣлывались отъ жалобщиковъ лакомствами и даже денежными взятками. Подъ предлогомъ развитія прилежанія учениковъ ихъ не столько обучали, сколько заставляли учиться внѣ классовъ, на что было, кромѣ обычныхъ часовъ, посвящено еще особыхъ 60 дней въ году. Каникулъ не полагалось.

Преподаваніе имѣло классическій или, точнѣе, лже-классическій характеръ. Изъ 32 часовъ въ недѣлю—15 отводилось на

ЭР03202

латинскій языкъ. Даже законъ Божій, включая катехизисъ Лютера, преподавался по-латыни, курьезъ, который удивилъ-бы самого Лютера. Греческій языкъ изучался не по лучшимъ образцамъ, а по грамматикѣ Галле и тексту Новаго Завѣта. Французскій языкъ, ариѳметика и исторія были въ загонѣ, а географія изучалась лишь какъ прибавленіе къ исторіи. Что касается нѣмецкаго языка, имъ занимались только при переводахъ съ латинскаго, обращая вниманіе на такъ называемую „чистоту“ слога; въ младшихъ классахъ сверхъ того писали канцелярскимъ слогомъ письма къ родственникамъ, а въ старшихъ иногда сочиняли рѣчи.

Курсъ состоялъ собственно изъ 12 декурій или 6 классовъ, но особенно способнымъ ученикамъ дозволялось сократить его на годъ. Послѣ перваго-же экзамена можно было предвидѣть, что Лессингъ попадетъ въ число счастливцевъ.

О времени пребыванія Лессинга въ школѣ сохранились весьма любопытные документы, а именно оффиціальные отзывы или такъ называемыя „цензуры“, составленныя о немъ его преподавателями. Изъ этихъ „цензуръ“ мы узнаемъ, что онъ имѣлъ „миловидную и приличную внѣшность“, отличался „упрямствомъ и дерзостью“, имѣлъ „отличныя способности и прилежаніе“, „острый умъ и замѣчательную память“, „пытливый и разносторонній умъ, слишкомъ однако раздробляющій свои силы“.

Извѣстны и нѣкоторые факты, дополняющіе эти характеристики. За особые успѣхи Лессингъ вскорѣ былъ освобожденъ отъ платы за ученіе. 14 лѣтъ отъ роду онъ считалъ себя уже философомъ и даже вздумалъ поучать своего отца, который при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ мнѣніе, что съ каждымъ годомъ міръ становится все хуже. Юный философъ имѣлъ болѣе оптимистическіе взгляды, которые выразилъ въ длиннѣйшей поздравительной рѣчи, отправленной имъ отцу по случаю наступленія 1743 года. Рѣчь эта написана на тему: „О равенствѣ одного года другому“. Несмотря на соединеніе въ ней ребяческаго задора съ усвоенными въ школѣ мнимо-философскими пріемами, эта рѣчь любопытна, какъ первая проба пера будущаго великаго писателя. Аргументація мальчика-философа довольно искусна и порою остроумна, слогъ можно назвать даже чистымъ по срав-

ЭР03202

ненію съ тѣмъ, какъ тогда писали не только ученики, но и учителя. Лессингъ старается разоблачить заблужденіе „древнихъ поэтовъ и мудрецовъ“. „Ихъ хваленый золотой вѣкъ, пишетъ Лессингъ, есть чистое созданіе воображенія. Мы должны повѣрить, что тщеславные и испорченные люди, не имѣвшіе ни какихъ законовъ, служащихъ однако духовнымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, жили мудро, добродѣтельно и счастливо. Возможно-ли это? Мы должны позволить убѣдить себя, что глубокое невѣжество, грубый образъ жизни, дикіе нравы, безпечная и лѣнивая праздность, необработанныя поля и сады, обширныя пустыни, жалкія хижины и пещеры, нагія тѣла, суровая и грубая пища, отсутствіе всякихъ сношеній, удобствъ и удовольствій,—являются истинными признаками счастливѣйшаго времени!“ Подобныя мнѣнія Лессингъ называетъ „ребяческими предразсудками и противными заблужденіями“. Съ своей стороны онъ пытается доказать, что каждый годъ не только въ математическомъ, но и въ естественно-историческомъ и нравственномъ отношеніи совершенно равенъ другому, т. е. нисколько не хуже и не лучше. Доказательства совершенно во вкусѣ тогдашней школьной философіи. Богъ создалъ міръ совершеннымъ, а поэтому въ мірѣ не не можетъ произойти никакихъ существенныхъ перемѣнъ; стало быть одинъ годъ не можетъ существенно отличаться отъ другого. Юный авторъ не замѣчаетъ, что это положеніе противорѣчитъ его-же собственнымъ рѣзкимъ отзывамъ о первобытномъ состояніи, идеализированномъ древними подъ названіемъ золотого вѣка, и переходитъ на мнимо объективную точку зрѣнія, для которой все существующее совершенно, только потому, что оно существуетъ. Человѣческая природа, говоритъ онъ, никогда не измѣнялась въ свихъ основныхъ чертахъ; не измѣнялись и главныя (окружающія) условія, которыя, по мнѣнію юнаго Лессинга, теперь тѣ-же, что и 5,000 лѣтъ тому назадъ. У людей та-же душа, то-же тѣло, та-же воля, тѣ-же главныя склонности, недостатки и достоинства, какъ и во времена Адама. Принявъ эти положенія, конечно не трудно доказать, что каждый годъ совершенно подобенъ своему предшественнику. Но юный авторъ не довольствуется этимъ и въ концѣ своей диссертаціи уже прямо обращается къ отцу, намекая на то, что и отецъ раздѣляетъ „глупый предразсудокъ“, и взывая

ЭР03202

между прочимъ къ его благочестію, воспрещающему роптать. Курьезнѣе всего заключеніе, въ которомъ Лессингъ, совершенно въ духѣ своей теоріи, обѣщаетъ отцу и въ этомъ году „равную благодарность, равное почтеніе и равное послушаніе по сравненію съ минувшимъ годомъ, и увѣряя, что такимъ образомъ и онъ, и отецъ увидятъ на дѣлѣ, что они живутъ въ золотомъ вѣкѣ, когда каждый годъ долженъ быть равенъ другому. Нѣсколько лѣтъ спустя Лессингъ могъ убѣдиться на личномъ опытѣ въ ошибочности своей дѣтской теоріи и въ невозможности сохранить по отношенію къ отцу всегда равное „послушаніе“.

Изъ школьныхъ учителей Лессинга слѣдуетъ назвать конректора Гере (Höre) собственно потому, что педантизмъ этого педагога вызвалъ въ умѣ Лессинга сильную реакцію противъ школьнаго педантизма вообще. Даже по черезчуръ снисходительному отзыву брата Лессинга, Карла, Гере былъ „вполнѣ филологъ и примѣрно набожный человѣкъ, ничего однако не знавшій обо всемъ остальномъ въ свѣтѣ“. На самомъ дѣлѣ это былъ тщеславный педантъ, имѣвшій къ тому же слабость къ стихоплетству. Впослѣдствіи, будучи уже студентомъ, Лессингъ писалъ отцу, что считаетъ особенно счастливымъ того юношу, который, находясь подъ вліяніемъ подобныхъ учителей, своевременно научится различать полезныя знанія отъ безполезныхъ. О себѣ онъ пишетъ, что еще на школьной скамьѣ онъ понялъ, что многое изъ того, чему обучаютъ въ школахъ, ровно ни къ чему не пригодно.

Сравнительно лучшими учителями въ Афранеумѣ были ректоръ Грабнеръ, преподававшій латынь и философію, и математикъ Климмъ, участвовавшій въ изданіи сочиненій Кеплера и получившій приглашеніе въ с.-петербургскую академію наукъ, которое онъ однако отклонилъ. Вліяніе Климма на Лессинга было весьма полезнымъ противодѣйствіемъ окружающему узкому классицизму. Климмъ утверждалъ, что „ученый, не знающій философіи и математики, знаетъ не больше невѣжды“. Еще смѣлѣе для того времени было его утвержденіе, что всѣ языки, не исключая древнихъ, должны считаться только средствами для достиженія знаній, а не цѣлью“. Подъ вліяніемъ Климма Лессингъ сталъ серьезно заниматься математикою, которою раньше пренебрегалъ, и даже перевелъ нѣсколько книгъ Евклида. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ изу-

ЭР03202

чать классическихъ писателей не съ грамматической точки зрѣнія, а потому, что восхищался ихъ поэтическими красотами. Гомеръ, Анакреонъ, Плавтъ и Теренцій,—отчасти Θеофрастъ,—стали его любимыми авторами. Подъ вліяніемъ Анакреона Лессингъ сталъ писать свои первые лирическіе опыты, Плавтъ и Теренцій были его первыми учителями въ области драматургіи. Онъ такъ увлекся новыми занятіями, что забылъ даже написать заданную латинскую рѣчь, за что подвергся порицанію школьнаго начальства. Школьная латынь, несносныя занятія латинскимъ стихосложеніемъ стали уже претить ему въ 1745 г. Лессингъ осаждаетъ отца просьбами поскорѣе взять его изъ школы. Къ этому времени относятся первыя поэтическія попытки Лессинга. Кромѣ Анакреона онъ подражаетъ въ лирикѣ Глейму и Ланге. Затворническая жизнь въ Афранеумѣ познакомила Лессинга лишь съ однимъ типомъ—школьнаго педанта. На себѣ самомъ Лессингъ испыталъ, какъ легко усвоить каррикатурные пріемы мнимой учености. Его собственное поздравительное письмо, о которомъ было упомянуто, еще насквозь пропитано педантизмомъ. Какъ только Лессингъ сталъ относиться болѣе сознательно къ предлагаемой ему умственной пищѣ, смѣшная сторона школьной учености стала для него очевидна и у него явилась мысль написать комедію. Самъ Лессингъ пишетъ о своей комедіи, озаглавленной „Молодой ученый“, слѣдующее: „Это былъ единственный сортъ дураковъ, который мнѣ еще въ то время долженъ былъ стать весьма знакомымъ. Я выросъ посреди этой мерзости; удивительно ли, что мое первое сатирическое оружіе обратилось въ эту сторону?“ Первые наброски комедіи, въ видѣ отдѣльныхъ сценъ, были сдѣланы Лессингомъ еще весною 1745 г., когда, по случаю праздниковъ, онъ гостилъ въ родительскомъ домѣ. Въ окончательной формѣ комедія явилась лишь два года спустя, когда онъ былъ уже лейпцигскимъ студентомъ. Эта комедія имѣетъ важное біографическое значеніе: она является выраженіемъ внутренняго переворота, освободившаго Лессинга отъ плѣсени, которая пристала къ нему въ Афранеумѣ. „Комедія научила меня познать самого себя“—говоритъ Лессингъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него понемногу стало развиваться художественное чутье. Такъ еще въ школѣ, увлекшись астрономическими свѣдѣніями, сообщенными ему математикомъ

ЭР03202

Климмомъ, Лессингъ пытался изобразить въ поэтической формѣ теоріи Уистона и Гюйгенса. Взявъ себѣ образцомъ швейцарскаго Галлера, онъ сталъ писать поэму александрійскими стихами, но стоило ему прочесть бесѣды Фонтенелля о многочисленности міровъ—и собственныя поэтическія упражненія показались ему настолько блѣдными по сравненію съ прозою Фонтенелля, что Лессингу стало стыдно передъ самимъ собою. Къ этой эпохѣ жизни Лессинга относится любопытная „цензура“, написанная объ немъ ректоромъ школы, Грабнеромъ. По словамъ ректора, нѣтъ „ни единой области знанія, на которую не набрасывался-бы его пытливый духъ, но ему надо часто напоминать, чтобы онъ не раздроблялъ своихъ силъ“.

Между тѣмъ мирная школьная жизнь внезапно была нарушена. Фридрихъ II началъ противъ Маріи Терезіи вторую войну, внезапно напалъ на союзныхъ Австріи саксонцевъ въ Лужицѣ (Лаузицъ) и 9 дек. 1745 г. подступилъ къ Мейссену. Воспитанники Афранеума, услышавъ выстрѣлы, попрятались въ столовой; впрочемъ школа осталась невредимою и пруссаки ограничились тѣмъ, что ограбили квартиры учителей, въ томъ числѣ и злополучнаго педанта, конректора Гере. Весною слѣдующаго года Лессингъ написалъ стихотвореніе, посвященное подполковнику Ф. Карловицу, въ которомъ описывалъ эти событія въ высокопарномъ тонѣ псевдо-классическихъ поэмъ:

„Кто счастливецъ, избѣжавшій въ то время несчастія, сковавшаго сердце каждаго саксонца тяжкими узами? Только насъ, находившихся на священномъ холмѣ Афры, охранялъ даже врагъ подъ крыльями своего орла. Городъ, лежащій подъ нами въ узкой долинѣ, былъ взятъ, побѣжденный частью голодомъ, частью непріятелемъ. То, чего не дали, было дерзко взято; что не было употреблено, то испортили, сожгли, исковеркали. Мы смотрѣли на эти бѣдствія съ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ состраданіемъ, но безъ боязни испытать подобное. Свирѣпый ревъ кровожадныхъ солдатъ оставилъ только насъ въ покоѣ“.

Біографы Лессинга утверждаютъ, что это странное посланіе было написано юношей по внушенію отца, который хотѣлъ угодить прусскому подполковнику. Это подтверждается и письмомъ самого Лессинга къ отцу. Лессингъ выражаетъ здѣсь сожалѣніе о томъ, что,

ЭР03202

повинуясь отцу, сочинилъ подобное посланіе и говоритъ, что „не имѣетъ ни малѣйшей охоты еще разъ заняться подобнымъ предметомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторяетъ просьбу опять взять его поскорѣе изъ школы. Отецъ исполнилъ эту просьбу не прежде, чѣмъ получилъ отъ ректора слѣдующій отзывъ о сынѣ: „Это конь, требующій двойного корма. Уроки, которые для другихъ слишкомъ трудны, для него легки, какъ перышко. Для насъ онъ уже почти не годится“.

30 іюня 1746 г. Лессингъ прочиталъ въ Афранеумѣ свою прощальную рѣчь о математикѣ у неклассическихъ народовъ (de mathematica barbarorum). Но главное, что интересовало его уже въ то время—была драма. Отецъ и не подозрѣвалъ склонностей сына и былъ твердо увѣренъ, что сынъ сдѣлается богословомъ. Съ этою цѣлью онъ даже выхлопоталъ сыну стипендію отъ г. Каменца.

ДВГНБ

ЭР03202

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Университетскіе годы въ Лейпцигѣ. Первые драматическіе опыты.

Подобно большей части выдающихся умовъ, Лессингъ нелегко мирился съ предписанными правилами и программами. Не удивительно, что учителя и родители обвиняли Лессинга въ томъ, что онъ слишкомъ „разбрасывается". О какой-либо опредѣленной торной дорогѣ онъ и не думалъ. Жадно стремясь къ знанію, онъ имѣлъ въ виду чисто идеальную цѣль—самоусовершенствованіе. Вскорѣ по выходѣ изъ школы, Лессингъ уже явно сознавалъ, что изъ него не выйдетъ ни богословъ, ни педагогъ. Богословскій догматизмъ былъ слишкомъ чуждъ его критическому духу; педагогическая дѣятельность не привлекала его, тѣмъ болѣе, что въ понятіяхъ Лессинга педагогъ былъ тѣсно слитъ съ педантомъ. Да и вообще ему и въ голову не приходило считать науку средствомъ для добыванія заработка. Онъ прежде всего стремился освободиться изъ оковъ классическаго формализма и, при посредствѣ науки, познать міръ и жизнь. Естествознаніе стояло въ то время въ германскихъ университетахъ на черезчуръ низкой ступени и было уже слишкомъ чуждо его прежнимъ занятіямъ; математика, къ которой Лессингъ имѣлъ нѣкоторыя способности, была черезчуръ абстрактна для его ума, постоянно стремившагося къ эстетическому познанію. На первый разъ Лессингъ удовольствовался поэтому пріобрѣтеніемъ истиннаго классическаго образованія, т. е. сознательнымъ изученіемъ классической древности по преимуществу съ эстетической точки зрѣнія.

Изъ лейпцигскихъ профессоровъ болѣе всего привлекали Лессинга—Христъ и Эрнести. Первый обладалъ умомъ, до нѣкоторой

ЭР03202

степени родственнымъ уму Лессинга. Христъ много путешествовалъ, вращался въ хорошемъ обществѣ и соединялъ обширныя знанія по новѣйшей литературѣ и искусству съ порядочнымъ талантомъ къ живописи. Онъ былъ искусный граверъ и составилъ богатое собраніе картинъ и другихъ произведеній искусства. Въ лекціяхъ по литературѣ онъ дѣлалъ важныя указанія на исторію искусствъ; его Notes academicae изобилуютъ цѣнными выводами; слогъ сочиненій Христа отличается остроуміемъ, безпощадностью анализа и „умѣніемъ взять исходной точкой обстоятельство, повидимому маловажное". Другой профессоръ Эрнести, читавшій о греческихъ поэтахъ и римскихъ древностяхъ, отличался чисто нѣмецкимъ качествомъ—„основательностью" и пріучилъ Лессинга къ точности и строгости доказательствъ.

Совершенно обратное, чисто отрицательное значеніе имѣлъ для Лессинга пресловутый Готтшедъ—настоящій геній бездарности, читавшій лекціи о „поэтикѣ по правилу здравой критики". Эти лекціи, при всей бездарности изложенія, представляли сверхъ того плагіатъ изъ посредственной книжки, которую Лессингъ успѣлъ прочесть еще до поступленія въ университетъ.

Университетскія занятія и лекціи любимыхъ профессоромъ не удовлетворяли Лессинга. По его собственнымъ словамъ, онъ понялъ, что книги могутъ научить чему-нибудь, но никого не сдѣлаютъ человѣкомъ. Сравнивая себя съ сверстниками, восемнадцатилѣтній Лессингъ остался недоволенъ даже своею наружностью. Ему было стыдно своей неуклюжести и неловкости, заставлявшей его избѣгать общества, чтобы не показаться смѣшнымъ.

Онъ сталъ учиться фехтованію, танцамъ и верховой ѣздѣ и вскорѣ удивилъ всѣхъ своими успѣхами въ этой области. Ставъ болѣе ловкимъ, онъ пріобрѣлъ нѣкоторую свѣтскость и даже изящество манеръ и началъ чаще появляться у товарищей и знакомыхъ.

Но болѣе всего его привлекалъ театръ.

Состояніе тогдашняго нѣмецкаго сценическаго искусства было болѣе чѣмъ жалкое. Въ театрѣ безраздѣльно господствовали французы, которымъ покровительствовалъ между прочимъ основатель прусскаго военнаго могущества—Фридрихъ II. По счастливому случаю, какъ разъ во время пребыванія Лессинга въ лейп-

ЭР03202

цигскомъ университетѣ, въ Лейпцигѣ находилась труппа талантливой антрепренерши и актрисы Нейберъ. Быть можетъ позднѣйшіе восторженные отзывы Лессинга нѣсколько преувеличены, но все-же несомнѣнно,что труппа г-жи Нейберъ была въ то время лучшая въ Германіи. Нѣмецкой драмы еще не существовало, а поэтому давались переводныя драмы и комедіи съ французскаго, англійскаго и даже датскаго.

Изъ товарищей по университету Лессингъ особенно сблизился съ Вейссе, который раздѣлялъ его пристрастіе къ театру,—и съ Миліусомъ. Послѣдній былъ старше Лессинга и его землякъ по Каменцу, гдѣ Миліусъ успѣлъ себѣ составить репутацію крайняго вольнодумца: выше уже упомянуто, что онъ написалъ стихи въ честь учителя, пользовавшагося у родителей Лессинга и во всемъ городѣ дурною славой. Миліусъ былъ человѣкъ не безъ способностей, съ разносторонними познаніями по медицинѣ, математическимъ и естественнымъ наукамъ, но при этомъ крайне безпорядочный и въ наукѣ, и въ обыденной жизни. Сплетники увѣряли, что онъ ходитъ въ порванномъ платьѣ и стоптанныхъ ботинкахъ, никогда не чешется и т. п. Все это было преувеличеніемъ, и Лессингъ не только не обращалъ вниманія на сплетни, но, по естественной реакціи, не замѣчалъ даже дѣйствительныхъ недостатковъ своего друга. Миліусъ не мало способствовалъ тому, что Лессингъ еще на девятнадцатомъ году рѣшился „печататься“, выступивъ въ основанныхъ тѣмъ-же Миліусомъ газеткахъ.

Первыми, появившимися въ печати, опытами Лессинга были шутливыя стихотворенія, разсказы и наконецъ довольно плохая комедійка „Дамонъ или истинная дружба“, въ которой не видно ни малѣйшаго знанія людей, ни достаточнаго знакомства со сценой; въ ней даже трудно усмотрѣть признаки драматическаго таланта, какіе проявляются, напримѣръ, въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Шекспира и Шиллера. Талантъ Лессинга былъ совсѣмъ иного рода. Въ немъ не замѣчается мощной непосредственности; для полнаго обнаруженія онъ требовалъ значительнаго подготовительнаго развитія посредствомъ изученія иностранныхъ образцовъ, критическаго отношенія къ нимъ и къ самому себѣ. Къ Лессингу менѣе всего примѣнима теоріятакъ называемаго „безсознательнаго творчества“. Въ области драмы онъ былъ такимъ-же сознатель-

ЭР03202

нымъ реформаторомъ, какъ и въ области художественной критики, и каждый новый его шагъ былъ глубоко обдуманъ. Первые его драматическіе опыты, въ которыхъ еще такъ много наивнаго, уже до нѣкоторой степени характеризуютъ манеры Лессинга, который во всякомъ своемъ произведеніи имѣлъ въ виду какую-либо нравственную цѣль. По счастью, склонность къ реализму и острый критическій умъ на первыхъ-же порахъ избавили Лессинга отъ увлеченія высокопарнымъ и комически плаксивымъ тономъ тогдашняго „генія“ Клопштока. Лессингъ, еще будучи студентомъ, не боялся писать эпиграммы противъ автора Мессіады, котораго его соотечественники ставили выше Мильтона. Эпиграмма, поставленная имъ самимъ во главѣ своихъ сочиненій, принадлежитъ къ числу самыхъ мѣткихъ, когда-либо вышедшихъ изъ-подъ пера Лессинга:

„Кто не хвалитъ Клопштока? Но всякій-ли его читаетъ? Нѣтъ. Мы желаемъ, чтобы насъ меньше превозносили, но прилежнѣе читали“.

Еще рѣзче другая, относящаяся къ Клопштоку, эпиграмма „Auf einen gewissen Dichter“, въ которой сказано, что „его поютъ столь многіе посредственные пѣвцы, его прославляютъ столь многіе темные судьи, ему подражаетъ такъ много дураковъ... пѣніе, восхищающее лягушку, сидящую въ болотѣ, это пѣніе конечно должно быть кваканьемъ“.

Если таковъ былъ приговоръ Лессинга Клопштоку, то можно себѣ представить, какъ онъ судилъ о стихотворныхъ упражненіяхъ своего профессора Готтшеда!

Врожденный и частью воспитанный классическими авторами вкусъ Лессинга значительно развился вслѣдствіе ознакомленія съ естествознаніемъ и философіей. Лессингъ усердно посѣщалъ лекціи по ботаникѣ и химіи и одно время даже думалъ посвятить себя изученію медицины. Въ то-же время онъ самостоятельно изучалъ философовъ, особенно нѣмецкія сочиненія Вольфа, и сблизился съ профессоромъ Кестнеромъ, замѣчательнымъ для своего времени математикомъ, который относился къ математическому знанію съ историко-философской точки зрѣнія.

На первомъ планѣ у Лессинга было однако его увлеченіе театромъ. Есть указанія на то, что онъ самъ думалъ поступить на сцену. Весь свой заработокъ съ статеекъ и переводовъ онъ тра-

ЭР03202

тилъ на театръ и вмѣстѣ съ Вейссе сталъ переводить французскія и англійскія драмы и комедіи, надѣясь получить за это лишь даровое кресло въ театрѣ. Благодаря только что упомянутому математику Кестнеру, Лессингу удалось добиться большаго: его собственная юношеская комедія „Молодой ученый“, окончательно обработанная имъ по указаніямъ профессора Кестнера, была имъ вручена г-жѣ Нейберъ, которая, къ немалому удивленію самого Лессинга, осыпала автора неумѣренными похвалами, назвавъ его предвѣстникомъ нѣмецкой національной драмы. Комедія была поставлена на сцену и имѣла хорошій успѣхъ, такъ какъ въ ней былъ изображенъ типъ, слишкомъ часто встрѣчавшійся въ Лейпцигѣ.

Мысль объ окончательной обработкѣ очерковъ, набросанныхъ еще въ Мейссенѣ, явилась у Лессинга въ 1747 г. Однажды вечеромъ Лессингъ выразился въ большомъ обществѣ довольно пренебрежительно о комедіи, которую всѣ хвалили. Ему отвѣтили, что порицать легче, чѣмъ сдѣлать лучше. „А я берусь написать лучше!“—съ живостью сказалъ Лессингъ. Въ поискѣ за сюжетомъ, онъ сталъ пересматривать свои старыя тетради и вздумалъ изобразить типъ молодого педанта. Размышляя надъ этой темой, онъ ухватился за дѣйствительное происшествіе, давшее ему какъ разъ то, чего не хватало въ его прежнихъ наброскахъ—фабулу. Въ 1747 г. берлинская академія наукъ должна была присудить премію за лучшее сочиненіе о лейбницовскихъ монадахъ (См. біографію Лейбница). Одинъ молодой лейпцигскій ученый послалъ сочиненіе и заранѣе хвасталъ по всему городу, увѣряя, что непремѣнно получитъ премію; къ величайшему его разочарованію, сочиненіе было признано совсѣмъ неудачнымъ и премію получилъ адвокатъ Юсти.

Комедія „Молодой ученый“ едва-ли заслуживаетъ тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми осыпала автора лейпцигская антрепренерша; но если сравнить ее съ произведеніями Готтшеда и его послѣдователей (даже у такой бездарности, какъ Готтшедъ, были свои послѣдователи) то нельзя отказать ей въ извѣстныхъ достоинствахъ. Дѣйствіе довольно живо, комизмъ рѣдко переходитъ въ каррикатуру.

Слабую сторону у Лессинга составляетъ изображеніе слугъ—Антона и неизбѣжной горничной Лизетты. Судя по тому, что

ЭР03202

извѣстно изъ мемуаровъ этого времени, нѣмецкая домашняя прислуга вовсе не находилась въ такихъ интимныхъ отношеніяхъ къ „господамъ“, какъ это мы видимъ у Лессинга. Но если даже допустить, что въ этомъ отношеніи Лессингъ ближе къ дѣйствительности, чѣмъ авторы мемуаровъ, то все-же подражательность, прямое списываніе съ французскихъ комедій въ данномъ случаѣ несомнѣнны. Удачнѣе всего изображены самъ молодой педантъ Дамисъ и его отецъ Хризандеръ.

Конечно и здѣсь замѣтно подражаніе Аристофану и Мольеру; но при всемъ томъ есть и черты, выхваченныя непосредственно изъ жизни, частью даже автобіографическія, нѣкоторыя разсужденія Дамиса представляютъ значительное сходство съ разсужденіями, нѣкогда изложенными самимъ Лессингомъ въ письмѣ къ отцу. „Tempora mutantur“ (времена перемѣнчивы) говоритъ Хризандеръ сыну.—Прошу васъ, отвѣчаетъ молодой педантъ, бросьте предразсудки толпы. Времена не измѣняются. Ибо, позвольте сначала разсмотрѣть вмѣстѣ съ вами, что такое время?—Молчи, отвѣчаетъ Хризандеръ (подобно отцу метафизика у Хемницера), время—это такая вещь, которой я не стану тратить съ тобою на пустую болтовню“. Хризандеръ также не прочь щегольнуть латынью; невольно вспоминается, что отецъ Лессинга былъ порядочный латинистъ и весьма возможно, что подъ именемъ Хризандра онъ изобразилъ главнымъ образомъ своего отца, противопоставивъ его старомодную, но соединенную съ здравымъ смысломъ ученость узкому школьному педантизму. Подхвативъ латинскую фразу отца, сынъ объявляетъ, что это изреченіе, взятое изъ Гомера. Отцу надоѣли ученыя соображенія сына.—Ты и твой Гомеръ? вы пара дураковъ!—восклицаетъ онъ. Это восклицаніе приводитъ юнаго ученаго въ телячій восторгъ.—Я и Гомеръ ? — говоритъ Дамисъ. Гомеръ и я? Мы оба? Хи-хи-хи! Вотъ какъ, отецъ? О, благодарю, благодарю... Я и Гомеръ! Гомеръ и я!.. Не въ меньшей степени обнаруживается „классическій“ идіотизмъ Дамиса, когда онъ начинаетъ разсуждать о бракѣ и о женщинахъ, очевидно, что Лессингъ, осмѣивая въ Дамисѣ отчасти свои-же собственныя слабости, поступалъ, какъ многіе великіе писатели: изъ этихъ отрицательныхъ чертъ онъ создавалъ типъ, совершенно отбрасывая то, что въ дѣйствительной жизни являлось противовѣсомъ имъ. От-

ЭР03202

нявъ у Дамиса свой выдающійся умъ и способность критики, Лессингъ показалъ, къ чему могла привести тогдашняя классическая школа человѣка съ средними дарованіями: онъ могъ утратить и ту долю ума, которой его надѣлила природа. Мозгъ Дамиса очевидно не выноситъ бремени знаній, которыми былъ напичканъ; переварить такую пищу и остаться невредимымъ могъ только мозгъ самого Лессинга.

Характеръ Дамиса выдержанъ съ начала до конца. Особенно мѣтко схваченъ тотъ психологическій моментъ, когда молодой ученый узнаетъ о печальной судьбѣ, постигшей его диссертацію. Берлинскій пріятель, которому онъ послалъ свой трудъ, не счелъ возможнымъ даже представить его въ академію, такъ какъ увидѣлъ, что авторъ не понялъ предложенной темы. Академія предложила разсмотрѣть вопросъ о монадахъ съ философской и естественно-исторической точки зрѣнія, а юный педантъ сообразилъ, что надо изслѣдовать грамматическій смыслъ слова монада и написалъ цѣлый трактатъ о томъ, какъ употребляется это слово у разныхъ писателей. Дамисъ въ отчаяніи. Онъ воображаетъ себя непризнаннымъ геніемъ.—О вы глупые нѣмцы! восклицаетъ онъ. Да, конечно, чтобы цѣнить по достоинству такія произведенія, каковы мои, требуются другіе геніи! Вы будете вѣчно пребывать во мракѣ варварства и останетесь предметомъ посмѣшища для вашихъ остроумныхъ сосѣдей! Но я отомщу за себя! Съ этихъ поръ я перестаю называться нѣмцемъ. Я покину мое неблагодарное отечество!“

Эта камедія имѣла на сценѣ тѣмъ большій успѣхъ, что главную роль Дамиса игралъ актеръ Вольфрамъ, который, какъ говорятъ, былъ въ ней превосходенъ. Каковы-бы ни были недостатки комедіи, она пристрастила Лессинга къ драматическому творчеству и онъ узналъ свое настоящее призваніе.

Зато нельзя сказать, чтобы авторская дѣятельность сына обрадовала отца. Быть можетъ, злые языки передали отцу, что сынъ написалъ комедію, въ которой была изображена въ такомъ дурномъ освѣщеніи его домашняя жизнь; и хотя Лессингу былобы гораздо позорнѣе играть роль Дамиса, чѣмъ отцу его фигурировать подъ видомъ Хризандра, старикъ сильно обидѣлся и разгнѣвался. Онъ не могъ переварить мысли, что его сынъ, въ которомъ

ЭР03202

онъ видѣлъ будущаго пастора, якшается съ вольнодумцемъ Миліусомъ и „съ какими-то актерами и актрисами“. Онъ написалъ сыну въ высшей степени рѣзкое письмо, грозя, что городъ отниметъ у него стипендію и требуя перемѣны образа жизни. Это письмо взорвало Лессинга. Войдя къ своему университетскому товарищу Вейссе, онъ бросилъ письмо на столъ, со словами: „Прочитайте-ка... письмо, которое я получилъ отъ моего отца“. Вмѣсто отвѣта отцу, Лессингъ хотѣлъ выставить свое полное имя на театральной афишѣ и разослать ее всѣмъ членамъ городского совѣта въ Каменцѣ. Вейссе уговаривалъ товарища не горячиться; Лессингъ ограничился посылкою письма, въ которомъ старался доказать неосновательность отцовскихъ обвиненій. Это было еще до перваго представленія комедіи; успѣхъ ея отуманилъ Лессинга и заставилъ его забыть о семейныхъ дрязгахъ.

Какія непріятности приходилось переносить Лессингу изъ-за сплетней провинціальныхъ кумушекъ, видно изъ слѣдующаго траги-комическаго эпизода, случившагося въ исходѣ 1747 года и весьма наивно описаннаго его братомъ и біографомъ Карломъ. По случаю рождественскихъ праздниковъ мать Лессинга послала сыну въ подарокъ такъ называемый штритцель—родъ сдобнаго калача. Калачъ этотъ былъ привезенъ Лессингу однимъ каменецкимъ купцомъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ было дано порученіе „освѣдомиться тайкомъ о поведеніи студента“. Купецъ привезъ домой извѣстіе, что Лессингъ не только пишетъ комедіи, но и якшается съ комедіантами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ матери ужасную вѣсть, что присланный ею „штритцель“ былъ съѣденъ Лессингомъ за бутылкою вина вмѣстѣ съ нѣсколькими комедіантами. Эффектъ получился дѣйствительно трагическій. Мать горько рыдала и причитывала, увѣряя, что сынъ ея погибъ и въ этой, и въ будущей жизни. Чтобы успокоить расходившуюся супругу, отецъ Лессинга рѣшился на отчаянное средство. Онъ написалъ сыну письмо, въ которомъ заклиналъ его бросить все и немедленно пріѣхать, такъ какъ мать будто-бы при смерти больна и желаетъ передъ кончиной поговорить съ сыномъ! Этотъ грубый обманъ смутилъ Лессинга: онъ не зналъ, вѣрить-ли письму, но конечно поскакалъ домой. Родители Лессинга были достаточно наказаны за свою выдумку. Наступили жестокіе морозы;

ЭР03202

мать упрекала и себя, и отца, и на этотъ разъ восклицала: „лучше-бы ему сидѣть съ комедіантами, чѣмъ замерзнуть по дорогѣ... Нѣтъ, онъ не пріѣдетъ! Въ такомъ обществѣ не научатъ повиновенію!“ Лессингъ пріѣхалъ полузамерзшій, посинѣвшій отъ холода. Мать выдала себя и вмѣсто того, чтобы притвориться больной, бросилась къ сыну со словами: „Зачѣмъ ты пріѣхалъ въ такой морозъ“. „Ахъ, маменька, отвѣтилъ Лессингъ, вѣдь вы хотѣли это то, и, право, я догадывался, что вы вовсе не были больны. Это меня душевно радуетъ“... Этотъ отвѣтъ такъ устыдилъ отца и мать, что они не знали, что сказать. Мирныя отношенія между родителями и сыномъ возстановились, благодаря этому случаю; ни отецъ, ни мать не настаивали больше на томъ, чтобы Лессингъ сталъ богословомъ, и снисходительно выслушали его, когда онъ заявилъ, что желаетъ изучить медицину. Зато Лессингу пришлось выслушать не мало длинныхъ нравоученій относительно его увлеченія театромъ. Родители и родственники описывали ему жизнь актеровъ самыми мрачными красками; впрочемъ отецъ Лессинга имѣлъ настолько такта, что ни разу не обратился къ нему съ новымъ требованіемъ прекратить всякія знакомства съ театральнымъ міромъ. Даже о вольнодумцѣ Миліусѣ отецъ и мать Лессинга стали говорить только намеками.

Возвратившись въ Лейпцигъ весною 1748 года, Лессингъ записался на медицинскій факультетъ; но театръ интересовалъ его болѣе, чѣмъ медицина. Курьезно показаніе самого Лессинга, что изъ всѣхъ аудиторій онъ прежде всего сталъ посѣщать ту, гдѣ преподавалось родовспомогательное искусство. Театръ онъ посѣщалъ съ прежнимъ увлеченіемъ и самъ попробовалъ писать трагедіи. Первымъ опытомъ Лессинга въ этомъ родѣ была трагедія „Гіангиръ или отвергнутый престолъ“, которую однако онъ не могъ довести дальше третьяго явленія.

Неизвѣстно, что вышло-бы изъ этого и другихъ драматическихъ опытовъ, начатыхъ Лессингомъ. Его писательская дѣятельность вдругъ на время прервалась вслѣдствіе одного непріятнаго эпизода. Оказалось, что родители были не совсѣмъ неправы, предостерегая его отъ актеровъ. Лессингъ поручился за одного актера, который уѣхалъ изъ Лейпцига послѣ того, какъ г-жа Нейберъ распустила свою труппу; хотя актеръ нашелъ мѣсто въ Вѣнѣ, но

ЭР03202

предпочелъ предоставить Лессинга въ распоряженіе своихъ кредиторовъ. Лессингъ попалъ въ отчаянное положеніе и сгоряча вздумалъ самъ поступить на сцену. Миліусъ и другіе друзья едва уговорили его; но какъ только Миліусъ уѣхалъ въ Берлинъ, Лессингъ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ въ Виттенбергъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, учившимся тамъ въ университетѣ и случайно гостившимъ въ Лейпцигѣ. Изъ Виттенберга Лессингъ намѣревался отправиться въ Берлинъ.

ДВГНБ

ЭР03202

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Виттенбергъ и Берлинъ.—Новые драматическіе опыты.—Журнальная работа.—Первое изданіе сочиненій.—Стихотворенія и критическія письма.—Комедія «Евреи» и трагедія «Сара Сампсонъ».

Вскорѣ по прибытіи въ Виттенбергъ, Лессингъ заболѣлъ. Это побудило его оставить мысль о поѣздкѣ въ Берлинъ и, списавшись съ отцомъ, онъ получилъ дозволеніе остаться въ Виттенбергѣ, гдѣ снова поступилъ на медицинскій факультетъ. По прежнему онъ вмѣсто медицины занимался философіей, изученіемъ классическихъ авторовъ, статистикой и даже политикой. Что касается драмы, онъ вошелъ въ сношенія съ директоромъ вѣнскаго театра и сталъ писать комедіи, изъ которыхъ успѣлъ окончить, да и то впослѣдствіи, одну: „Ненавистникъ женщинъ“. Сверхъ того Лессингъ написалъ множество стихотвореній, вышедшихъ позднѣе подъ общимъ заглавіемъ: „Мелочи“, заглавіе вполнѣ соотвѣтствующее ихъ содержанію. Самъ Лессингъ не слишкомъ серьезно относился къ своимъ лирическимъ упражненіямъ. Онъ издалъ ихъ безъ своего имени, причемъ вмѣсто предисловія оставилъ пустое мѣсто, а подъ названіемъ „Перечня важнѣйшихъ предметовъ“ помѣстилъ 24 буквы алфавита и въ видѣ „примѣчанія переплетчику“ напечаталъ: „Гравюры подразумѣваются сами собою“. Гравюръ дѣйствительно не было помѣщено.

Матеріальное положеніе Лессинга въ Виттенбергѣ было весьма плохое и, узнавъ, что его пріятель Миліусъ былъ приглашенъ редактировать газету, издателемъ которой былъ Рюдигеръ, онъ рѣшился оставить Виттенбергъ и поѣхалъ искать счастья въ Берлинъ. Миліусъ принялъ Лессинга съ распростертыми объятіями

ЭР03202

и позаботился о немъ лучше, чѣмъ его собственные родители, постоянно сплетничавшіе насчетъ вольнодумства Миліуса. Онъ буквально одѣлъ оборваннаго юношу и пристроилъ его у своего издателя въ качествѣ библіотекаря. Это была весьма пріятная должность для Лессинга. Сверхъ того, въ редакціи газеты Лессингъ имѣлъ возможность читать вновь выходящія книги, и ему стали поручать составленіе рецензій. Вскорѣ однако газета лопнула. Миліусъ, имѣвшій особое пристрастіе къ журналистикѣ, взялся самъ издавать газетку, которая однако занималась лишь городскими сплетнями и скандалами. Лессингъ помѣстилъ въ этой газетѣ лишь одинъ разсказецъ: „Отшельникъ“. Въ то-же время ему удалось написать и поставить на сцену комедію „Старая дѣва“.

Извѣстіе о переселеніи Лессинга въ Берлинъ поразило его родителей, какъ громовой ударъ. Отецъ даже не отвѣтилъ ему на письмо, а мать въ своемъ посланіи осыпала его жесточайшими упреками, объявивъ, что если онъ не пріѣдетъ тотчасъ въ Каменцъ, то не получитъ обѣщаннаго платья. Къ этому были присоединены упреки въ непочтеніи, недостаткѣ любви къ родителямъ и въ томъ, что имъ приходится платить его долги. Вслѣдъ за этимъ отецъ прислалъ сыну категорическое приказаніе немедленно пріѣхать домой. Лессингъ не повиновался. Тогда отецъ обратился къ Рюдигеру съ письмомъ, въ которомъ осыпалъ бранью бѣднаго Миліуса, утверждая, что тотъ развратилъ и погубилъ его сына. Письмо это попало въ руки зятя Рюдигера, Фосса, который поспѣшилъ его уничтожить. Лессингъ отвѣтилъ сначала матери, потомъ отцу; письма его были въ высшей степени сдержаны и тактичны; но родители не повѣрили сыну. Отецъ отвѣчалъ ему новымъ письмомъ, въ которомъ упрекаетъ сына въ упорствѣ, совѣтуетъ ему почитать Бога и родителей, не писать комедій и измѣнить безпорядочный образъ жизни. На эту новую отцовскую филиппику Лессингъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Не понимаю, почему сочинитель комедій не можетъ быть хорошимъ христіаниномъ. Сочинитель комедій,—это человѣкъ, который изображаетъ порокъ съ его смѣшной стороны. Развѣ христіанинъ не вправѣ осмѣивать пороки? Развѣ пороки заслуживаютъ такого

ЭР03202

великаго почтенія? А что, если я обѣщалъ-бы вамъ написать такую комедію, которую гг. богословы должны будутъ не только прочесть, но и похвалить? Считаете-лы вы это невозможнымъ? Что, если я написалъ-бы комедію на вольнодумцевъ и на людей, презирающихъ ваше сословіе? Я знаю, что вы не вычеркнули-бы изъ нея ни одного рѣзкаго выраженія". Это не были пустыя оправданія, Лессингъ съумѣлъ найти комическую сторону и у тогдашнихъ вольнодумцевъ: типъ этотъ вскорѣ былъ воспроизведенъ имъ. Но отецъ иначе понялъ письмо сына и въ своемъ новомъ отвѣтѣ повторилъ всевозможныя сплетни, какія распространялись въ Каменцѣ относительно Миліуса. Это наконецъ взорвало Лессинга, который понялъ, что въ данномъ случаѣ отецъ пишетъ подъ диктовку матери. Онъ отвѣтилъ вообще сдержанно, но не могъ не высказать своего справедливаго подозрѣнія; не желая, чтобы мать прочла непріятныя для нея строки, Лессингъ написалъ эту часть отвѣта по-латыни. Письмо подѣйствовало и съ тѣхъ поръ въ родительскихъ посланіяхъ о Миліусѣ не было ни слова...

Такимъ образомъ на первыхъ порахъ Лессингъ рѣшилъ остаться въ Берлинѣ и снова обратился къ драматической дѣятельности. Въ прусской столицѣ нѣмецкая драма не пользовалась почетомъ. Король Фридрихъ II ничего не хотѣлъ знать о нѣмецкомъ театрѣ, покровительствуя исключительно итальянской оперѣ и французской драмѣ. Существовавшая тогда въ Берлинѣ труппа Шёнеманна не пользовалась даже посредственнымъ успѣхомъ. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что Лессингъ занялся переводами французскихъ трагедій и даже сочиненіемъ либретто для комическихъ оперъ. Въ то-же время имъ однако были написаны комедіи: „Вольнодумецъ" и „Евреи", изъ которыхъ первая возникла подъ вліяніемъ переписки съ отцомъ и знакомства съ Миліусомъ, вторая-же, имѣющая болѣе серьезное значеніе, составляетъ плодъ его знакомства съ еврейскимъ реформаторомъ Мендельсономъ. Значительную часть времени Лессингу приходилось затрачивать на тяжелую журнальную и переводную работу: между прочимъ, по заказу Рюдигера, онъ переводилъ „Римскую Исторію" Ролленя, изучалъ языки испанскій и итальянскій и вмѣстѣ съ Рюдигеромъ редактировалъ газету, посвященную исторіи и современному состоянію театральнаго искусства.

ЭР03202

Широко задуманная Лессингомъ трагедія „Генци“, къ сожалѣнію, осталась неоконченной. Каковы были матеріальныя обстоятельства Лессинга въ это время, видно изъ его собственнаго заявленія, что онъ „сытно обѣдалъ на полгора гроша“. Пребываніе въ Берлинѣ принесло Лессингу между прочимъ ту пользу, что въ этомъ городѣ, гдѣ всѣ сколько-нибудь „порядочные“ люди говорили по-французски, онъ научился французской разговорной рѣчи, которую постигъ настолько, что началъ писать французскую комедію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ превосходно понялъ мишурную сторону тогдашней образованности и постигъ, какого рода французы наводняли Берлинъ.

Въ Берлинѣ Лессингъ завязалъ много знакомствъ; между прочимъ онъ познакомился съ профессоромъ философіи и естественнаго права Кенигомъ, котораго за вольнодумство выгнали изъ Берна. Знакомство съ Кенигомъ впервые приблизило Лессинга къ тому обществу, въ которомъ вращался Вольтеръ, еще бывшій кумиромъ Фридриха II.

Любопытны нѣкоторые отзывы Лессинга о французахъ, окружавшихъ короля Фридриха, и о самомъ королѣ. Такъ объ извѣстномъ матеріалистѣ де ла Меттри Лессингъ выражается весьма рѣзко и въ письмѣ къ отцу пишетъ о немъ: „Онъ лейбъ-медикъ короля. Его сочиненіе „L'homme-machine“ надѣлало много шуму. По сравненію съ нимъ Эдельманнъ—святой. Я читалъ его сочиненіе „Анти-Сенека или высшее благо“, выдержавшее не менѣе 12 изданій. Можете судить о мерзости этого сочиненія уже изъ того, что самъ король бросилъ въ печку 10 экземпляровъ этой книги“. Зная характеръ Лессинга, никакъ нельзя думать, чтобы этимъ письмомъ онъ желалъ угодить отцу: Лессингъ искренно ненавидѣлъ тогдашній французскій матеріализмъ, съ которымъ впрочемъ былъ знакомъ довольно поверхностно, преимущественно по тѣмъ каррикатурнымъ формамъ, которыя онъ принималъ въ берлинскихъ салонахъ.

По смерти Рюдигера, зять его Фоссъ продолжалъ его изданія и пригласилъ (въ 1751 г.) Лессинга въ качествѣ редактора „научнаго отдѣла“ затѣянной имъ газеты. Лессингъ попалъ совершенно въ свою сферу, особенно послѣ того, какъ Фоссъ согласился издавать ежемѣсячныя приложенія, въ которыхъ Лессингъ имѣлъ бо-

ЭР03202

лѣе простора для своихъ критическихъ очерковъ. Такимъ образомъ возникъ рядъ весьма любопытныхъ журнальныхъ работъ подъ общимъ заглавіемъ— въ духѣ того времени: „Новости изъ области остроумія“. Кромѣ остроумія, 22-хъ лѣтній Лессингъ обнаружилъ здѣсь всю силу своего критическаго таланта. Даже отецъ былъ на этотъ разъ доволенъ сыномъ и нашелъ, что въ его статьяхъ есть много дѣльнаго. Казалось, что Лессингъ успѣетъ упрочить свою литературную репутацію, какъ вдругъ неожиданное столкновеніе съ Вольтеромъ сильно повредило репутаціи Лессинга.

Обстоятельства этого скандальнаго эпизода вполнѣ ясны. Личный секретарь Вольтера, Ришье, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Лессингу, далъ ему просмотрѣть экземпляръ невыпущенной еще въ свѣтъ книги „Siècle de Louis XIV“, которая съ нетерпѣніемъ ожидалась въ публикѣ. Ришье одолжилъ книгу Лессингу, подъ условіемъ никому ее не показывать. Случайно къ Лессингу зашелъ его пріятель, въ свою очередь выпросившій книгу. Лессингъ имѣлъ слабость исполнить эту просьбу, а пріятель изъ хвастовства показалъ книгу въ домѣ графа Шуленбурга. Здѣсь ее увидѣла одна близкая пріятельница Вольтера, которая еще не получила экземпляра, что и не удивительно, такъ какъ первые экземпляры были напечатаны для короля. Тщеславіе этой дамы было чувствительно задѣто, и увидѣвъ Вольтера, она осыпала его упреками. Вольтеръ, отличавшійся крайней мелочностью во всемъ, что касалось его личности, былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ немедленно позвалъ своего секретаря и потребовалъ взять книгу у Лессинга. По несчастью, Лессингъ, успѣвшій уже получить экземпляръ отъ пріятеля, уѣхалъ въ Виттенбергъ, захвативъ съ собою книгу, такъ какъ не дочиталъ ея самъ. Узнавъ это, Вольтеръ тотчасъ соображилъ, что Лессингъ желаетъ издать переводъ или даже контрафакцію его книги. Гнѣвъ философа не имѣлъ границъ. Онъ продиктовалъ Ришье, отъ имени этого послѣдняго, крайне оскорбительное письмо къ Лессингу, въ которомъ обвинялъ молодого писателя въ обманѣ и воровствѣ, весьма тонко обѣщая при этомъ вознаградить его въ случаѣ немедленнаго возвращенія книги. Лессингъ отвѣтилъ Ришье весьма остроумныхъ письмомъ, въ которомъ самые комплименты звучатъ ироніей. Здѣсь между прочимъ сказано: „Вы воображаете, что я началъ переводить

ЭР03202

книгу?.. Чтобы хорошо перевести Вольтера, надо быть самимъ дьяволомъ, а я право не добиваюсь этой роли. Я взялъ съ собою книгу просто потому, что не дочиталъ четырехъ листовъ. Поставьте себя въ мое положеніе, а потомъ осуждайте. Вольтеръ не какой-нибудь писака, сочиненія котораго можно достать вездѣ, потому что они вездѣ надоѣли... Скажите Вольтеру, что мы съ вами друзья и что вы только изъ-за дружбы совершили этотъ проступокъ, если это можно назвать проступкомъ. Кажется, этого достаточно, что-бы получить прощеніе философа?"

Письмо не было получено Вольтеромъ, хотя собственно предназначалось для него; злополучному Ришье философъ отказалъ отъ мѣста, самъ написалъ Лессингу посланіе, въ которомъ мелочное тщеславіе и самолюбіе Вольтера блещетъ на каждомъ словѣ. Даже адресъ былъ составленъ съ ехидствомъ, а именно такъ, чтобы въ случаѣ если письмо не попадетъ къ Лессингу, оно могло-бы попасть въ руки его отца. Лессингу Вольтеръ писалъ: „М. г. васъ уже просили возвратить украденный у меня и попавшій въ ваши руки экземпляръ. Я знаю, что вы не сдѣлали-бы изъ него дурного употребленія и что вы лучше кого-либо другого могли-бы перевести эту книгу. Но мое сочиненіе съ тѣхъ поръ значительно передѣлано и къ нему прибавлено болѣе 40 листковъ, а потому было-бы весьма жаль, если-бы его перевели въ первоначальномъ видѣ; еще печальнѣе было-бы, если бы его перепечатали на французскомъ языкѣ. Вы этимъ сдѣлали-бы несчастнымъ честнаго Франшвилля, издателя моей книги". Въ концѣ письма Вольтеръ заявляетъ, что если Лессингъ возвратитъ ему экземпляръ, то онъ охотно пришлетъ ему книгу въ исправленномъ видѣ для перевода на нѣмецкій и даже на итальянскій языки, за что̀ выдастъ приличное вознагражденіе. „Я готовъ простить преступника, пишетъ онъ о своемъ секретарѣ, если только вы возвратите книгу. Пришлите ее и разсчитывайте на мою благодарность. Весь вашъ Вольтеръ, камергеръ короля".

Лессингъ написалъ отвѣтъ, на этотъ разъ не по-французски, а по-латыни: къ сожалѣнію, этотъ отвѣтъ не сохранился въ бумагахъ Вольтера. Получивъ книгу обратно, Вольтеръ конечно не подумалъ ни о нѣмецкомъ, ни объ итальянскомъ переводѣ и удовольствовался тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ выражался

ЭР03202

о Лессингѣ, какъ о человѣкѣ весьма низкаго нравственнаго уровня. Вся эта исторія, благодаря громкому имени Вольтера, надѣлала много шума. Впослѣдствіи одинъ изъ враговъ Лессинга, Клоцъ, увѣрялъ, что Вольтеръ называлъ Лессинга не иначе, какъ въ вольной французской передѣлкѣ — Lessinge или Le singe, что значитъ „обезьяна“, въ видѣ намека на то, что Лессингъ хотѣлъ „передразнивать“ его произведенія. Быть можетъ впрочемъ это остроуміе составляетъ литературную собственность самого Клоца. Слѣдуетъ замѣтить, что непріязненныя отношенія Лессинга къ Вольтеру начались еще до описаннаго эпизода. Лессингъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ Ришье и другимъ французамъ, отлично зналъ подробности весьма скандальнаго процесса, затѣяннаго Вольтеромъ съ однимъ берлинскимъ евреемъ по дѣлу, относящемуся къ области биржевой спекуляціи. Подробности этого процесса относятся однако къ біографіи самого Вольтера; но для Лессинга знаніе ихъ было первымъ урокомъ, послѣ котораго весь ореолъ, окружавшій въ его глазахъ французскаго философа, сразу потускнѣлъ до такой степени, что Лессингъ сталъ писать на Вольтера весьма недвусмысленныя эпиграммы. Въ одной изъ нихъ онъ задается вопросомъ, почему великій поэтъ сталъ богатымъ скрягой? и даетъ отвѣтъ: „Да это потому, что по предвѣчному рѣшенію судьбы всякому поэту предназначено умереть съ голода“.

Скандалъ съ книгою Вольтера несомнѣнно значительно повліялъ на рѣшимость Лессинга остаться въ Виттенбергѣ. Здѣсь онъ погрузился преимущественно въ научныя работы и занимался въ университетской библіотекѣ съ такимъ рвеніемъ, что имѣлъ право сказать: „Нѣтъ въ ней ни одной книги, которой я по крайней мѣрѣ не имѣлъ-бы въ рукахъ“. Готовясь къ магистерскому экзамену, онъ посвящалъ литературѣ лишь сравнительно немного времени, писалъ нѣмецкія стихотворенія и упражнялся въ составленіи латинскихъ эпиграммъ. Вообще эпиграмматическій родъ преобладалъ у него въ это время и Лессингъ не щадилъ даже самого себя. Такъ однажды, по случаю внезапной болѣзни одного пастора, Лессингъ съимпровизировалъ надгробное слово. Несмотря на успѣхъ этой рѣчи, Лессингъ, возвратясь домой, написалъ эпиграмму, въ которой отъ имени усопшаго сказано: „Нѣтъ, лучше не умру, чтобы ты не читалъ мнѣ надгробныхъ рѣчей!“

ЭР03202

29 апрѣля 1752 г. Лессингъ получилъ степень „магистра свободныхъ искусствъ“ и разстался съ университетомъ. Отецъ совѣтовалъ ему добиваться профессорской каѳедры, но Лессингъ вмѣсто этого предпринялъ изданіе своихъ сочиненій. Первое изданіе сочиненій Лессинга, выпущенное Фоссомъ, вышло втеченіе 1753—1755 гг. въ шести частяхъ.

Первая часть этого собранія сочиненій состояла изъ стихотвореній. Стихотвореніямъ этимъ нельзя отказать въ нѣкоторомъ литературномъ значеніи, но они никогда не могли-бы доставить автору славы первокласснаго поэта. Въ области лирики Лессингъ не создалъ ничего выдающагося: содержаніе его „Пѣсенъ“ исчерпывается хвалебными гимнами вину въ духѣ Анакреона и его подражателей, воспѣваніемъ красоты и поцѣлуевъ; вообще пѣсни Лессинга какъ-бы нарочно приспособлены къ нѣмецкимъ студенческимъ пирушкамъ. Вотъ примѣръ: „Дѣвушка, позволь-же себя поцѣловать! Не медли, иначе я тебя заставлю. Живѣе, живѣе наливай вина! Послѣ поцѣлуя вино вкусно. Въ этомъ винѣ есть букетъ и огонь. Дѣвушка, будь немного проворнѣе! Еще разъ доставь наслажденіе: послѣ вина поцѣлуй вкусенъ“.

Еще менѣе значенія имѣютъ оды Лессинга, напримѣръ тѣ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ прусскаго короля Фридриха. Объ увлеченіи Лессинга этимъ монархомъ мы еще будемъ имѣть случай говорить. Болѣе интересны такъ называемыя Sinngedichte—родъ экспромптовъ, часто переходящихъ въ эпиграммы. Лессингъ обращаетъ свои сатирическія стрѣлы не только противъ бездарностей, вродѣ Готтшеда и Шенайха, но и противъ звѣзды второй величины—Клопштока и даже противъ самого Вольтера.

Готтшеда и ему подобныхъ Лессингъ преслѣдуетъ безпощадно. Когда Фридрихъ II подарилъ Готтшеду табакерку, Лессингъ, при всемъ своемъ преклоненіи передъ прусскимъ королемъ, не удержался и сочинилъ эпиграмму, въ которой пишетъ, что Готтшедъ ожидалъ получить табакерку съ червонцами, но нашелъ въ ней нюхательной табакъ, который въ древности употреблялся для „просвѣтленія ума“. Остроумны и ѣдки эпиграммы, направленныя противъ Вольтера: но въ нихъ чувствуется личное раздраженіе Лессинга не противъ Вольтера-писателя, а противъ Вольтера-человѣка. Въ одной изъ эпиграммъ Лессингъ описываетъ извѣстный

ЭР03202

скандальный процессъ Вольтера съ еврейскомъ банкиромъ. „Хитрѣйшій еврей во всемъ Берлинѣ“, по словамъ Лессинга, вздумалъ обмануть поэта; обманъ не удался. Почему? О, навѣрное поэту помогъ самъ Аполлонъ!.. Нѣтъ, причина болѣе простая: поэтъ былъ еще большимъ плутомъ, чѣмъ еврей“. Контрастъ между покровительствомъ Аполлона и простымъ плутовствомъ дѣйствительно силенъ, но односторонность подобнаго сужденія о моральныхъ качествахъ Вольтера слишкомъ очевидна.

Эпиграммы Лессинга находятся въ такомъ близкомъ соотношеніи съ его первыми критическими опытами, что нерѣдко одинъ и тотъ-же мотивъ повторяется у него и въ стихотворной формѣ, и въ блещущей остроуміемъ рецензіи. Иногда даже въ рецензію вставлена эпиграмма. Въ „Критическихъ письмахъ“, какъ и въ стихотвореніяхъ Лессинга еще замѣтно сильное вліяніе римскаго и въ особенности французскихъ писателей. Такъ называемыя „Прибавленія къ исторіи театра“, посвященныя имъ подробному разбору сочиненій Плавта, особенно его „Плѣнниковъ“, переведенныхъ самимъ Лессингомъ на нѣмецкій языкъ (и кромѣ того содержащія замѣтки о позднѣйшихъ драматургахъ, включая Шекспира), написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго критика Брюмуа. Въ этихъ „Прибавленіяхъ“ Лессингъ еще стоитъ на точкѣ зрѣнія французскаго псевдоклассицизма, далеко не сознаетъ значенія Шекспира и признаетъ комедіи Плавта высшимъ идеаломъ драматическаго творчества. Письма, озаглавленныя „Новости изъ области остроумія“, составляютъ уже значительный шагъ впередъ. Въ нихъ Лессингъ сразу становится внѣ тогдашнихъ литературныхъ партій и пролагаетъ себѣ самостоятельный путь, нисколько не смущаясь, если при этомъ ему приходилось сталкиваться съ общепризнанными авторитетами.

Въ самомъ началѣ этихъ „Писемъ“ находится весьма любопытная замѣтка о знаменитомъ отвѣтѣ, присланномъ Руссо въ отвѣтъ на заданную дижонской академіей тему о вліяніи наукъ и искусствъ на нравы. Извѣстно, что Руссо отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, разразившись горячей филиппикой противъ современнаго общества. Лессингъ, который еще мальчикомъ имѣлъ совершенно иныя, нежели Руссо, понятія о золотомъ вѣкѣ, въ зрѣломъ возрастѣ не могъ не увидѣть, что въ страстной

ЭР03202

проповѣди Руссо есть нѣкоторая истина, получившая ложное примѣненіе. „Невольно, пишетъ Лессингъ, проникаешься тайнымъ уваженіемъ къ человѣку, который отстаиваетъ добродѣтель противъ всевозможныхъ предразсудковъ—даже и въ томъ случаѣ, если онъ въ своей проповѣди заходитъ слишкомъ далеко. Мы могли-бы сдѣлать ему многія возраженія. Мы могли-бы сказать, что возрожденіе наукъ и упадокъ нравовъ или паденіе государствъ это двѣ вещи, которыя могутъ сопутствовать одна другой, не относясь между собою, какъ причина къ дѣйствію. Все въ мірѣ имѣетъ свой извѣстный предѣлъ. Государство возростаетъ, пока не достигнетъ такого предѣла; пока оно возростаетъ, въ немъ возрастаютъ науки и искусства. Поэтому, когда оно падаетъ, то не потому, что науки и искусства погубили его, но потому, что ничто въ мірѣ неспособно возростать вѣчно... Справедливо, что умныя Аѳины погибли, но развѣ добродѣтельная Спарта пережила ихъ?.. Если-же искусства и науки вредны нравамъ, то не сами по себѣ, а вслѣдствіе злоупотребленія ими. Развѣ живопись виновата въ томъ, что тотъ или иной художникъ злоупотребляетъ ею, изображая непристойные предметы? Развѣ слѣдуетъ пренебрегать поэзіей потому, что нѣкоторые поэты оскверняютъ ее пошлостями? И та, и другая могутъ служить добродѣтели. Искусства таковы, какими мы хотимъ ихъ сдѣлать...“

Несмотря на свое несогласіе съ взглядами Руссо, Лессингъ утверждаетъ, что Франція была-бы счастлива, если-бы имѣла побольше такихъ проповѣдниковъ. Эта проповѣдь Руссо не уничтожитъ наукъ и искусствъ, но является спасительнымъ противоядіемъ противъ дѣйствительно пошлыхъ произведеній.

Довольно много мѣста посвящено въ критическихъ письмахъ Лессинга автору „Мессіады“, Клопштоку. Къ этому произведенію критикъ приступаетъ съ насмѣшливою почтительностью, не желая сразу удивить читателя своимъ скептицизмомъ. Но уже въ первыхъ похвалахъ Клопштоку звучитъ явная иронія.

Особенно достается отъ Лессинга не столько самому Клопштоку, сколько его нелѣпымъ поклонникамъ, видѣвшимъ необычайныя красоты чуть не въ каждой поставленной авторомъ Мессіады запятой. Такъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ „клопштокіанцевъ“, профессоръ Мейеръ, видѣлъ нѣчто необычайно-возвышенное уже въ

ЭР03202

первыхъ словахъ поэмы, начинающейся такъ: „Пой, безсмертная душа, искупленіе грѣшнаго человѣка, которое совершилъ Мессія на землѣ, въ своемъ человѣческомъ образѣ".

Мейеръ видѣлъ особенную геніальность въ томъ, что Клопштокъ не взывалъ, по примѣру древнихъ, къ языческой музѣ, а „совершенно новымъ способомъ" повелѣлъ своей безсмертной душѣ пѣть. Лессингъ просто и остроумно уничтожаетъ эту глубокомысленную критику. Клопштокъ не могъ взывать къ языческой музѣ просто потому, что такое воззваніе было-бы страшною глупостью въ „христіанской поэмѣ". Никакой особой геніальности тутъ нѣтъ. Вся новизна состоитъ стало быть въ томъ, что языческіе поэты начинали обыкновенно съ изъявительнаго наклоненія, т. е. говорили „пою", а Клопштокъ начинаетъ съ повелительнаго „пой". Если-же его воззваніе изложить въ общепринятой формѣ, то выйдетъ слѣдующее: „Я, безсмертная душа, пою искупленіе грѣшнаго человѣка".

Трудно было придумать болѣе ловкій способъ выставить на показъ чванливость и самомнѣніе Клопштока, окруженнаго толпою литературныхъ прихвостней! Но Лессингъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ учеными педантами, которыхъ нельзя сразить ни соображеніями простого здраваго смысла, ни тонкой ироніей; поэтому онъ пустилъ въ ходъ свою эрудицію и рядомъ примѣровъ изъ древнихъ авторовъ доказалъ, что Клопштоку слѣдовало-бы поучиться скромности хотя у Гомера. Любопытно впечатлѣніе, произведенное критикою 22-хъ-лѣтняго Лессинга на современниковъ. Зульцеръ, судя по статьямъ Лессинга о Мессіадѣ, ставилъ его весьма высоко, хотя и замѣчалъ, что онъ „слишкомъ молодъ". Богословъ Сиальдингъ называлъ его критику Мессіады „вѣжливою и точною". Самъ Клопштокъ, подобно Готтшеду, не удостоивалъ Лессинга отвѣтомъ: оба они предоставляли своимъ поклонникамъ бороться съ восходящимъ критическимъ свѣтиломъ... Но при всемъ кажущемся пренебреженіи они боялись Лессинга...

Какъ и всякій талантливый, а тѣмъ болѣе выдающійся критикъ, Лессингъ скоро нажилъ себѣ массу враговъ. Современные ему „авторитеты" дѣйствовали изъ-за спины своихъ поклонниковъ; люди, менѣе дорожившіе своею репутаціею или болѣе безцеремонные въ выборѣ средствъ, прибѣгали къ обыкновенному оружію жалкой бездарности и нравственной низости—клеветѣ.

ЭР03202

Зная о стѣсненномъ матеріальномъ положеніи Лессинга, они придумали самый удобный способъ клеветы, обвиняя его въ подкупности и въ желаніи вынудить деньги путемъ шантажа. Такъ поступилъ, между прочимъ, пасторъ Ланге, переводчикъ Горація, которому Лессингъ посвятилъ свой извѣстный „Путеводитель“ (Vademecum). Напрасно предупреждали Лессинга, чтобы онъ не задѣвалъ эту грязную личность, пользовавшуюся значительнымъ вліяніемъ при прусскомъ дворѣ; напрасно указывали ему и на то, что Ланге посвятилъ переводъ горацієвыхъ одъ самому королю Фридриху. Въ одномъ изъ критическихъ писемъ Лессингъ показалъ все научное и поэтическое ничтожество этого перевода, превознесеннаго до небесъ тогдашнею ученою и неученою критикою. „Девятилѣтній упорный трудъ“, которымъ хвасталъ Ланге, воскуривая ѳиміамъ самому себѣ, оказался напрасно потраченнымъ: Лессингъ уличилъ переводчика въ самомъ грубомъ невѣжествѣ и указалъ на его полную бездарность. Въ отвѣтъ на это Ланге напечаталъ письмо, въ которомъ увѣрялъ, будто Лессингъ заранѣе извѣстилъ его о своей рецензіи, требуя гонорара и угрожая въ противномъ случаѣ напечатать рецензію. Лессингъ, въ свою очередь, отвѣтилъ открытымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „Объявляю передъ цѣлымъ свѣтомъ г. проповѣдника Ланге злымъ клеветникомъ, если онъ не докажетъ своего обвиненія“. Доказательства конечно не воспослѣдовало; Лессингъ окончательно уничтожилъ Ланге своимъ „Путеводителемъ“; пасторъ отомстилъ автору тѣмъ, что наклеветалъ на него самому королю Фридриху, который съ тѣхъ поръ не могъ равнодушно слышать имени Лессинга.

Все болѣе удаляясь отъ тѣхъ сферъ, къ которымъ его чуть не приблизили отношенія къ секретарю Вольтера, Лессингъ сталъ сближаться съ людьми другого закала, и это сближеніе принесло ему значительную пользу. Онъ сошелся съ французскимъ математикомъ де Премонтвалемъ, который бѣжалъ изъ Парижа отъ преслѣдованій со стороны іезуитовъ; былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ умнымъ и философски образованнымъ берлинскимъ евреемъ д-ромъ Гумперцомъ и черезъ него познакомился съ извѣстнымъ Моисеемъ Мендельсономъ. Гумперцъ представилъ Лессингу Мендельсона, какъ хорошаго шахматнаго игрока; но отношенія между двумя

ЭР03202

писателями вскорѣ превратились въ тѣсную дружбу. Невзрачный, маленькій, сутуловатый еврей, соблюдавшій главные обряды своей религіи, поразилъ Лессинга своими философскими познаніями и гуманными воззрѣніями; Мендельсонъ былъ настоящимъ реформаторомъ и въ одинаковой степени боролся и съ предразсудками христіанъ противъ евреевъ и съ невѣжественнымъ фанатизмомъ своихъ соплеменниковъ. Свѣтлая личность Мендельсона, его служеніе правдѣ сильно повліяли на Лессинга и даже заставили остроумнаго, но еще не вполнѣ выработавшагося писателя углубиться въ самого себя. Сужденія самого Лессинга о философскомъ достоинствѣ сочиненій Мендельсона страдаютъ очевиднымъ преувеличеніемъ: Лессингъ ставитъ своего друга почти наравнѣ съ Спинозой. Но эти-то преувеличенія, особенно со стороны человѣка, привыкшаго къ безпощадному критическому анализу, доказываютъ, какъ сильно было обаяніе личности Мендельсона. Очевидно, что въ своихъ сужденіяхъ о Мендельсонѣ Лессингъ имѣлъ болѣе въ виду его личность, нежели его воззрѣнія. До нѣкоторой степени Лессингъ пытался воспроизвести нравственный обликъ своего друга Мендельсона въ извѣстной комедіи „Евреи“. Съ художественной точки зрѣнія эта комедія заставляетъ желать многаго. Это скорѣе горячій памфлетъ, нежели драматическое произведеніе. Современные Лессингу юдофобы, какъ, напр., весьма ученый профессоръ Михаэлисъ, конечно ошибались, стараясь доказать, что Лессингъ изобразилъ невозможный типъ и что такой идеальный еврей, какой является въ его комедіи, никогда не существовалъ въ дѣйствительности: Мендельсонъ былъ въ глазахъ Лессинга воплощеннымъ доказательствомъ возможности подобнаго типа. Гораздо основательнѣе былъ-бы упрекъ критиковъ, если-бы они сказали Лессингу, что типъ „добродѣтельнаго еврея“ очерченъ въ его комедіи слишкомъ поверхностно, что „благородные поступки“ подобраны слишкомъ искусственно и что резонерство въ этой комедіи слишкомъ преобладаетъ надъ дѣйствіемъ. Фабула построена искусственно, съ натяжками.

Впослѣдствіи Лессингъ въ „Натанѣ Мудромъ“ самъ далъ примѣръ глубокой постановки расовыхъ и религіозныхъ вопросовъ. Предразсудки невѣжественной толпы, обрисованные Лессингомъ въ словахъ, вложенныхъ въ уста плутовъ и разбойниковъ,

ЭР03202

едва-ли такъ важны, какъ предразсудки интеллигенціи: а эта-то сторона еврейскаго вопроса обрисована Лессингомъ довольно блѣдно лишь въ нѣсколькихъ фразахъ, сказанныхъ молодою баронессою.

Несмотря на всѣ эти недостатки, пьеса имѣла большое значеніе для своего времени и возбудила оживленные толки. Выступить автору—особенно молодому—съ такою пьесою въ 1754 году было поступкомъ чрезвычайно смѣлымъ и доказывавшимъ, что авторъ не боится такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что философъ Вольтеръ былъ ярымъ врагомъ евреевъ, особенно послѣ того, какъ завелъ процессъ съ еврейскимъ банкиромъ; просвѣщенный деспотъ Фридрихъ II обращался съ евреями весьма сурово и не признавалъ за ними правъ гражданства. Выступить при такихъ условіяхъ въ защиту еврейской національности могъ только человѣкъ, обладавшій независимостью мнѣній и характера и никогда не думавшій о томъ, что скажутъ о его произведеніяхъ и какъ ихъ приметъ публика и критика: такимъ человѣкомъ былъ Лессингъ.

Кромѣ Мендельсона, Лессингъ весьма сблизился съ прусскимъ офицеромъ фонъ-Клейстомъ, который рѣзко отличался отъ большинства своихъ товарищей. Клейстъ привлекъ къ себѣ Лессинга необычайной искренностью и прямотою характера. Высокій, статный, съ прекрасными огненными глазами, онъ по наружности составлялъ противоположность еврею Мендельсону, но по страстности рѣчи, чистотѣ характера и цѣльности натуры имѣлъ съ нимъ много общаго. Впослѣдствіи Лессингъ воздвигъ своему другу литературный памятникъ въ драмѣ „Минна фонъ Барнгельмъ“.

Изъ прочихъ берлинскихъ знакомыхъ Лессинга можно назвать еще поэта Глейма, который однако былъ слишкомъ сентименталенъ для того, чтобы нравиться Лессингу; затѣмъ книгопродавца-издателя Николаи, который издалъ нѣкоторыя изъ сочиненій Лессинга и первый сталъ хвалить его драмы, называя Лессинга преемникомъ Шлегеля. Они не могли сойтись характерами, такъ какъ Лессингу было противно тщеславіе и пустозвонство Николаи и его черезчуръ уже практическій взглядъ на вещи, измѣрявшій все на деньги.

Несмотря на возню съ изданіемъ своихъ сочиненій и на безпре-

ЭР03202

рывную журнальную и переводную работу, отнимающую у многихъ крупныхъ писателей столько силъ, Лессингъ постоянно шелъ впередъ въ области самостоятельнаго творчества. Послѣдній фазисъ подражательности слѣдуетъ видѣть въ его трагедіи „Миссъ Сара Сампсонъ“, написанной подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Ричардсона и другихъ англійскихъ писателей сентиментальной школы.

Въ прежнихъ драматическихъ произведеніяхъ Лессинга мы видѣли вліяніе французовъ и Плавта; съ формальной стороны самыя раннія изъ нихъ вполнѣ примыкали къ ложно-классической школѣ, строго слѣдуя теоріи „трехъ единствъ“. Впослѣдствіи въ комедіяхъ Лессинга явилось болѣе жизни, дѣйствующія лица стали болѣе типичными; но главный недостатокъ составляла бѣдность психологическихъ мотивовъ, которые даже въ комедіи „Евреи“ замѣняются резонерствомъ главнаго дѣйствующаго лица: даже о чувствахъ его мы узнаемъ только изъ его словъ, хотя и краснорѣчивыхъ, но годныхъ лишь для памфлета. Знакомство съ англійскими беллетристами и драматургами значительно восполнило пробѣлъ, существовавшій у Лессинга. По несчастью, самый родъ его журнальныхъ занятій, требовавшій знакомства не столько съ *первоклассными* писателями, сколько съ современными модными знаменитостями, не позволилъ Лессингу сразу углубиться въ чтеніе Шекспира; онъ увлекся господствовавшимъ въ то время сентиментализмомъ, который, подъ видомъ психологическаго анализа, предлагалъ читателямъ безконечную канитель трогательныхъ сценъ, вызывавшихъ у чувствительныхъ людей потоки слезъ. Трудно повѣрить, чтобы мужественная натура Лессинга могла подчиниться этому вліянію; но это случилось и плодомъ подчиненія явилась трагедія въ высшей степени трогательная, но черезчуръ напоминающая свои англійскіе образцы.

По отношенію къ псевдо-классицизму сентиментальная школа, имѣвшая и во Франціи своего представителя въ лицѣ Дидро, дѣйствительно сдѣлала шагъ впередъ. Выдвинувъ на первый планъ сюжеты изъ жизни „третьяго сословія“, писатели этой школы имѣли возможность отрѣшиться отъ условной реторики, которая господствовала въ ложно-классическихъ трагедіяхъ, выбиравшихъ по преимуществу героическіе сюжеты съ непзбѣжными царями, пол-

ЭР03202

ководцами, вѣстниками и наперсниками. Родоначальниками новаго направленія въ области драматургіи явились во Франціи авторъ „трогательныхъ комедій“ Нивелль де ла Шоссе, въ Англіи—авторъ „мѣщанской трагедіи“, вышедшей подъ заглавіемъ „Лондонскій купецъ“, извѣстный Джорджъ Лилло. Изученіе этихъ образцовъ побудило Лессинга написать трактатъ „о слезливой и трогательной комедіи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться привить „трогательный“ родъ драмы къ германской сценѣ. У Лессинга критика всегда шла рука объ руку съ самокритикой и творчествомъ, и на этотъ разъ онъ какъ-бы хотѣлъ показать на дѣлѣ справедливость своихъ разсужденій о „трогательной“ драмѣ. Кромѣ „Лондонскаго купца“ на него значительно повліялъ романъ Ричардсона, въ которомъ изображенъ типъ Ловеласа, ставшій нарицательнымъ именемъ. Подъ этими впечатлѣніями и возникла трагедія „Сара Сампсонъ“, имѣвшая на сценѣ огромный, выдающійся успѣхъ. Самъ Лессингъ писалъ объ этомъ поэту Глейму: „Зрители сидѣли втеченіе четырехъ часовъ какъ статуи и обливались слезами“.

Чтобы понять значеніе „Сары Сампсонъ“ въ исторіи развитія Лессинга, необходимо ознакомиться съ упомянутымъ трактатомъ о сентиментальной комедіи, появившемся въ первой части его „Театральной Библіотеки“, сборникѣ статей, которыя должны были послужить очерками широко задуманной, но не написанной Лессингомъ „Критической исторіи театра во всѣ времена и у всѣхъ народовъ“.

Возражая одному французскому критику, Лессингъ старается доказать, что не всякая „трогательная“ комедія заслуживаетъ пренебрежительнаго названія „слезливой“, и вполнѣ основательно доказываетъ, что соединеніе трогательнаго съ комическимъ вполнѣ допустимо и даже заслуживаетъ одобренія. Даже у Мольера, говоритъ онъ, есть немало трогательныхъ мѣстъ. Если въ „слезливыхъ“ комедіяхъ, о которыхъ говоритъ французскій критикъ, встрѣчаются дикіе переходы отъ печальнаго къ смѣшному, то это зависитъ единственно отъ неумѣлости исполненія. Но цитируемый Лессингомъ французъ пишетъ не только о „дикимъ переходахъ“. Онъ говоритъ о „насильственныхъ усложненіяхъ, необычайныхъ положеніяхъ, преувеличенныхъ характерахъ“ и поясняетъ, что если подобныя вещи могутъ растрогать насъ на минуту, то это

ЭР03202

вовсе не служитъ доказательствомъ въ ихъ пользу. Растрогать насъ можетъ и совершенно неправдоподобный, даже нелѣпый разсказъ, но это впечатлѣніе не можетъ быть такъ сильно и продолжительно, какъ въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, „близкимъ къ дѣйствительной жизни“. Вотъ эти-то вѣрныя соображенія французскаго автора Лессингъ оставляетъ безъ достаточнаго отвѣта, такъ какъ для него самого еще не была ясна искусственность, господствующая подъ маскою простоты въ произведеніяхъ сентиментальной школы. Въ статьѣ о сочиненіяхъ Томсона Лессингъ даже отстаиваетъ положеніе, по которому о достоинствахъ трагедіи можно будто-бы судить по степени впечатлѣнія, произведеннаго имъ на „чувство состраданія“ зрителей. „Только эти слезы состраданія и сознающей себя человѣчности, пишетъ онъ, являются цѣлью трагедіи или она не имѣетъ никакой цѣли“. При этомъ Лессингъ забываетъ, что сентиментальныя комедіи и трагедіи большею частью дѣйствуютъ не столько на чувство человѣчности, сколько по-просту на слабонервность зрителей, которыхъ разстраиваютъ до слезъ даже совершенно неестественные характеры и положенія, если они сопоставлены достаточно искусно.

Прекраснымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ является собственное произведеніе Лессинга—правда, не комедія, а трагедія „Сара Сампсонъ“, дѣйствительно способная довести до слезъ людей съ недостаточно крѣпкими нервами, но въ то-же время представляющая много несообразностей, очевидныхъ при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу.

Нельзя отрицать, что по обрисовкѣ характеровъ и психологическому анализу „Сара Сампсонъ“ стоитъ выше болѣе раннихъ произведеній Лессинга. Но стремленіе растрогать во чтобы то ни стало читателя слишкомъ очевидно.

„Сара Сампсонъ“ служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что самый крупный талантъ подъ вліяніемъ дурной школы творитъ лишь искусственныя созданія, въ которыхъ только изрѣдка вспыхиваетъ искра истиннаго чувства.

Почти одновременно съ „Сарою Сампсонъ“ Лессингъ задумалъ произведеніе въ чисто народномъ нѣмецкомъ духѣ, которое, къ сожалѣнію, осталось неоконченнымъ. Поводомъ къ этому но-

ЭР03202

вому замыслу Лессинга было появленіе въ Берлинѣ нѣмецкой труппы подъ управленіемъ Шуха. Труппа была весьма посредственная и давала почти балаганныя представленія; но изъ нихъ одно произвело на Лессинга сильное впечатлѣніе, а именно сцены, изображающія „Смерть Фауста“—сюжетъ, заимствованный изъ старинныхъ народныхъ сказаній. Вскорѣ однако вниманіе Лессинга было отвлечено въ другую сторону и онъ бросилъ своего „Фауста“, увлекшись журнальной полемикой съ проф. Михаэлисомъ изъ-за своей комедіи „Евреи“.

Вскорѣ послѣ перваго представленія „Сары Сампсонъ“ Лессингъ оставилъ Берлинъ и послѣ семилѣтняго отсутствія опять поселился въ Лейпцигѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ многихъ старыхъ пріятелей: Коха, который соорудилъ здѣсь новый театръ, и своего университетскаго товарища Вейссе, который кропалъ драмы и комедійки. Лессингъ не одобрялъ этихъ писаній и совѣтовалъ другу заняться чѣмъ-либо инымъ.

Возобновленіе знакомствъ съ театральнымъ міромъ благотворно повліяло на Лессинга: въ его умѣ все яснѣе складывался планъ національной драмы. На первый разъ онъ однако довольствовался усерднымъ посѣщеніемъ театра и чтеніемъ комедій итальянскаго драматурга Гольдони. Самъ онъ сразу начиналъ множество работъ, терялъ терпѣніе и бросалъ ихъ. Такъ случилось съ комедіей „Счастливая наслѣдница“, написанной въ подражаніе Гольдони. Два листа были уже напечатаны, какъ вдругъ Лессингъ, несмотря на всѣ просьбы издателя-книгопродавца Рейха, отказался продолжать.

Этотъ самый Рейхъ познакомилъ Лессинга съ молодымъ весьма богатымъ лейпцигскимъ купеческимъ сыномъ Винклеромъ, который желалъ путешествовать по Голландіи, Англіи, Франціи и Италіи и искалъ человѣка, знающаго языки, литературу и исторію этихъ странъ. Ему рекомендовали Лессинга. Винклеръ предложилъ весьма подходящія условія; друзья Лессинга посовѣтывали писателю на всякій случай заключить съ Винклеромъ письменный договоръ. Лессингъ сталъ добросовѣстно готовиться къ своей роли проводника и особенно ревностно изучалъ исторію искусства, что̀ принесло ему огромную пользу. Въ ожиданіи отъѣзда онъ посѣтилъ Дрезденъ, гдѣ занялся изученіемъ музеевъ и неожиданно встрѣ-

ЭР03202

тилъ здѣсь своихъ родителей, которые вели переговоры съ обманувшимъ ихъ по денежному дѣлу фрейбергскимъ священникомъ.

Наконецъ весною 1756 года Винклеръ поѣхалъ съ Лессингомъ прежде всего въ Гальберштадтъ, гдѣ они посѣтили пріятеля Лессинга Глейма, затѣмъ въ Брауншвейгъ, гдѣ осмотрѣли музей, и въ Вольфенбюттель, съ цѣлью осмотрѣть здѣшнюю знаменитую библіотеку. Въ Гамбургѣ Лессингъ встрѣтилъ талантливаго актера Экгофа, съ которымъ сошелся весьма близко. Путешественники собирались уже объѣхать всю Голландію, какъ вдругъ въ Амстердамѣ получили извѣстіе о началѣ семилѣтней войны и о вступленіи прусскихъ войскъ въ Лейпцигъ. Это побудило Винклера немедленно возвратиться въ Лейпцигъ; Лессингъ провелъ здѣсь зиму въ его домѣ. Здѣсь между ними произошелъ разрывъ изъ-за политическихъ убѣжденій. Винклеръ былъ саксонскій патріотъ и ненавидѣлъ Пруссію; Лессингъ видѣлъ въ королѣ Фридрихѣ національнаго германскаго борца, демонстративно знакомился съ квартировавшими въ Лейпцигѣ прусскими офицерами и вводилъ ихъ въ лейпцигское общество. Однажды за обѣдомъ у Винклера нѣкоторые изъ приведенныхъ Лессингомъ офицеровъ стали бранить саксонское правительство. Многіе изъ саксонцевъ встали и ушли. Это такъ задѣло Винклера, что онъ на другой-же день велѣлъ Лессингу оставить его домъ и даже отказался уплатить ему слѣдуемую по контракту неустойку. Самолюбіе Лессинга было задѣто и онъ съ единственною цѣлью наказать Винклера началъ процессъ, длившійся семь лѣтъ, и выигралъ его, причемъ однако половина суммы ушла на судебныя издержки. Послѣ ссоры съ Винклеромъ, Лессингъ долго жилъ одними переводами. Книгопродавецъ Николаи порядочно эксплоатировалъ его. Впослѣдствіи Гете и Шиллеръ въ своихъ „Ксеніяхъ“ написали о Николаи слѣдующее: „Только не называй Лессинга: этотъ добрый человѣкъ много выстрадалъ, и въ его мученическомъ вѣнцѣ ты былъ колючимъ терніемъ“. Одинъ только прусскій офицеръ Клейстъ, лучшій другъ Лессинга (о немъ было уже упомянуто), какъ могъ, помогалъ пріятелю, стараясь доставить ему какое-либо мѣсто при прусскомъ дворѣ. „Бѣда въ томъ, что Лессингъ не французъ и не швейцарецъ“, писалъ Клейстъ послѣ одной изъ своихъ неудачныхъ попытокъ.

Плохое матеріальное положеніе не мѣшало Лессингу слѣдить

ЭР03202

за политикой, но значительно замедлило предпринятыя имъ литературныя работы. Онъ задумалъ новую трагедію „Эмилія Галотти“, но писалъ ее крайне медленно и съ большимъ трудомъ.

Побѣды Фридриха надъ французами радовали Лессинга. Знакомство съ французскими выходцами сдѣлало его почти галлофобомъ. Такъ онъ писалъ Глейму: „Пожалуйста, не говорите французамъ, что вы знаете хотя одного изъ ихъ писакъ. Если васъ спросятъ, читали-ли вы Грессе, Мариво или де Боккажа, откиньте пренебрежительно голову назадъ и спросите въ свою очередь, изучили-ли французы нашихъ Шенайховъ. О Фонтенеллѣ вы должны сказать, что знаете, что онъ дожилъ до ста лѣтъ, и о самомъ Вольтерѣ скажите, что вы будто-бы знаете только его глупѣйшія выходки и плутни. Я по крайней мѣрѣ буду вести себя такъ съ каждымъ французскимъ невѣждой, который пріѣдетъ въ Лейпцигъ“. Когда войска Фридриха разбили французовъ при Россбахѣ и Глеймъ написалъ на эту тему побѣдную пѣсню, Лессингъ писалъ ему: „Чего-бы я не далъ за то, чтобы перевести эту пѣсню цѣликомъ по-французски! Умница-французъ такъ сконфузится, какъ будто во второй разъ проигралъ сраженіе“.

Кромѣ работы надъ „Эмиліей Галотти“ Лессингъ занимался еще изученіемъ изданныхъ Бодмеромъ швабскихъ героическихъ сказаній. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ работы, Лессингъ опять уѣхалъ въ Берлинъ. Это было въ маѣ 1758 года, въ самый разгаръ войны.

ЭР03202

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лессингъ, какъ реформаторъ въ области драматургіи и эстетики.—Минна фонъ Барнгельмъ.—Лаокоонъ.

По справедливому замѣчанію новѣйшаго біографа Лессинга, Геринга, Лессингъ обладалъ поразительной способностью усвоивать лучшее, что́ находилъ у другихъ авторовъ, и воодушевляться всякой новизною. Но если-бы кромѣ этихъ качествъ Лессингъ не обладалъ и настоящей творческой силою, то конечно онъ не имѣлъ-бы никакого права считаться реформаторомъ, какимъ онъ явился на самомъ дѣлѣ. Уже было замѣчено, что у Лессинга нельзя найдти ни непосредственности, ни той мощной образности, какую мы видимъ у Шекспира или Гете: по таланту онъ стоялъ ниже ихъ. Творчество Лессинга проявляется главнымъ образомъ тамъ, гдѣ онъ отрѣшается отъ старыхъ, рутинныхъ формъ, понятій, предразсудковъ и, разложивъ ихъ путемъ критическаго анализа, затѣмъ уже вновь создаетъ лучшія формы, болѣе совершенныя понятія. *Онъ творецъ въ области идей эстетическихъ и этическихъ.*

Объяснить творчество Лессинга, исходя изъ чертъ чисто біографическихъ, иногда весьма трудно. Однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ періодовъ его дѣятельности является тотъ, когда въ личной жизни Лессинга мы видимъ лишь рядъ неудачъ и разочарованій и когда, казалось, онъ могъ не разъ пасть духомъ.

Единственное, что можно вывести изъ сопоставленія біографіи Лессинга съ его сочиненіями, сводится къ тому, что наиболѣе плодотворными являлись для Лессинга либо періоды крайняго нервнаго возбужденія, за которыми слѣдовалъ безплодный періодъ

ЭР03202

апатіи или безпорядочной жизни,—либо, наоборотъ, рѣдкіе въ его жизни періоды личнаго счастья и душевнаго спокойствія.

Въ эпоху своего третьяго пріѣзда въ Берлинъ (май 1758 года) Лессингъ, по общему признанію своихъ біографовъ, находился въ состояніи апатіи и переутомленія. Нервы его были совершенно разстроены. Его крайне раздражалъ тогда еще неоконченный процессъ съ Винклеромъ, онъ былъ желченъ и золъ. Нѣсколько освѣжающимъ образомъ повліяло на него посѣщеніе клуба, гдѣ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, онъ, по собственному сознанію, могъ „досыта поѣсть, посмѣяться и поспорить, особенно о вещахъ, которыхъ онъ не понималъ". Еще болѣе развлекало его посѣщеніе театра, гдѣ выступалъ на сценѣ, наряду съ посредственностями, высоко-талантливый актеръ Экгофъ. Лессингъ по прежнему принималъ къ сердцу успѣхи и неудачи Фридриха II, но прусскій шовинизмъ все болѣе отталкивалъ его. Сначала плѣнившія его патріотическія пѣсни Глейма скоро надоѣли Лессингу и онъ сталъ уже открыто высказывать, что въ поэзіи Глейма „патріотъ черезчуръ подавляетъ поэта". Но еще болѣе непріятное впечатлѣніе произвели на Лессинга патріотическія изліянія пастора Ланге, того самаго, который перевелъ Горація и которому Лессингъ посвятилъ свой критическій „Путеводитель". Лессингъ положительно негодовалъ, когда Ланге написалъ стихотворный пасквиль на принца Карла, хотя и запрещенный цензурою, но вышедшій въ свѣтъ по непосредственному дозволенію Фридриха II. По этому поводу Лессингъ сказалъ, что Фридрихъ, какъ солдатъ, далъ разрѣшеніе, котораго не далъ-бы при другихъ обстоятельствахъ, какъ король-философъ. Видя междоусобную вражду и напрасное пролитіе нѣмецкой крови, Лессингъ повидимому разочаровался во всемъ. Къ этой эпохѣ его жизни относится знаменитое изреченіе Лессинга, съ которымъ носились его враги, упрекая его въ космополитизмѣ. „О любви къ отечеству, сказалъ Лессингъ, къ стыду моему, я долженъ въ этомъ сознаться, я не имѣю никакого понятія и эта любовь кажется мнѣ въ крайнемъ случаѣ героической слабостью, безъ которой я охотно могу обойтись". Враги Лессинга забываютъ, что настоящимъ отечествомъ его могла быть только Германія, въ то время существовавшая лишь какъ отвлеченное понятіе.

По обыкновенію, Лессингъ писалъ десять вещей сразу. Онъ со-

ЭР03202

чинялъ басни, написалъ трактатъ о баснѣ, составлялъ комментаріи къ пѣснямъ Глейма, работалъ надъ литературными письмами, вмѣстѣ съ Рамлеромъ издалъ и снабдилъ предисловіемъ стихотворенія Логау. Посреди этой журнальной и черной работы онъ составлялъ планы драматическихъ произведеній, какъ вдругъ было имъ получено извѣстіе о тяжкой ранѣ, полученной его лучшимъ другомъ Клейстомъ подъ Кунерсдорфомъ. Глубока была скорбь Лессинга, какъ вдругъ пришло новое извѣстіе о смерти его друга. При своемъ одиночествѣ Лессингъ нуждался въ другѣ, подобномъ Клейсту. Даже Мендельсонъ не могъ замѣнить Клейста, который привлекалъ Лессинга своею необычайною искренностью и прямодушіемъ. Иногда Клейстъ становился угрюмъ и мраченъ, но Лессингъ зналъ, что это душевное состояніе его друга есть слѣдствіе тяжкихъ ударовъ судьбы; эта меланхолія не была капризомъ слабохарактернаго человѣка и возбуждала тѣмъ большее сочувствіе, что такіе припадки случались съ Клейстомъ необычайно рѣдко.

Потеря друга и собственныя неудачи довели Лессинга до крайне возбужденнаго состоянія и онъ лихорадочно взялся за работу, чтобы забыть объ окружающемъ. Онъ сталъ изучать Софокла и началъ замѣчательный этюдъ о его сочиненіяхъ, оставшійся неоконченнымъ. Послѣ занятія Берлина русско-австрійскими войсками, Лессингъ оставилъ этотъ городъ и послѣдовалъ приглашенію генерала Тауенцина, который звалъ его къ себѣ въ Бреславль, предлагая у себя порядочную секретарскую должность. Лессингъ поспѣшно уѣхалъ въ Бреславль, но все-же по дорогѣ заѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ посѣтилъ могилу своего друга Клейста.

Пребываніе у Тауенцина дало наконецъ Лессингу желаемый отдыхъ и онъ на дѣлѣ могъ провѣрить свою любимую латинскую пословицу, гласящую, что „музы требуютъ досуга и уединенія писателя“. Дѣйствительно онъ собралъ здѣсь много матеріаловъ для своего „Лаокоона“. Вскорѣ однако оказалось, что сравнительно несложная секретарская обязанность утомляла его болѣе, чѣмъ труднѣйшія литературныя работы.

Въ Бреславлѣ Лессингъ имѣлъ полную возможность присмотрѣться къ оборотной сторонѣ подвиговъ прусскаго короля Фридриха II. Тауенцинъ, у котораго онъ былъ секретаремъ, долженъ былъ въ качествѣ губернатора или коменданта крѣпости надзирать

ЭР03202

за чеканкою низкопробной монеты, которую Фридрихъ заставлялъ принимать, какъ полновѣсную; прусскій король, несмотря на свое юдофобство, поручилъ эту аферу двумъ берлинскимъ евреямъ, которые дѣлали самые заманчивыя предложенія Лессингу и особенно Мендельсону; но оба друга дали понять, какъ они относятся къ подобному предпріятію. Многіе изъ знакомыхъ Лессинга удивлялись по этому поводу его „непрактичности“, такъ какъ онъ легко могъ стать богачемъ. По обыкновенію Лессингъ часто посѣщалъ театръ, завелъ кое-какія знакомства и велъ довольно безпорядочную жизнь. Онъ получалъ хорошее жалованье, но жилъ болѣе чѣмъ скромно и никогда ничего не откладывалъ. Много тратилъ онъ на покупку книгъ, и библіотека его содержала уже болѣе 6,000 томовъ. Чтобы помочь родителямъ и братьямъ, онъ часто занималъ деньги и закладывалъ вещи. Съ слугами ему не везло: одинъ изъ лакеевъ обокралъ его и скрылся, а потомъ открылъ лавку. „Что-жь, сказалъ Лессингъ, узнавъ объ этомъ,—онъ по крайней мѣрѣ хорошо употребилъ мои деньги“. Когда однако знакомая дама стала ему совѣтовать „не сорить деньгами“, Лессингъ отвѣтилъ: „У меня всегда будутъ деньги, пока останутся эти три пальца (чтобъ держать перо) и вотъ это“— онъ указалъ на свой лобъ. Говорятъ, что Лессингъ постоянно держалъ въ карманахъ червонцы вмѣстѣ съ мелкой монетой и часто по ошибкѣ подавалъ милостыню червонцами. Если нищій возвращалъ золотой, Лессингъ выражалъ удивленіе, что на свѣтѣ есть столько честныхъ людей и приказывалъ нищему взять червонецъ, „посланный ему самимъ провидѣніемъ“.

При такой щедрости, не знавшей разумныхъ границъ, не удивительно, что Лессингъ легко увлекся азартными играми. Самъ Лессингъ весьма правильно объяснилъ причину своего увлеченія картами: это былъ родъ искусственнаго возбужденія для его совершенно разстроенныхъ нервовъ. „Я нарочно играю такъ страстно, говорилъ онъ. Сильное возбужденіе приводитъ въ дѣйствіе мою остановившуюся машину; оно избавляетъ меня отъ физическаго страданія, которое я часто испытывалъ“. Берлинскій другъ Лессинга, Мендельсонъ, узнавъ о подобномъ образѣ жизни своего пріятеля, придумалъ весьма остроумное противоядіе. Онъ прислалъ Лессингу экземпляръ своихъ философскихъ сочиненій съ

ЭР03202

печатнымъ посвященіемъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что писатель, обожаемый публикой, сталъ нѣмымъ божествомъ. „Онъ не слышитъ, не говоритъ, не чувствуетъ, не видитъ. Что-же онъ дѣлаетъ?—Онъ играетъ“.

Лессингъ пришелъ въ ужасъ, получивъ подобный подарокъ. Мендельсонъ поспѣшилъ успокоить друга, сообщивъ ему, что посвященіе присоединено лишь къ нѣсколькимъ экземплярамъ, розданнымъ его ближайшимъ знакомымъ и пріятелямъ. Нравоученіе не помогло. Лессингъ продолжалъ устраивать у себя ночныя сборища, пока наконецъ его домовой хозяинъ, по профессіи булочникъ, не придумалъ средство болѣе дѣйствительное, чѣмъ увѣщанія друга: онъ пустилъ въ обращеніе пряники съ карикатурнымъ портретомъ и подписью Лессинга, что̀ заставило послѣдняго очистить квартиру раньше срока.

Лишь по окончаніи Семилѣтней войны Лессингъ пришелъ въ себя. Онъ сопровождалъ генерала Тауенцина въ его дѣловыхъ поѣздкахъ и возвратившись въ Бреславль, взялся за литературныя письма, снова сталъ работать надъ своимъ Фаустомъ и началъ подготовительныя работы для „Лаокоона“. Весну 1764 года онъ провелъ сравнительно спокойно, живя въ дачномъ помѣщеніи, гдѣ, сидя въ бесѣдкѣ, усердно работалъ надъ первой нѣмецкой національной драмой „Минной фонъ Барнгельмъ“. За эту работу онъ взялся съ необычайной энергіей и довелъ себя до такого переутомленія, что заболѣлъ. Во время болѣзни его болѣе всего мучили бесѣды доктора; главною темою этихъ бесѣдъ былъ Готтшедъ, опротивѣвшій Лессингу еще до болѣзни. Когда болѣзнь дошла до критическаго періода, Лессингъ сказалъ одному изъ знакомыхъ: „Хотѣлъ-бы я знать, что произойдетъ въ моей душѣ во время умиранія“. „Но это невозможно“ сказалъ пріятель... „Ахъ, вы меня интригуете“! съ досадою воскликнулъ больной. По выздоровленіи онъ долго страдалъ обмороками. Лессингъ увѣрялъ однако-жь, что болѣзнь принесла ему пользу. „Я точно вновь родился, говорилъ онъ: Съ этихъ поръ началась серьезная эпоха моей жизни. Я вполнѣ становлюсь мужемъ и надѣюсь, что эта горячка выгнала изъ меня послѣдніе остатки моихъ юношескихъ глупостей. Счастливая болѣзнь!“ Конечно, это былъ самообманъ, и вскорѣ Лессингъ сталъ, наоборотъ, жаловаться, что не можетъ работать по прежъ-

ЭР03202

нему. Особенно печалило его, что онъ не могъ окончить своего любимаго произведенія, своей „Минны фонъ Барнгельмъ“. Лишь вполнѣ оправившись, онъ опять взялся за работу. „Я не хочу писать эту вещь половиною головы“, говорилъ онъ.

Наконецъ, былъ рѣшенъ процессъ съ Винклеромъ и Лессингъ получилъ 300 таллеровъ, явившихся какъ разъ кстати, тѣмъ болѣе что родители осаждали Лессинга письмами, жалуясь на нужду. Посѣтивъ родительскій домъ, Лессингъ возвратился въ Берлинъ. Онъ сюда пріѣхалъ уже далеко не безусловнымъ почитателемъ Фридриха II. Высокомѣрный тонъ, господствовавшій въ Берлинѣ послѣ того, какъ Петръ III заставилъ Россію помогать Пруссіи, пришелся совсѣмъ не по душѣ Лессингу. На первыхъ-же порахъ въ Берлинѣ Лессинга встрѣтила домашняя непріятность: его новый слуга, присланный сюда привести въ порядокъ книги, выдалъ себя за брата своего барина, нарядился въ его платья и велъ себя крайне нахально. Лессингъ разсчиталъ слугу, но и новый лакей оказался немногимъ лучше, разумѣется, по винѣ самого Лессинга, рѣшительно не умѣвшаго проявлять авторитетъ надъ слугами. Неудивительно, что въ его комедіяхъ слуги не только фамильярничаютъ съ господами, но нерѣдко командуютъ ими.

Окончивъ „Минну фонъ Барнгелемъ“, Лессингъ принялся ревностно за своего „Лаокоона“.

Комедія „Минна фонъ Барнгельмъ“ составляетъ въ его дѣятельности такой-же поворотный пунктъ, какъ и „Лаокоонъ“. Оба эти произведенія, въ противоположность прежнимъ работамъ Лессинга, уже не представляютъ ни слѣда какой-бы то ни было подражательности. Вмѣсто того, чтобы идти по дорогѣ, проторенной другими писателями, нерѣдко такими, которые стояли ниже самого Лессинга, въ этихъ двухъ произведеніяхъ онъ самъ указываетъ нѣмецкой литературѣ новый путь.

Въ „Миннѣ фонъ Барнгельмъ“ творчество Лессинга достигаетъ полнаго развитія. Всѣ типы этой драмы созданы имъ изъ чертъ, которыя ему приходилось наблюдать съ дѣйствительности. Работая надъ своимъ „Фаустомъ“, Лессингъ убѣдился, что не въ этомъ произведеніи долженъ находиться центръ тяжести его дѣятельности. Не въ воображеніи средневѣкового прошлого, не въ возсозданіи типа, выработаннаго народной фантазіей, а только

ЭР03202

въ живой современности онъ могъ искать подходящихъ сюжетовъ. Для созданія „Фауста“ Лессингу не хватало богатства красокъ, которыми располагало воображеніе Гёте. Семилѣтняя война, взятая не съ ея розовой стороны, невольно привлекала вниманіе Лессинга. Широкое знакомство съ бытомъ и нравами, жизненный опытъ, знакомство съ такими людьми, каковъ Клейстъ, послужившій оригиналомъ для маіора фонъ Телльгейма, все это ставитъ „Минну фонъ Барнгельмъ“ безконечно выше прежнихъ драматическихъ работъ Лессинга. Онъ самъ сознавалъ это, чувствовалъ значеніе своего новаго произведенія, и поэтому работалъ надъ нимъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ. Случай, происшедшій въ одной бреславльской гостинницѣ, гдѣ невѣста отыскала своего жениха, раненнаго офицера, былъ основою фабулы. „Горю нетерпѣніемъ, писалъ Лессингъ 20-го августа 1764 г., окончить свою Минну. Эта комедія—одинъ изъ послѣднихъ моихъ проектовъ. Если она не выйдетъ лучше всѣхъ прежнихъ моихъ пьесъ, то я твердо рѣшился ничего болѣе не писать для театра.“

О громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ этою пьесою на „избранныхъ“, писали многіе и между прочимъ Гёте. Но большинство публики отнеслось къ „Миннѣ фонъ Барнгельмъ“ не лучше, чѣмъ къ любой посредственной пьесѣ. Въ противоположность прежнимъ тремъ драмамъ Лессинга, въ „Миннѣ фонъ Барнгельмъ“, за исключеніемъ лицъ третьестепенныхъ (графа и фельдъ-егеря), всѣ остальныя дѣйствующія лица вполнѣ типичны. Даже слуги обрисованы превосходно и не вылиты въ одинъ образецъ, какъ прежнія „Лизетты“, списанныя съ мольеровскихъ субретокъ. Главный интересъ пьесы, конечно, сосредоточивается на Миннѣ и ея женихѣ маіорѣ фонъ Телльгеймъ. Порывистая, живая, бойкая, нѣсколько вѣтряная, но горячо любящая Минна — это дитя фантазіи Лессинга, соединяетъ въ себѣ самыя симпатичныя стороны нѣмецкой женщины, конечно, не такой, какою мы привыкли ее представлять себѣ, соединяя съ понятіемъ нѣмки либо ангельскую невинность, либо флегму и слащавую сентиментальность. Что типъ Минны не составляетъ чего-либо исключительнаго, въ этомъ убѣждаютъ насъ хотя-бы многія женскія фигуры, обрисованныя гораздо позднѣе Шпильгагеномъ. Дѣйствуя болѣе по чувству, чѣмъ по разсудку, Минна не можетъ быть на-

ЭР03202

звана идеальною героинею. Но зато она гораздо болѣе привлекательна, чѣмъ разныя не въ мѣру чувствительныя, не столько идеальныя, сколько идеальничающія созданія, съ которыми мы такъ часто встрѣчаемся у второстепенныхъ нѣмецкихъ драматурговъ и беллетристовъ.

Не менѣе характеристична личность маіора фонъ Телльгейма. Мужественность, прямота и огромное, даже до болѣзненности развитое самолюбіе—всѣ эти черты, хотя и списанныя Лессингомъ съ его покойнаго друга Клейста, превратились подъ его перомъ въ очертанія новой, совершенно оригинальной личности.

Давши въ „Миннѣ фонъ-Баргельмъ“ первый примѣръ сценическаго изображенія современной нѣмецкой жизни, Лессингъ порвалъ всякую связь и съ французскимъ псевдоклассицизмомъ и съ англійскимъ сентиментализмомъ. Въ Миннѣ, вообще трудно замѣтить чье-бы то ни было постороннее вліяніе, исключая косвеннаго вліянія Шекспира, съ которымъ Лессингъ только въ это время сталъ знакомиться болѣе основательно. Но вліяніе Шекспира ограничиваетея лишь отрицательной стороной, то есть способствуетъ ниспроверженію прежнихъ кумировъ. Понявъ Шекспира, нельзя уже было поклоняться Ричардсону.

Не менѣе самостоятельнымъ путемъ идетъ Лессингъ въ области эстетической критики, что́ сказывается сначала въ его литературныхъ письмахъ, затѣмъ въ „Лаокоонѣ“. Подобно многимъ произведеніямъ Лессинга, его „Лаокоонъ“, начатый въ 1765 году, остался неоконченнымъ: вышла только первая часть. Во второй части онъ намѣревался развить подробнѣе свои взгляды на живопись и на музыку. По обыкновенію, помѣхою для его работы были стѣсненныя матеріальныя условія. Одно время казалось, что Лессингъ получитъ мѣсто при королевской прусской библіотекѣ. По смерти прежняго библіотекаря, вакантное мѣсто первоначально предложили знаменитому Винкельманну, прославившемуся своею „Исторіею искусствъ“. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы король Фридрихъ имѣлъ какое-либо понятіе о Винкельманнѣ. Онъ въ данномъ случаѣ просто обратился къ своимъ министрамъ и придворнымъ, а тѣ порекомендовали Винкельманна. Что касается самого короля Фридриха, этотъ меценатъ, поощрявшій каждаго французскаго выходца и благоволившій геніально-бездарному

ЭР03202

Готтшеду, былъ твердо убѣжденъ, что знаменитый Винкельманнъ есть одно и то-же лицо съ нѣкіимъ авдиторомъ полка принца Генриха, также Винкельманномъ, дезертировавшимъ въ Римъ и ведшимъ тамъ крайне распущенную жизнь! При такомъ знакомствѣ съ такою знаменитостью какъ Винкельманнъ, неудивительно, что король Фридрихъ зналъ и Лессинга главнымъ образомъ со словъ пастора Ланге, который не могъ простить Лессингу критики переводовъ Горація. Мѣсто библіотекаря было, какъ сказано, предложено Винкельманну; но король объявилъ, что для нѣмца довольно и тысячи талеровъ жалованья, вслѣдствіе чего Винкельманнъ съ негодованіемъ отказался. Тогда пріятели Лессинга стали хлопотать за него, надѣясь доставить ему эту должность. Но Фридрихъ объявилъ наотрѣзъ, чтобы ему не говорили болѣе о Лессингѣ, причемъ замѣтилъ, что пригласитъ француза, такъ какъ всѣ нѣмцы— „педанты“.

Несмотря на всѣ треволненія, Лессингъ не только выпустилъ въ свѣтъ первую часть Лаокоона, но наконецъ издалъ и свою „Минну фонъ-Барнгельмъ“, въ которой, въ послѣднюю минуту, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ по совѣту одного изъ своихъ наилучшихъ пріятелей—Раммера.

Если „Минна“ была восторженно принята публикой, то „Лаокоонъ“ далъ Лессингу почетное мѣсто въ ученомъ мірѣ. Даже Винкельманнъ, отнесшійся свысока къ этому произведенію, пока зналъ о немъ съ чужихъ словъ, прочитавъ наконецъ „Лаокоона“, сказалъ: „Лессингъ пишетъ такъ, какъ было-бы желательно, чтобы всѣ писали“. Въ этомъ снисходительномъ приговорѣ „знаменитости“ звучитъ нѣкоторая скрытая зависть... О значеніи „Лаокоона“ въ исторіи нѣмецкой литературы можно судить уже по тому вліянію, какое имѣло это произведеніе на Гёте и на Шиллера.

Для оцѣнки эстетической теоріи, развитой Лессингомъ въ его Лаокоонѣ, необходимо знать, что въ XVI, XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ многіе писатели намѣренно смѣшивали границы между разными искусствами. Такъ Лодовико Дольче (въ XVI в.) утверждалъ, что живопись есть та-же поэзія и поэзія та-же живопись; въ началѣ XVIII в. англичанинъ Аддисонъ заявилъ, что живопись и поэзія пользуются одними и тѣми-же средствами; во Франціи графъ Кэлюсъ 1757 г. утверждалъ, что о достоинствѣ поэта можно су-

ЭР03202

дить главнымъ образомъ по числу картинъ, которыя онъ доставляетъ живописцу.

Предшественникомъ Лессинга, высказавшаго совершенно иной взглядъ на границы искусствъ, былъ энциклопедистъ Дидро, который въ своихъ „Письмахъ о глухонѣмыхъ“ и въ „Опытѣ о живописи“ впервые пытался установить болѣе правильный взглядъ на вещи. Исходя изъ чисто психологическихъ положеній, Дидро высказалъ, что живопись и поэзія относятся различно къ однимъ и тѣмъ-же объектамъ. Такъ, напримѣръ, описаніе того, какъ Полифемъ пожиралъ спутниковъ Одиссея, производитъ сильное впечатлѣніе; но изображеніе того-же сюжета на картинѣ было-бы, по мнѣнію Дидро, отвратительно и невыносимо для глаза.

Въ „Essai sur la peinture“, появившемся въ 1765 г., когда Лессингъ уже работалъ надъ своимъ „Лаокоономъ“ Дидро, высказываетъ взгляды, довольно близкіе къ взглядамъ Лессинга; но прямое вліяніе Дидро на Лессинга не доказано, точно такъ-же, какъ и обратно, не доказано, чтобы Дидро былъ знакомъ съ „Лаокоономъ“, когда, десять лѣтъ послѣ его появленія, писалъ свои „Мысли о живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и поэзіи», гдѣ есть много поразительныхъ совпаденій съ мнѣніями Лессинга. Здѣсь мы просто имѣемъ дѣло съ явленіемъ, весьма обыкновеннымъ въ исторіи мысли: однѣ и тѣ-же идеи возникаютъ самостоятельно въ умахъ великихъ людей, нерѣдко принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ и живущихъ въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра. Весьма незначительно было вліяніе, оказанное на Лессинга Винкельманномъ, у котораго онъ заимствовалъ лишь нѣкоторыя факты, рѣдко соглашаясь съ его взглядами. Болѣе значенія имѣла для Лессинга переписка съ его другомъ Мендельсономъ, который еще ранѣе Лессинга отвергъ, натуралистическую теорію грубаго копированія природы и одновременно съ нимъ напалъ на мысль, что область изобразительныхъ искусствъ составляютъ „расположенныя въ пространствѣ, тѣлесныя, видимыя формы“, тогда какъ область поэзіи составляютъ „явленія, слѣдующія во времени“.

Сущность взглядовъ, выраженныхъ Лессингомъ въ его „Лаокоонѣ“, сводится къ слѣдующему. Лессингъ задается вопросомъ: почему скульпторъ, изваявшій знаменитую группу—Лаокоона и его сыновей, удушаемыхъ змѣями—не изобразилъ Лаокоона издаю-

ЭР03202

щимъ вопли или стоны? Было-бы ошибочно думать, что скульпторъ хотѣлъ этимъ выразить величіе души или мужество Лаокоона. У древнихъ грековъ вопли и стенанія вовсе не считались признакомъ душевной слабости или трусости. Ихъ герои, не стѣсняясь, вопятъ и даже плачутъ, какъ напримѣръ Филоктетъ у Софокла. Виргилій, отлично понявшій духъ древней Греціи, заставляетъ своего Лаокоона неистово кричать, и онъ правъ, потому что поэзія имѣетъ болѣе широкія границы, чѣмъ скульптура. Для скульптора руководящимъ началомъ должна служить красота; но человѣкъ, неистово вопящій, всегда безобразенъ: вотъ гдѣ кроется причина, почему скульпторъ иначе изобразилъ страданіе Лаокоона, нежели поэтъ. Сравнивая поэзію съ *живописью*, Лессингъ приходитъ къ подобнымъ-же выводамъ. Живопись имѣетъ дѣло съ тѣлами, предметами, поэзія—съ дѣйствіями. Живопись не можетъ изобразить дѣйствія: она только даетъ намеки на дѣйствія; обратно, поэтъ можетъ изобразить тѣлесныя формы только посредствомъ дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія Лессингъ осуждаетъ такъ называемую „описательную“ поэзію. онъ указываетъ на заслуживающій подражанія примѣръ Гомера, который никогда не даетъ подробныхъ описаній, напримѣръ, человѣческой фигуры, излюбленныхъ второстепенными поэтами, *но ограничивается нѣсколькими рѣзкими эпитетами или-же заставляетъ насъ судить о красотѣ по производимому ею дѣйствію.* Изъ поэмъ Гомера художникъ не можетъ выкроить картинъ; Гомеръ дѣйствуетъ на живописца совсѣмъ иначе, воодушевляя его и давая ему общія указанія. Поэтъ, подобный Гомеру, не пренебрегаетъ и уродливымъ, даетъ мѣсто и смѣшному, и ужасному; живопись можетъ изображать уродливое, но тогда это уже не живопись, а ловкое копированіе природы. Даже поэзія должна обращаться осторожно съ отвратительными сюжетами, въ живописи-же они совсѣмъ недопустимы.

У древнихъ, говоритъ Лессингъ, красота была высшимъ закономъ живописи (для сокращенія онъ иногда употребляетъ слово живопись, подразумѣвая подъ этимъ и скульптуру). Греческій живописецъ Павзонъ, изображавшій по преимуществу уродовъ, умеръ въ нищетѣ. Предшественникъ голландской школы, Пирикъ, рисовавшій цирюльни, мастерскія, ословъ, овощи, получилъ неблагозвучное прозвище рипарографа (рисующаго Мавозонъ).

ЭР03202

Въ Ѳивахъ было запрещено закономъ изображать что-либо отвратительное. Этому правилу добровольно слѣдовали древніе скульпторы: они никогда не изображали такихъ страстей или такой степени страсти, при которой черты лица искажаются; такъ напримѣръ, ни одинъ изъ нихъ не изображалъ бѣшенства или отчаянія. Среди античныхъ скульптурныхъ произведеній нельзя найти изображенія фуріи. Вмѣсто гнѣва древніе изображали серьезное, суровое выраженіе лица; вмѣсто отчаянія являлась скорбь. Греческій живописецъ Тиманѳъ, изображая жертвоприношеніе Ифигеніи, нарисовалъ скорбныя лица окружающихъ; но лицо Агамемнона осталось закрытымъ: художникъ нарочно закрылъ его, чтобы не изобразить отчаянія отца, такъ какъ при этомъ пришлось-бы принести въ жертву то, что цѣнится болѣе всего въ художественномъ произведеніи—красоту. Закрывъ лицо отца, художникъ производитъ должное впечатлѣніе тѣмъ, что позволяетъ зрителю догадаться о глубинѣ и силѣ невидимой скорби. Тѣ-же разсужденія Лессингъ примѣняетъ къ Лаокоону. „Художникъ стремился достичь наибольшей красоты, возможной при данныхъ обстоятельствахъ (т. е. при физической боли). Соединить красоту съ выраженіемъ, составляющимъ послѣдствіе страшной боли, невозможно. Пришлось поэтому смягчить его; крикъ надо было замѣнить вздохомъ; не потому, чтобы крикъ былъ доказательствомъ малодушія, а потому, что онъ обезображиваетъ лицо. Въ самомъ дѣлѣ, постарайтесь мысленно раскрыть Лаокоону ротъ и затѣмъ судите. Заставьте его кричать и посмотрите. Прежде вы видѣли произведеніе, внушавшее вамъ состраданіе, потому что вы одновременно видѣли красоту и страданіе; теперь получилось отвратительное произведеніе, отъ котораго вы охотно отвернетесь, потому что созерцаніе боли возбуждаетъ непріятное чувство, а отсутствіе красоты у страдающаго предмета не превращаетъ это чувство неудовольствія въ сладостное чувство состраданія“.

Лессингъ предвидитъ возраженія со стороны реалистической школы и старается устранить ихъ. „Искусство, говорятъ, отвоевало въ новѣйшія времена гораздо болѣе широкія границы. Его подражательная способность, говорятъ, простирается на всю видимую природу, а красивое составляетъ ничтожную часть природы. Истина и выразительность есть первый законъ искусства“.

ЭР03202

„Допустимъ, что это такъ, говоритъ Лессингъ; но даже съ этой точки зрѣнія станетъ понятно, почему художникъ не можетъ копировать все, что́ ему вздумается. Художникъ можетъ схватить въ вѣчно-измѣнчивой природѣ лишь одинъ моментъ; мало того, живописецъ даже этимъ моментомъ пользуется ограниченно, а именно съ одной опредѣленной точки зрѣнія. Но произведенія искусства долговѣчны, на нихъ смотрятъ долго и нѣсколько разъ; очевидно, что художникъ долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы избранный имъ моментъ и принятая точка зрѣнія были какъ можно болѣе удачны. Но наибольше удачно то, что́ даетъ наибольшую пищу воображенію зрителя. Неправильно поступаетъ художникъ, который, изображая страсти, выбираетъ моментъ сильнѣйшаго аффекта: этимъ онъ отнимаетъ у зрителя всякую способность вообразить себѣ что-либо еще большее. Если Лаокоонъ вздыхаетъ, мы можемъ себѣ представить, что онъ закричитъ или зарыдаетъ; но если онъ неистово вопитъ, то дальше этого уже идти нельзя, наше воображеніе совершенно подавлено и впечатлѣніе остается рѣзкимъ, но не глубокимъ. Лессингъ приводитъ примѣръ греческаго живописца Пимомаха, нарисовавшаго Медею. Пимомахъ изобразилъ Медею не въ тотъ моментъ, когда она убиваетъ дѣтей, а когда въ ней еще борется материнская любовь съ ревностью. Когда какой-то посредственный художникъ изобразилъ, наоборотъ, моментъ убійства, то одинъ древній поэтъ весьма остроумно замѣтилъ, обращаясь къ этой Медеѣ: „Развѣ ты *постоянно* жаждешь крови твоихъ дѣтей? Развѣ постоянно является новый Язонъ съ новой Креузой и безпрерывно злятъ тебя? Прочь эту картину!“

Указавъ границы „изобразительныхъ“ искусствъ (живописи и скульптуры), Лессингъ затѣмъ пытается установить границы поэзіи и возстаетъ противъ „описательнаго“ направленія. Онъ осуждаетъ подробныя поэтичныя описанія женской красоты. Поэтъ можетъ описать красоту, лишь разлагая ее на составные элементы и перечисляя ихъ въ извѣстной послѣдовательности; но этотъ аналитическій процессъ тотчасъ уничтожаетъ впечатлѣніе, которое получается лишь при созерцаніи цѣлаго, а цѣлое можетъ изобразить лишь живопись или скульптура. Гомеръ въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Лессинга, стоитъ выше новѣйшихъ поэтовъ. Гомеръ говоритъ, что Елена была божественно прекрасна, но нигдѣ не даетъ

ЭР03202

подробнаго описанія ея красоты; зато онъ даетъ больше: онъ показываетъ намъ, какое *впечатлѣніе* производила ея красота, напримѣръ въ томъ мѣстѣ Иліады, гдѣ описано, какъ Елена явилась въ собраніе старѣйшинъ троянскаго народа. Одно изъ лучшихъ средствъ, которыми можетъ пользоваться поэзія при изображеніи красоты, состоитъ, по мнѣнію Лессинга, въ томъ, что поэтъ превращаетъ красоту въ *грацію*, такъ какъ грація есть „красота въ движеніи“ и поэтому она менѣе доступна художнику, чѣмъ поэту.

Въ то время какъ художнику доступенъ лишь *одинъ моментъ*—и ему необходимо умѣть выбрать этотъ моментъ—поэтъ въ своихъ описаніяхъ можетъ воспользоваться лишь *однимъ качествомъ или признакомъ* и долженъ выбрать тотъ именно признакъ, который наиболѣе способенъ возбудить наше воображеніе. Въ этомъ и состоитъ секретъ силы эпитетовъ, употребляемыхъ, напримѣръ, Гомеромъ. Гомеръ не даетъ подробнаго описанія кораблей: онъ характеризуетъ ихъ однимъ, много двумя эпитетами, напримѣръ черный корабль, быстрый и т. п. Если онъ описываетъ что-либо подробно, то не самые предметы, а движенія ихъ, напримѣръ отчаливаніе корабля: въ этомъ случаѣ поэзія имѣетъ, наоборотъ, преимущество надъ живописью. Живописцу надо пять или шесть картинъ, чтобы воспроизвесть одно какое-либо краткое описаніе Гомера.

Отведя для живописи область красоты, Лессингъ допускаетъ въ поэзіи изображеніе уродливаго. Онъ выступаетъ также противъ теоріи, требующей, чтобы поэтъ во что-бы то ни стало изображалъ идеально-совершенные характеры. Въ живописи должна быть красота, поэтому должны изображаться положенія покойныя, величественныя, полныя достоинства, вообще свободныя отъ чрезмѣрныхъ эффектовъ. „Грубое и безсмысленное перенесеніе этого правила въ область поэзіи, если не породило, то утвердило ложную теорію совершенныхъ въ нравственномъ отношеніи характеровъ. Конечно, и поэтъ стремится къ идеально прекрасному; но его идеалъ не требуетъ покоя, а наоборотъ—дѣйствія. Дѣйствія-же тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ значительнѣе, разнообразнѣе и даже чѣмъ противоположнѣе между собою управляющіе имъ мотивы“. Поэтому идеально-нравственный характеръ можетъ играть въ поэзіи лишь второстепенную роль, такъ какъ въ своихъ дѣйствіяхъ онъ большею частью руководится слишкомъ простыми мотивами и въ немъ

ЭР03202

не происходитъ борьбы страстей. Его спокойствіе величественно, но не поэтично.

Какъ уже было замѣчено выше, „Лаокоонъ“ остался, къ сожалѣнію, неоконченнымъ. Когда первая часть его была уже почти готова къ печати, вышла въ свѣтъ давно ожидаемая „Исторія искусствъ“ Винкельманна, передъ этимъ издавшаго лишь свои мелкія статьи. Лессингъ высоко ставилъ авторитетъ Винкельманна собственно какъ историка, и въ одной изъ послѣднихъ главъ „Лаокоона“ написалъ: „Я не осмѣлюсь сдѣлать ни шага болѣе, пока не прочитаю это произведеніе. Мудрить объ искусствѣ, исходя изъ однихъ общихъ понятій, опасно: это можетъ повести къ такимъ фантазіямъ, которыя, къ стыду моему, увидишь опровергнутыми при изученіи произведеній искусства. То, что дѣлали (древніе) художники, научитъ меня тому, что вообще должны дѣлать художники. И если человѣкъ подобный ему (Винкельманну) держитъ факелъ, освѣщающій исторію, то умозрѣніе можетъ смѣло идти по его слѣдамъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Лессингъ главнымъ образомъ надѣялся воспользоваться историческими свѣдѣніями, сообщаемыми Винкельманномъ, но ни мало не подчинялся его теоретическимъ воззрѣніямъ, въ чемъ легко убѣдиться съ первыхъ-же строкъ „Лаокоона“, въ которыхъ онъ оспариваетъ именно мнѣнія Винкельманна. Лессингъ вскорѣ имѣлъ однако случай убѣдиться, что и историческая часть у Винкельманна представляетъ не мало промаховъ, на которые онъ указалъ впрочемъ въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ, называя ихъ „мелочами“. Эта сдержанность не мало способствовала благопріятному приговору, произнесенному Винкельманномъ надъ „Лаокооном“. Врочемъ, среди современниковъ Лессинга нашлись и такіе, которые отнеслись къ его произведенію вполнѣ безпристрастно и безъ свякихъ личныхъ видовъ. Изъ нихъ особенно слѣдуетъ упомянуть извѣстнаго Гердера. Въ настоящее время въ Германіи существуетъ цѣлая литература о „Лаокоонѣ“ и трудно назвать произведеніе, которое въ такой степени повліяло-бы на эстетическія воззрѣнія нѣмцевъ, какъ неоконченный трудъ Лессинга. Лессингъ надѣялся издать свой трудъ такъ-же на французскомъ языкѣ и самъ перевелъ „Предисловіе“. Но, какъ и многіе другіе его проекты, этотъ планъ остался невыполненнымъ.

ЭР03202

Глава пятая.

Лессингъ какъ литературный и театральный критикъ.—Письма о новѣйшей литературѣ.—«Гамбургская драматургія».

Дѣятельность Лессинга какъ литературнаго и театральнаго критика продолжалась почти безпрерывно, являясь для него, наряду съ переводами, главнымъ источникомъ матеріальнаго существованія. Тѣмъ не менѣе было-бы большою ошибкою отвести ей второстепенное значеніе. Даже въ небольшихъ по объему и написанныхъ въ легкой формѣ „Литературныхъ письмахъ“ Лессинга 1759—1765 годовъ мы видимъ множество идей, весьма важныхъ не только для литературной характеристики самого Лессинга, но и по той новизнѣ и широкой постановкѣ вопросовъ, которая встрѣчается здѣсь на каждомъ шагу. Лессингъ еще въ 1757 году замышлялъ издавать вмѣстѣ съ Николаи свою газету, „въ которой намѣревался выступить противъ кумовскихъ, наполненныхъ комплиментами, періодическихъ изданій и обсуждать честно литературныя явленія во время войны“. Николаи взялся издавать „Письма“ Лессинга, причемъ приписалъ себѣ львиную долю работы и увѣрялъ, что Лессингъ сталъ писать изъ чисто личныхъ мотивовъ. По словамъ Николаи, у Лессинга будто-бы чесались руки послѣ того, какъ довольно остроумный рецензентъ Душъ „отдѣлалъ“ его „Сару Сампсонъ“, признавъ за Лессингомъ лишь талантъ къ сочиненію анакреонтическихъ пѣсенокъ и легкихъ эпиграммъ. На самомъ дѣлѣ Лессингъ отдѣлался отъ Душа одной эпиграммой и двумя письмами. Приписывать Душу честь возникновенія всей серіи „Литературныхъ писемъ“ могъ лишь человѣкъ, подобный Николаи.

ЭР03202

Нѣсколько странна также попытка многихъ нѣмецкихъ критиковъ, и въ томъ числѣ философа Куно-Фишера, преувеличить значеніе того факта, что „Литературныя письма“ хронологически совпали съ войнами Фридриха II. Объ уваженіи Лессинга къ прусскому королю мы упоминали не разъ; но утверждать вслѣдъ за Куно-Фишеромъ (которому слѣдуетъ и новѣйшій біографъ Лессинга. Геринтъ), что подвиги Фридраха возбудили въ Лессингѣ стремленіе создать національную нѣмецкую литературу, значитъ дѣлать явныя и безполезныя натяжки, тѣмъ болѣе, что „Литературныя письма“ находятся въ тѣсной органической связи какъ съ его первыми литературными опытами, такъ и съ позднѣйшей „Гамбургской драматургіей“. Если что могло повліять на Лессинга, то скорѣе общее состояніе Германіи, которая въ политическомъ отношеніи была ареною междуусобицъ и раздоровъ, а въ литературномъ представляла поприще разныхъ жалкихъ бездарностей и подражателей. Стоитъ вспомнить извѣстную басню Лессинга, въ которой лисица говоритъ хвастливой обезьянѣ, увѣряющей, что она можетъ передразнить всякаго звѣря:—„Ну, а ты?Назови мнѣ столь ничтожное животное, которому пришло-бы на умъ подражать *тебѣ*?“ Къ этой баснѣ Лессингъ присоединяетъ комментарій: „Писатель моей націи... Долженъ-ли я выразиться еще яснѣе?“ Въ своихъ „Литературныхъ письмахъ“ онъ дѣйствительно говоритъ о томъ-же еще болѣе ясно... Лессингъ признаетъ, что война обнаружила въ нѣмецкомъ народѣ присутствіе значительной воинской доблести. Но гдѣ творческой геній этого народа? „На сотню героевъ могу-ли я назвать хотя одного новаго генія?“—спрашиваетъ онъ въ своемъ первомъ письмѣ. „Кое-какъ у насъ еще держится ученость, въ смыслѣ *ремесла*,—говоритъ онъ во второмъ письмѣ. „Наши переводчики работаютъ усердно“. И тутъ-же даетъ остроумный разборъ бездарнѣйшаго нѣмецкаго перевода стихотвореній англійскаго поэта Попа—перевода прозою, тогда какъ все достоинство Попа заключается въ звучномъ стихѣ и красивой рѣчи. „Это все равно, говоритъ Лессингъ, какъ если-бы кто-нибудь обратно сталъ переводить стихами геометрію Эвклида“.

Изъ писемъ Лессинга, посвященныхъ драматическому искусству, особенно извѣстно семнадцатое (1749 г.). Здѣсь Лессингъ впервые съ необычайною смѣлостью указываетъ на превосходство Шекс-

ЭР03202

пира передъ французскими драматургами. Высказать подобное мнѣніе въ Германіи, въ 1759 г., было страшною ересью. Вотъ это знаменитое мѣсто:

„Если-бы для нашихъ нѣмцевъ перевели образцовыя произведенія Шекспира съ нѣкоторыми скромными измѣненіями (даже Лессингъ не рѣшается требовать, чтобы Шекспира перевели безъ всякихъ измѣненій), то навѣрное это имѣло-бы лучшія послѣдствія, чѣмъ наше близкое знакомство съ Корнелемъ и Расиномъ. Во-первыхъ, нашему народу первый пришелся-бы гораздо болѣе по вкусу, чѣмъ послѣдніе; во-вторыхъ, Шекспиръ пробудилъ-бы у насъ отъ спячки совѣмъ другія головы, чѣмъ эти писатели. Воспламенить генія можетъ только геній и легче всего такой, который всѣмъ, повидимому, обязанъ природѣ... Сравнивая съ древними образцами, мы увидимъ, что Шекспиръ гораздо болѣе великій поэтъ, нежели Корнель, хотя Корнель зналъ древнихъ прекрасно, а Шекспиръ почти не зналъ ихъ. Корнель ближе къ древнимъ по механическому расположенію пьесы, Шекспиръ ближе по существу... Послѣ „Эдипа“ Софокла ни одна пьеса не овладѣваетъ такъ нашими чувствами, какъ „Отелло“, „Лиръ“, „Гамлетъ“... Есть-ли у Корнеля хотя одна пьеса, которая растрогала-бы насъ такъ, какъ „Заира“ Вольтера? А насколько эта Заира ниже „Венеціанскаго Мавра!“ Она его блѣдная копія и весь характеръ Оросмана списанъ съ „Отелло“.

Эти слова служатъ какъ-бы введеніемъ къ взглядамъ, которые развиты Лессингомъ въ его „Гамбургской драматургіи“.

За „Гамбургскую Драматургію“ Лессингъ дѣйствительно обязанъ Фридриху II, но лишь въ томъ отношеніи, что послѣ рѣшительнаго отказа, даннаго королемъ хлопотавшимъ за Лессинга пріятелямъ, великому писателю нечего было ѣсть и пришлось принять первое подходящее предложеніе. Директоръ гамбургскаго театра Лёвенъ, самъ пописывавшій драмы, черезъ посредство Николаи предложилъ Лессингу пріѣхать въ Гамбургъ, гдѣ Лёвенъ затѣвалъ устроить „національный театръ“. Лессингу была предложена курьезная должность „драматурга и консультанта“ съ содержаніемъ въ 800 „тяжелыхъ талеровъ“, т. е. 3.200 марокъ (около 1.000 р. золотомъ). Лёвенъ писалъ также театральныя рецензіи, въ которыхъ во многомъ принялъ взгляды Лессинга.

ЭР03202

Между прочимъ Лёвенъ объяснялъ жалкое состояніе нѣмецкаго сценическаго искусства тѣмъ, что у нѣмцевъ были лишь бродячія труппы. Лёвенъ предлагалъ устройство постоянной сцены „подъ покровительствомъ монарха или республики и при содѣйствіи человѣка съ художественнымъ и научнымъ образованіемъ“. Такимъ человѣкомъ былъ Лессингъ.

Случай на первый разъ благопріятствовалъ предпріятію Лёвена. Лессингъ былъ вынужденъ принять его предложеніе. Впрочемъ онъ вполнѣ искренно писалъ брату, что думаетъ не о презрѣнномъ металлѣ, а объ успѣхахъ самаго дѣла. Съ другой стороны, Лёвенъ заручился содѣйствіемъ талантливой актрисы г-жи Гензель, которая изъ соперничества съ другою актрисою уговорила своего обожателя, богатаго гамбургскаго купца, дать деньги на сооруженіе театра. Въ декабрѣ 1766 г. Лессингъ пріѣхалъ въ Гамбургъ и подписалъ всѣ предложенныя ему условія, кромѣ одного, гласившаго, что онъ, въ качествѣ наемнаго драматурга, обязанъ сочинять ежегодно извѣстное количество пьесъ. Взамѣнъ этого онъ предложилъ, чтобы въ Гамбургѣ было дано первое представленіе его „Минны фонъ Барнгельмъ“

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года (1767) Лессингъ опять пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ послѣдовало открытіе театра. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала выходить по средамъ и по пятницамъ „Гамбургская драматургія“, въ видѣ критическаго театральнаго журнала. Впечатлѣніе, произведенное этими театральными рецензіями, было сильно, но, какъ и слѣдовало ожидать, Лессингъ тотчасъ нажилъ себѣ враговъ, особенно среди актеровъ. Г-жа Гензель оскорбилась на то, что Лессингъ (въ № 20 „Гамб. Драматургіи“) сказалъ объ исполненной ею роли Ценіи. „Я замѣчаю лишь одинъ весьма рѣдкій, весьма завидный недостатокъ. Актриса слишкомъ велика для этой роли. Мнѣ казалось, что я вижу великана, играющаго ружьемъ кадета“. Хотя въ этомъ отзывѣ можно было усмотрѣть даже лесть, но г-жа Гензель усмотрѣла только иронію и потребовала, чтобы впредь ея имя не появлялось въ статьяхъ Лессинга, угрожая въ противномъ случаѣ оставить труппу. Другая актриса, Мекуръ, при самомъ заключеніи контракта, поставила условіемъ, чтобы ея имя не упоминалось въ „Драматургіи“. Можно себѣ представить, въ какое положеніе поставили Лессинга эти обидчивыя дамы! Ему оставалось

ЭР03202

только прочесть имъ на прощанье серьезную мораль, что онъ и сдѣлалъ (въ № 25), сказавъ: „Я умѣю лишь однимъ способомъ льстить артисту—будь онъ моего или другого пола,—моя лесть состоитъ въ томъ, что я всегда предполагаю въ немъ любовь къ искусству, стоящую выше тщеславной обидчивости. Кто не понимаетъ этого рода лести, тотъ не стоитъ того, чтобы имъ занимались".

Вскорѣ Лессингъ, къ своему прискорбію, убѣдился, что все предпріятіе было построено на пескѣ. Наиболѣе богатые граждане Гамбурга не посѣщали нѣмецкій театръ, сѣрая публика не имѣла вкуса и аплодировала всякимъ пошлостямъ, разные ученые и неученые критики выступали противъ Лессинга, нерѣдко осыпая его грубой бранью, въ то время какъ его собственныя статьи обворовывались и литераторами, и издателями: одна фирма прямо перепечатывала ихъ безъ дозволенія автора. Съ великимъ трудомъ удалось Лессингу добиться разрѣшенія изъ Берлина на представленіе „Минны фонъ Барнгельмъ". Пьеса была дана пять разъ, но встрѣтила далеко не восторженный пріемъ, не смотря нато, что роль маіора игралъ первоклассный актеръ Экгофъ, а роли Минны и ея камерюнгферы Франциски—обѣ одиженныя Лессингомъ талантливыя артистки: г-жи Гензель и Мекуръ. Вскорѣ послѣ пятаго представленія „Минны" былъ данъ „Магометъ" Вольтера и театръ закрылся... Лессингъ однако продолжалъ изданіе своей „Драматургіи", довольствуясь на этотъ разъ теоретическими соображеніями. Впослѣдствіи труппа вернулась, но вскорѣ опять была распущена, на этотъ разъ окончательно. Матеріальное положеніе Лессинга за это время весьма ухудшилось. Вступивъ въ компанію съ Боде съ цѣлью имѣть свою типографію, онъ впутался въ долги. Это обстоятельство, а еще болѣе полемика, затѣянная Лессингомъ съ проф. Клоцемъ, на время прервали изданіе „Драматургіи", которая въ окончательномъ видѣ была перепечатана въ двухъ томахъ, появившихся въ свѣтъ лишь въ 1769 году.

Въ то время, когда Лессингъ сталъ писать „Гамбургскую драматургію", нѣмецкій національный театръ все еще не существовалъ: собственныя произведенія Лессинга представляли чуть-ли не единственную попытку создать нѣчто самостоятельное въ области драмы, но изъ нихъ самое важное его—„Минна"—еще не была

ЭР03202

поставлена на сцену. При такихъ условіяхъ неудивительно, что Лессингу пришлось сосредоточить свое главное вниманіе на классической французской драмѣ, царившей тогда на всѣхъ нѣмецкихъ сценахъ. Ей онъ противопоставилъ Шекспира, а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ англійскихъ авторовъ. Первымъ современнымъ драматургомъ считался Вольтеръ. Личныя антипатіи къ Вольтеру не помѣшали Лессингу отнестись къ его произведеніямъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Въ „Гамбургской драматургіи“ Лессингъ нерѣдко побиваетъ Вольтера его-же оружіемъ — острой шуткой, въ которой однако нѣтъ уже и тѣни личнаго раздраженія, замѣтнаго въ юношескихъ эпиграммахъ Лессинга. Едва-ли можно однако послѣдовать примѣру тѣхъ нѣмецкихъ писателей, которые утверждаютъ, что критика Лессинга по отношенію къ Вольтеру была „уничтожающей“; ни на минуту Лессингъ не забывалъ истинныхъ достоинствъ Вольтера и ставилъ его, какъ драматурга, далеко выше Корнеля. Лессингъ былъ лишь того мнѣнія, что чѣмъ крупнѣе писатель, тѣмъ строже должна относиться къ нему критика и что то, что простительно какому-нибудь второстепенному писателю, непростительно Вольтеру, воображавшему, что онъ далеко превзошелъ древнихъ грековъ. Извѣстны также частью снисходительные, частью пренебрежительные отзывы Вольтера о величайшемъ драматургѣ всѣхъ временъ — Шекспирѣ. Неудивительно, что Лессингъ, оцѣнивъ по достоинству Шекспира, долженъ былъ свести французскаго драматурга съ пьедестала, на который тотъ самъ себя поставилъ съ такимъ крайнимъ самодовольствомъ.

Разбирая драмы Вольтера, Лессингъ выясняетъ различіе между истинною свободою творчества и тѣми „геніальными“ капризами, которые позволялъ себѣ Вольтеръ, весьма ловко подражавшій Шекспиру, но еще ловчѣе старавшійся скрыть это. Несомнѣнно, напримѣръ, что явленіе духа въ „Семирамидѣ“ придумано подъ вліяніемъ шекспировскаго „Гамлета“. Но Вольтеръ старается выставить себя смѣлымъ новаторомъ и, по своему обыкновенію, примѣшиваетъ къ дѣлу даже религію, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что привидѣнія допускаются въ религіи и изгоняются изъ театра. Лессингъ безъ труда доказываетъ, что въ словахъ Вольтера гораздо болѣе самохвальства, чѣмъ истины. Религія, говоритъ онъ, тутъ совсѣмъ не при чемъ. „Подобными аргументами можно зажать

ЭР03202

ротъ противнику, но убѣдить его нельзя". Единственнымъ мѣриломъ является художественный вкусъ, провѣренный критикой. Вольтеръ правъ, когда указываетъ на то, что въ древности вѣрили въ привидѣнія; но бѣда въ томъ, что не всякое привидѣніе одинаково. Выводя на сцену призраки, надо также соблюдать извѣстныя требованіи правды, конечно, правды художественной. Дѣло не въ томъ, вѣримъ-ли мы въ привидѣнія или нѣтъ. Наше невѣріе можетъ служить художнику препятствіемъ. Пусть онъ выводитъ привидѣнія, но пусть эти привидѣнія будутъ также правдоподобны, какъ живыя лица. Таковъ „духъ" въ „Гамлетѣ" Шекспира. Намъ кажется, что онъ дѣйствительно явился съ того свѣта. У Шекспира духъ является въ торжественную минуту, среди ночной тишины, при таинственной обстановкѣ, которая намъ знакома еще съ колыбели, отъ нянекъ. У Вольтера вмѣсто привидѣнія является какой-то шутъ гороховый. Приходитъ онъ среди бѣла дня, среди многочисленнаго собранія. „Отъ кого слышалъ Вольтеръ, что привидѣнія такъ храбры? Всякая старая баба сказала-бы ему, что духи боятся дневного свѣта и не посѣщаютъ многочисленнаго общества?.. Духъ, который дѣйствуетъ противъ всѣхъ обыкновеній, который нарушаетъ нравы и приличія, общепринятыя у привидѣній, кажется мнѣ не настоящимъ духомъ". У Шекспира одинъ только Гамлетъ видитъ духа; въ сценѣ съ матерью даже мать не видитъ призрака. Тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе; мы чувствуемъ ужасъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ, духъ дѣйствуетъ на насъ, такъ сказать, черезъ Гамлета; совсѣмъ иное у Вольтера. У него всѣ видятъ привидѣніе, всѣ пугаются. Семирамида даже кричитъ: „О небо, я умираю!", но зритель ровно ничего не испытываетъ, такъ какъ видитъ, что окружающіе Семирамиду хотя испуганы, но не болѣе того, какъ если-бы въ комнату внезапно вошелъ пріятель, котораго никто не ожидалъ видѣть. Однимъ словомъ у Шекспира духъ есть просто поэтическая машина, необходимая для фабулы: у Шекспира духъ есть настоящее дѣйствующее лицо, возбуждающее въ насъ не только ужасъ, но и чувство состраданія.

Подобнымъ-же образомъ Лессингъ разбираетъ „Заиру", сопоставляя Оросманна съ Отелло и Заиру—съ Юліей.

Одинъ цѣнитель искусства сказалъ, что сама любовь продиктовала Вольтеру Заиру. Нѣтъ, говоритъ Лессингъ, точнѣе слѣдо-

ЭР03202

вало-бы сказать: не любовь, а любезничанье (Galanterie). „Я знаю, говоритъ Лессингъ, только одну трагедію, которую продиктовала сама любовь: это „Ромео и Юлія“ Шекспира. Правда, Вольтеръ заставляетъ влюбленную Заиру выражать свои чувства весьма тонко, весьма приличпо; но что значатъ эти выраженія по сравненію съ той живой картиной всѣхъ малѣйшихъ потайныхъ уголковъ, черезъ которые вкрадывается любовь въ нашу душу, всѣхъ незамѣтныхъ преимуществъ, которыя она при этомъ выигрываетъ, всѣхъ ухищреній, посредствомъ которыхъ она подавляетъ всѣ прочія страсти, пока наконецъ не становится самодержавнымъ владыкою надъ всѣми нашими стремленіями? Вольтеръ отлично понимаетъ то, что я осмѣлюсь назвать канцелярскимъ слогомъ любви, т. е. языкъ, тонъ, которымъ пользуется любовь, когда она желаетъ выразиться какъ можно краснорѣчивѣе и обдуманнѣе .. Но самый лучшій канцелярпстъ не всегда знаетъ самыя важныя тайны правительства. То-же можно сказать и объ изображеніи ревности. Ревнивый Оросманъ по сравненію съ ревнивымъ Отелло— весьма жалкая... Онъ говоритъ, какъ ревнивецъ, дѣйствуетъ опрометчиво, какъ ревнивецъ; но о самой ревности мы узнаемъ ни болѣе, ни менѣе, чѣмъ знали раньше. Отелло, наоборотъ, есть полнѣйшій учебникъ, когда-либо написанный объ этомъ печальномъ безуміи; здѣсь мы можемъ изучить все, что касается этого чувства, узнаемъ, какъ его возбуждать и какъ избѣгнуть“.

Въ первомъ томѣ „Гамбургской драматургіи“ Лессингъ, связанный обязанностью рецензента, по неволѣ вынужденъ былъ слишкомъ много останавливаться на частностяхъ. Во второмъ томѣ, содержащемъ статьи, написанныя въ эпоху разстройства дѣлъ гамбургскаго театра, Лессингъ имѣлъ болѣе возможности выяснять общіе принципы. Разбирая весьма посредственныя вещи, напримѣръ, трагедію. „Ричардъ III“, написанную его пріятелемъ Вейссе, вздумавшимъ соперничать съ Шекспиромъ, Лессингъ говоритъ не столько объ этой трагедіи, сколько объ общихъ началахъ драматическаго искусства. Между прочимъ онъ выясняетъ истинный смыслъ взглядовъ на этотъ предметъ величайшаго философа древности Аристотеля, у котораго средневѣковые и новѣйшіе комментаторы не съумѣли извлечь ничего, кромѣ ложно понятой ими теоріи трехъ единствъ. Лессингъ по-

ЭР03202

казываетъ, что Аристотель совершенно вѣрно понялъ истинную цѣль трагедіи, состоящую въ возбужденіи состраданія и страха, причемъ подъ словомъ „страхъ“ не слѣдуетъ разумѣть ужасъ, внушаемый трагедіями во вкусѣ Кребильона. Говоря о состраданіи и страхѣ, Аристотель въ сущности разумѣлъ одно то-же сложное чувство симпатіи, состоящее въ томъ, что *страданія дѣйствующаго лица трагедіи сознаются нами какъ нѣчто намъ близкое, родное* вслѣдствіе чего мы боимся испытать подобныя страданія на самихъ себѣ, „это—страхъ, возникающій отъ сходства страждущаго лица съ нами самими“. Вотъ почему, какъ замѣтилъ еще тотъ-же Аристотель, въ трагедіи не слѣдуетъ изображать ни отъявленныхъ изверговъ, ни людей необычайно добродѣтельныхъ. И тѣ, и другіе, какъ чуждые намъ по природѣ, не могутъ возбуждать въ насъ столь сильнаго сочувствія, какъ обыкновенные смертные. Развивая эти и другія положенія Аристотеля, Лессингъ указываетъ на заблужденія Корнеля, который, будучи основательно знакомъ съ взглядами греческаго философа, искажалъ ихъ въ свою пользу. Аристотель утверждаетъ, напр., что въ трагедіи не слѣдуетъ изображать ничѣмъ не мотивированное несчастіе добродѣтельнаго человѣка. Въ жизни часто бываетъ, что человѣкъ несчастенъ совершенно безъ своей вины; такое положеніе ужасно, но какъ сюжетъ для трагедіи оно не годится. Корнель соглашается съ этимъ, но сейчасъ-же добавляетъ, что можно написать такую трагедію, въ которой страданіе добродѣтельнаго человѣка возбудитъ такую симпатію, которая возьметъ верхъ надъ отвращеніемъ къ злодѣю, терзающему этого добродѣтельнаго страдальца. Однимъ словомъ, на сцену опять являются чудовища добродѣтели и порока, Аристотель говоритъ: трагедія должна возбуждать состраданіе и страхъ. Корнель опять соглашается, но замѣчаетъ: да, но можно и такъ; одинъ разъ состраданіе безъ страха, другой разъ страхъ безъ состраданія. „Иначе, говоритъ Лессингъ отъ имени Корнеля, куда дѣваться мнѣ, великому Корнелю, съ моимъ Родриго и моею Хименою? Эти добрыя дѣти возбуждаютъ состраданіе, весьма сильное состраданіе, но не возбуждаютъ страха. Или, съ другой стороны, куда дѣвать мнѣ мою Клеопатру? Можно-ли чувствовать состраданіе къ такой негодной женщинѣ! Зато она внушаетъ немалый страхъ“.

ЭР03202

Въ другомъ мѣстѣ, опираясь на того-же Аристотеля, Лессингъ оспариваетъ теорію, развитую Дидро и многими другими писателями, утверждавшими, что только комедія рисуетъ типы, а трагедія непремѣнно изображаетъ опредѣленныя личности. „Герой трагедіи, говоритъ Дидро, это тотъ или иной человѣкъ, это Регулъ, Брутъ, Катонъ. Главное лицо комедіи, наоборотъ, должно изображать множество людей (т. е. типъ)". Лессингъ показываетъ всю искусственность этого подраздѣленія. Съ одной стороны трагедія также изображаетъ типы и страсти, какъ и комедія; если комедія изображаетъ, напримѣръ, скупца и скупость, то тотъ-же типъ и та-же страсть можетъ послужить темою и для трагедіи. Съ другой стороны, въ комедіи, какъ и въ трагедіи, типъ долженъ быть индивидуализированъ, воплощенъ въ отдѣльной личности. Аристотель еще 2,000 лѣтъ тому назадъ показалъ (говоритъ Лессингъ), что поэтъ долженъ изображать „общее, а не особенное" и что въ трагедіи можно изображать совершенно вымышленныя, а не непремѣнно историческія личности. Очевидно, что Дидро былъ введенъ въ заблужденіе чисто внѣшними признаками трагедіи, большею частью выбиравшей, въ качествѣ главныхъ героевъ, опредѣленныя историческія личности. Но если въ трагедіи изображена даже историческая личность, напримѣръ Цезарь или Катонъ, это лицо имѣетъ для поэта значеніе лишь какъ представитель извѣстнаго типа, извѣстной страсти, извѣстнаго характера".

Въ заключительномъ письмѣ „Гамбургскій драматургіи" Лессингъ даетъ чрезвычайно любопытную характеристику своей собственной дѣятельности и своихъ заслугъ по отношенію къ драматическому искусству.

„Я не актеръ и не поэтъ, говоритъ Лессингъ. Правда, мнѣ иногда оказываютъ честь, признавая за мною этотъ послѣдній титулъ. Но кто это дѣлаетъ, тотъ плохо меня знаетъ. Изъ нѣкоторыхъ драматическихъ опытовъ, которые я осмѣлился написать, нельзя еще выводить такихъ щедрыхъ послѣдствій. Не всякій, кто возьметъ въ руки кисть и смѣшаетъ краски, заслуживаетъ названія живописца. Первые мои опыты принадлежатъ такому возрасту, когда веселость и бойкость легко принимается за геніальность. Если въ позднѣйшихъ попыткахъ есть кое-что сносное, то я отлично сознаю, что обязанъ этимъ единственно и всецѣло своей

ЭР03202

критикѣ. Я не чувствую въ себѣ того живого источника, который вырабатывается собственною силою и бьетъ вполнѣ самородными, богатыми, свѣжими, чистыми струями; я долженъ все выжимать изъ себя прессомъ и насосами. Я былъ-бы такъ бѣденъ, такъ холоденъ, такъ близорукъ, что и представить себѣ трудно, если-бы не научился до нѣкоторой степени заимствовать скромно изъ чужихъ сокровищъ, согрѣваться чужимъ огнемъ и усиливать свое зрѣніе при помощи стеколъ искусства. Вотъ почему мнѣ всегда досадно, когда говорятъ о вредѣ критики, увѣряютъ, что критика подавляетъ геній; *а я льщу себя мыслью, что получилъ отъ нея нѣчто такое, что весьма приближается къ генію.* *) Я хромой, которому не можетъ поправиться глумленіе надъ костылемъ. Но, конечно, какъ костыль помогаетъ хромому двигаться, но не въ состояніи сдѣлать его скороходомъ, такъ и критика. Если я съ ея помощью могу что-либо сдѣлать, чего не сдѣлалъ-бы безъ критики тотъ, кто обладалъ-бы моими талантами, то все-же мнѣ работа стоитъ весьма много времени, я долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, отъ невольныхъ развлеченій; я долженъ пользоваться всею своей начитанностью, на каждомъ шагу спокойно прочитывать замѣчанія, сдѣланныя мною раньше о нравахъ и страстяхъ, и едва-ли можно найти болѣе неискусснаго чѣмъ я работника, если рѣчь идетъ о постановкѣ для театра новыхъ пьесъ. Я долженъ поэтому отказаться отъ мысли сдѣлать для нѣмецкаго театра то, что сдѣлалъ для итальянскаго Гольдони, написавшій втеченіи одного года тринадцать новыхъ пьесъ. Если-бы я и могъ сдѣлать это, я-бы не взялся. Я отношусь недовѣрчиво ко всѣмъ „первымъ мыслямъ»... Хотя я и не считаю ихъ внушеніями злого духа, но все-же думаю, что первыя мысли суть только первыя и что не во всякомъ супѣ самое лучшее плаваетъ сверху. Мои первыя мысли, навѣрно ни на волосъ не лучше мыслей перваго встрѣчнаго, а съ мыслями перваго встрѣчнаго лучше сидѣть дома“.

Если-бы Лессингъ даже не написалъ ни одной драмы, то уже одной его „Гамбургской драматургіи“ было-бы вполнѣ достаточно, чтобы указать настоящій путь нѣмецкой драмѣ и, освободивъ ее отъ рабской подражательности французскимъ образцамъ, подготовить славную эпоху Шиллера и Гете.

*) Въ подлинникѣ курсива нѣтъ.

ЭР03202

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Знакомство съ Евою Кенигъ.—Вольфенбюттельская библіотека.—Болѣзнь.—«Эмилія Галотти».—Женитьба.—Семейное счастье.—Научныя сочиненія.—Полемика съ Клоцемъ.

Послѣ неудачи, постигшей гамбургскій національный театръ, Лессингъ чувствовалъ себя до такой степени разстроеннымъ, что рѣшился на время оставить Германію и уѣхать въ Римъ. Поѣздка эта однако не состоялась по причинѣ чисто сердечнаго свойства.

Лессингу было въ это время уже 34 года, но онъ только въ первый разъ испыталъ серьезно чувство любви. Въ Гамбургѣ онъ познакомился съ весьма образованнымъ негоціантомъ Кенигомъ и его женою Евой. Сдружившимъ съ Кенигомъ, Лессингъ имѣлъ случай близко познакомиться и съ его женою, такъ какъ сталъ часто бывать у нихъ въ домѣ. Мало-по-малу, провѣряя самого себя, Лессингъ убѣдился въ томъ, что питаетъ къ Евѣ Кенигъ нѣчто больше простого чувства уваженія. Эта несчастная любовь была также не послѣдней причиной, гнавшей Лессинга изъ Гамбурга въ Италію. Но вдругъ въ 1769 году пришло извѣстіе, что Кенигъ, поѣхавшій по торговымъ дѣламъ въ Венецію, скончался. Эта смерть, давшая Лессингу надежду, заставила его отказаться отъ путешествія. Втеченіи двухъ лѣтъ Лессингъ поддерживалъ съ вдовою Кенига самыя дружескія сношенія, писалъ ей письма, но не рѣшался открыться, пока не убѣдился въ томъ, что встрѣтилъ взаимность. Только тогда Лессингъ попросилъ руки Евы. Г-жа Кенигъ не отказала ему, но и не дала прямого согласія. Съ терпѣніемъ, свойственнымъ, быть можетъ, только германской расѣ, она желала ждать до тѣхъ поръ, пока ей не удастся совершенно устроить свои денежныя дѣла, пришедшія

ЭР03202

по смерти мужа въ крайнее разстройство. Она боялась, что, выйдя за Лессинга слишкомъ рано, навяжетъ ему свои дѣла и тѣмъ оторветъ его отъ литературной работы; но при этомъ не сообразила, что четырехлѣтнее ожиданіе, которому она подвергла Лессинга послѣ того, какъ онъ уже добровольно ждалъ втеченіи двухъ лѣтъ, было гораздо мучительнѣе всякихъ денежныхъ заботъ.

Нѣсомнѣнно, что любовь къ Евѣ Кенигъ и желаніе какъ можно поскорѣе упрочить свое собственное матеріальное положеніе, чтобы устранить тѣмъ колебанія любимой женщины—все это заставило Лессинга принять предложенное ему наслѣднымъ принцемъ Брауншвейгскимъ мѣсто библіотекаря при Вольфенбюттельской библіотекѣ, гдѣ на первый разъ онъ получалъ лишь 600 талеровъ въ годъ. Боязнь Евы Кенигъ навязать свои дѣла Лессингу была уже потому напрасна, что все равно Лессингъ долженъ былъ думать о денежныхъ дѣлахъ и притомъ самаго непріятнаго свойства. По смерти старика-отца Лессинга, мать и братья еще чаще стали бомбардировать его письмами, жалуясь на свое бѣдственное положеніе, отчасти проистекавшее отъ ихъ собственной безпомощности и непрактичности. Ко всему еще Лессингъ вздумалъ заплатить всѣ отцовскіе долги. О состояніи духа Лессинга можно судить по его перепискѣ съ Евою Кенигъ и съ братьями. Такъ онъ пишетъ любимой женщинѣ (8-го сентября 1770 года) послѣ полученія извѣстія о смерти отца: „Вотъ уже шесть дней, какъ я ровно ни къ чему не способенъ, къ тому-же я сижу одинъ, покинутый всѣми, и углубился въ работу далеко не пріятнаго свойства. Право, я играю весьма грустную роль въ моихъ собственныхъ глазахъ. И все-же я увѣренъ, что все можетъ и должно проясниться, надо только мнѣ почаще смотрѣть впередъ и поменьше назадъ. Поступайте и вы такъ, дорогой мой другъ, и не теряйте рѣшимости и мужества, которое вы всегда выказывали“. Младшему брату онъ пишетъ: „Будемъ жить такъ честно, какъ жилъ нашъ отецъ, чтобы имѣть право пожелать умереть такъ внезапно, какъ онъ умеръ“. Въ это самое время мать осаждаетъ его письмами, упрекаетъ за долгое молчаніе, пишетъ, что ей нечѣмъ платить прислугѣ, не начто купить хлѣба и дровъ и что ее осаждаютъ кредиторы.

Лессингъ помогалъ ей и братьямъ, какъ могъ. Любовь къ Евѣ

ЭР03202

сначала поддерживала его и онъ лихорадочно работалъ; но организмъ не вынесъ и въ 1771 году съ нимъ стали опять происходить сильные нервные припадки, доказывавшіе крайнее переутомленіе.

Онъ самъ писалъ объ этомъ брату: „Изъ всѣхъ несчастныхъ, мнѣ кажется, несчастнѣе всего тотъ, кто вынужденъ работать головою даже тогда, когда не чувствуетъ, что у него есть голова". Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Даже это письмо я пишу точно во снѣ. Я не могу втеченіи четверти часа сосредоточить свою мысль на одномъ предметѣ и каждую строку, которую я пишу хотя-бы не для печати, я долженъ выжать изъ себя съ каплями пота... Я никого не посѣщаю и не выхожу изъ своей комнаты"...

Оправившись немного, Лессингъ взялся за трудъ съ новою энергіею и принялся обработывать давно задуманную имъ трагедію „Эмилію Галлотти", издалъ одинъ томъ собранія „Разныхъ сочиненій и, пользуясь сокровищами Вольфенбюттельской Библіотеки, принялся издавать свои сообщенія „По литературѣ и исторіи", въ которыхъ впервые выступилъ съ раціоналистическими богословскими воззрѣніями, вынудившими Лессинга начать жаркую полемику съ ортодоксальнымъ лютеранскимъ богословіемъ.

За этимъ новымъ періодомъ дѣятельности наступила новая реакція. „Мнѣ вся жизнь такъ противна, такъ противна,—пишетъ онъ Евѣ Кенигъ. Я не живу, а сплю на-яву. Упорная работа, утомляющая до-нельзя и не доставляющая удовольствія, полное отсутствіе общества, перспектива вѣчнаго милаго одиночества, все это вещи до того вредно вліяющія на мое тѣло, что я не знаю, боленъ-ли я, или здоровъ". Въ 1773 году мучительное ожиданіе, которому его подвергла Ева Кенигъ, въ связи съ прочими обстоятельствами, довело Лессинга до полнаго отчаянія, и онъ имѣлъ право сказать: „Я вижу свою гибель, но покорился этому".

Два года спустя Лессингъ рѣшился предпринять путешествіе, частью чтобы разсѣяться, но главнымъ образомъ потому, что разлука съ Евою Кенигъ стала наконецъ для него невыносимою. Въ Вѣнѣ они встрѣтились и Лессингъ убѣдилъ наконецъ Еву обѣщать ему, что бракъ ихъ состоится въ слѣдующемъ году. Послѣднія препятствія были устранены, такъ какъ г-жа Кенигъ

ЭР03202

устроила свои дѣла и имѣла 500 талеровъ въ годъ, но она все еще медлила.

Въ Вѣнѣ Лессингъ между прочимъ имѣлъ случай бесѣдовать съ императрицей Маріей-Терезіей. Упоминаемъ объ этомъ лишь потому, что Марія-Терезія гораздо лучше умѣла оцѣнить Лессинга, чѣмъ его любимецъ, прусскій король Фридрихъ. Здѣсь-же въ Вѣнѣ Лессингъ встрѣтилъ одного изъ брауншвейгскихъ принцевъ, который предложилъ Лессингу ѣхать съ нимъ въ Италію. Давно желанная поѣздка состоялась, но принцъ оказался крайне безтолковымъ туристомъ и ѣздилъ взадъ и впередъ, почти нигдѣ не останавливаясь. Вмѣсто пользы Лессингъ вынесъ изъ этой поѣздки только тревогу за свою невѣсту, отъ которой не получалъ писемъ, такъ какъ ея вѣнскіе знакомые удерживали эти письма. Возвратившись въ Брауншвейгъ, Лессингъ за поѣздку съ принцемъ получилъ прибавку жалованья и титулъ гофрата. Послѣднее такъ сконфузило Лессинга, что, сообщая объ этомъ своей невѣстѣ, онъ даже извинялся передъ нею...

Наконецъ послѣ шестилѣтняго ожиданія завѣтная мечта Лессинга сбылась и 8 октября 1776 года онъ обвѣнчался съ Евою Кенигъ, у которой отъ перваго брака было четверо дѣтей. Семейная жизнь Лессинга была чрезвычайно счастлива.

Онъ совершенно ожилъ и переродился. Спокойная мягкая натура Евы дѣйствовала на него освѣжающимъ и примиряющимъ образомъ. Одинъ молодой магистръ, посѣтившій Лессинга въ 1777 году, описываетъ семейную обстановку великаго писателя самыми увлекательными красками: „Лессингъ, говоритъ онъ, величайшій другъ человѣчества, дѣятельнѣйшій покровитель, лучшій и снисходительнѣйшій руководитель. Съ нимъ такъ легко быть запросто, что забываешь, съ какимъ великимъ человѣкомъ имѣешь дѣло. Но если можно найти еще болѣе любви къ людямъ, еще болѣе благосклонности и готовности помочь, такъ это у его жены. Другой подобной женщины я не надѣюсь встрѣтить“.

Но въ концѣ того-же 1777 года кратковременное счастье Лессинга было нарушено...

Прежде чѣмъ обратиться къ этому новому поворотному пункту въ его жизни, необходимо бросить взглядъ на литературную дѣятельность Лессинга со времени оставленія имъ Гамбурга. Круп-

ЭР03202

нѣйшимъ произведеніемъ этого періода является его „Эмилія Галотти“ пьеса, имѣющая еще большее значеніе въ исторіи драмы, чѣмъ „Минна фонъ Барнгельмъ“. То, что въ „Миннѣ“ сдѣлано Лессингомъ для нѣмецкой національной „комедіи нравовъ“, въ „Эмиліи Галотти“ приняло болѣе универсальный характеръ. Это произведеніе дало толчокъ не одной только нѣмецкой трагедіи, но имѣло болѣе широкое значеніе, являясь посредствующимъ звеномъ между сентиментальными трагедіями и имѣющими всемірное значеніе трагедіями Шиллера. Огромное вліяніе „Эмиліи“ на ранній періодъ дѣятельности Шиллера вполнѣ установлено нѣмецкою критикой.

„Эмилія Галотти“ была задумана Лессингомъ весьма рано, еще въ 1758 году, т. е. раньше появленія „Минны фонъ Барнгельмъ“. Еще тогда онъ писалъ Николаи, что придумалъ „мѣщанскую Виргинію“ подъ именемъ „Эмиліи Галотти“, въ которой исключитъ всякій политическій элементъ, считая достаточно трагичною самую судьбу дѣвушки, убитой отцемъ, которому добродѣтель дочери дороже ея жизни. Сначала трагедія состояла лишь изъ 3-хъ актовъ; въ Гамбургѣ Лессингъ развилъ ее въ пятиактную; но окончательную обработку далъ ей только въ Вольфенбюттелѣ (1772 г.). Послѣднимъ актомъ Лессингъ все еще былъ недоволенъ и не задолго до перваго представленія хотѣлъ взять трагедію назадъ и не давалъ конца, но директоръ театра заставилъ его отказаться отъ этого рѣшенія, угрожая, что самъ придѣлаетъ конецъ. Герцогъ дозволилъ представленіе трагедіи, хотя нѣкоторые изъ придворныхъ намекали, что Эмилія списана будто-бы съ любовницы герцога, маркизы Бранкони.

„Эмилія Галотти“ представляетъ наилучшій примѣръ того, какимъ образомъ Лессингъ проводилъ на практикѣ свои теоретическія положенія, развитыя въ „Гамбургской драматургіи“. Мы видѣли, что Лессингъ, слѣдуя Аристотелю, требуетъ, чтобы въ трагедіи никакое страданіе не являлось безъ всякой вины страждущаго. Лессингъ считаетъ напримѣръ, непригоднымъ для трагическихъ сюжетовъ большую часть событій изъ жизни христіанскихъ мучениковъ. Трагедія является лишь тамъ, гдѣ страданіе составляетъ послѣдствіе нарушенія нравственнаго закона. При такомъ воззрѣніи неудивительно, что Лессингъ бросилъ уже начатую

ЭР03202

имъ трагедію „Виргинія“. Исторія Виргиніи извѣстна: Деспотъ-децемвиръ влюбляется въ невинную дѣвушку; кліентъ, по наущенію децемвира, добивается, чтобы судъ призналъ Виргинію его рабыней; судъ постановляетъ рѣшеніе въ пользу кліента и дѣвушка должна стать, черезъ его посредство, жертвою децемвира; отецъ дѣвушки, чтобы спасти ея честь, убиваетъ ее ножомъ посреди рынка. Съ точки зрѣнія Лессинга, этотъ сюжетъ не удобенъ для трагедіи, потому что Виргинія погибаетъ безъ малѣйшей собственной вины и отецъ убиваетъ ее также изъ крайности, не имѣя другого исхода, стало быть, опять-таки ни мало не виновенъ. Чтобы превратить этотъ эпизодъ въ трагедію, пришлось-бы измѣнить его настолько, что онъ могъ утратить свой римскій колоритъ. Не справившись съ этой задачей, Лессингъ предпочелъ взять новѣйшую эпоху, въ которой онъ могъ свободнѣе распоряжаться страстями и поступками дѣйствующихъ лицъ. Отсюда и возникла Эмилія Галотти, къ которой вполнѣ примѣнимы слова Лессинга въ его „Драматургіи“: „Человѣкъ можетъ быть очень хорошимъ и все-же имѣть болѣе одной слабости, совершить болѣе одной ошибки, чѣмъ онъ ввергнетъ себя въ невообразимыя бѣдствія, внушающія намъ состраданіе и жалость (Wehmut), но нисколько не ужасныя, потому что они являются естественными послѣдствіями проступка“.

И дѣйствительно, въ „Эмиліи Галотти“ нѣтъ безусловно правыхъ и безусловно виноватыхъ, нѣтъ ни отъявленныхъ чудовищъ, ни ангеловъ, хотя живописецъ Конти и называетъ Эмилію, въ разговорѣ съ принцемъ, ангеломъ. Принцъ—сластолюбивый, развращенный съ ранней юности человѣкъ, конечно, часто дѣйствуетъ на насъ крайне отталкивающимъ образомъ, но это не одинъ изъ тѣхъ изверговъ, какихъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Корнеля. Въ немъ есть человѣческія чувства, но они подавляются при столкновеніи съ овладѣвшею имъ страстью. Двѣ главныя черты характеризуютъ принца: влюбчивость и полнѣйшее отсутствіе силы воли. Даже когда онъ дѣйствуетъ, повидимому, энергично, эта мнимая энергія оказывается просто стремительностью, доходящей до безразсудства и зависящей не отъ глубины и силы его чувства, въ которомъ первое мѣсто играетъ просто похоть, а единственно отъ слабости воли. Характеръ принца выдержанъ превосходно. Уже въ самомъ началѣ онъ подписываетъ прошеніе

ЭР03202

только потому, что имя просительницы—Эмилія—такое-же, какъ у плѣнившей его дѣвушки. Когда живописецъ приноситъ портретъ его прежней любовницы-графини вмѣстѣ съ портретомъ Эмиліи, принцъ не только не владѣетъ собою, но говоритъ безтактности. Является Маринелли,—типъ подленькаго придворнаго,—называетъ Эмилію, говоритъ, что она выходитъ замужъ; принцъ, конечно, выдаетъ себя и тутъ-же позволяетъ Маринелли дѣлать самые грязные намеки и предложенія. Приходитъ чиновникъ и приноситъ принцу для подписи бумагу.

Принцъ. Что еще? Подписать что-нибудь?

Камилло. Есть для подписи смертный приговоръ.

Принцъ. Съ удовольствіемъ. Поскорѣе сюда! Давайте.

Камилло. *(Медлитъ и остолбенѣвъ смотритъ на принца).* Смертный приговоръ—сказалъ я.

Принцъ. Я слышалъ... Можно-бы раньше... Я спѣшу.

Камилло *(Роется въ бумагахъ).* Не захватилъ... Простите, ваша свѣтлость!.. Можно и завтра...

Здѣсь Лессингъ немногими штрихами мастерски характеризуетъ принца со всей его необдуманностью, опрометчивостью и тряпичностью. Такимъ онъ остается и далѣе, когда преслѣдуетъ Эмилію въ храмѣ, объясняется въ любви въ то время, когда она молится, не поворачивая къ нему головы до послѣдней минуты. Совсѣмъ обезумѣвъ отъ страсти, принцъ преслѣдуетъ ее на улицѣ до самого родительскаго дома, но на дѣйствительно смѣлые поступки, напримѣръ на похищеніе Эмиліи изъ храма, не рѣшается, а предпочитаетъ дѣйствовать изъ-за угла, рабски подчиняясь совѣтамъ своего камергера Маринелли. Камергеръ нанимаетъ убійцъ, нападающихъ на свадебный поѣздъ и убивающихъ жениха Эмиліи. Принцъ, узнавъ объ этомъ, на минуту опечаленъ, но угрызенія совѣсти у него не сильны и не глубоки, какъ и всѣ вообще его чувства. Дряблость сказывается въ каждомъ его словѣ и движеніи и только благодаря своему сану, онъ иногда кажется деспотомъ, но не умѣетъ быть имъ.

Наименѣе симпатичная личность трагедіи Маринелли, низкій интриганъ и бездушный царедворецъ. Но и его Лессингъ не рисуетъ извергомъ рода человѣческаго. Онъ жалокъ и возбуждаетъ

ЭР03202

пренебреженіе, подобно шекспировскому Полонію. Въ немъ есть даже комическія черты, проявляющіяся, напримѣръ, въ началѣ трагедіи, въ сценѣ съ женихомъ Эмиліи и позднѣе, когда Маринелли разсказываетъ объ этой сценѣ принцу, выставляя на видъ свою мнимую храбрость.

Наиболѣе цѣльную натуру Лессингъ вывелъ въ отцѣ Эмиліи Одоардо. Онъ и есть главное трагическое лицо пьесы, представляющее нѣкоторое, конечно отдаленное сходство съ шекспировскимъ Отелло. Различіе объясняется уже различіемъ главной страсти, господствующей въ душѣ венеціанскаго мавра и у отца Эмиліи. Только по способу развитія отцовское чувство, заставляющее Одоардо зорко слѣдить за охраною чести Эмиліи, представляетъ сходство съ ревностью Отелло. Можно даже сказать, что въ обоихъ случаяхъ совершенно законное и нравственное чувство, принимая болѣзненное направленіе, вырождается въ страсть, доводящую до убійства любимаго существа. Одоардо дрожитъ за честь дочери даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мать ея не видитъ ни малѣйшей причины бояться. Дочь пошла одна въ церковь; отъ дома до церкви всего нѣсколько шаговъ; отецъ волнуется, боится за честь Эмиліи, говоритъ, что и „одного шага достаточно, чтобы оступиться“. Можно подумать, что событія оправдываютъ его дикую подозрительность, но и думать такъ ошибочно. Эмилія, молясь во храмѣ и слыша пошлыя нашептыванья принца, ни мало не поддалась искушенію; слова принца, особенно въ храмѣ, внушаютъ этой религіозной дѣвушкѣ только омерзеніе; ея честь ни мало не запятнана тѣмъ, что принцъ оказался влюбленнымъ пошлякомъ. Чтобы мотивировать трагическій конецъ Эмиліи, Лессингъ заставляетъ Эмилію выказать слабость, хотя и простительную для молодой, неопытной дѣвушки, но влекущую за собою роковыя послѣдствія. Вина Эмиліи состоитъ въ томъ, что она, послушавшись матери, скрыла эпизодъ съ принцемъ отъ отца и отъ жениха. Поступивъ такъ, она до нѣкоторой степени оправдываетъ поведеніе отца. Если въ ней нѣтъ искренности, отецъ имѣетъ основаніе быть подозрительнымъ. Отецъ знаетъ только, что принцъ говорилъ однажды его дочери комплименты,—это было, когда Эмилія впервые появилась на великосвѣтскомъ балу; одно это уже привело отца въ крайнее раздраженіе. Жена, не желая

ЭР03202

раздражать мужа, успокоиваетъ совѣсть дочери, заставляя ее скрыть отъ отца гораздо болѣе дерзкій поступокъ принца. Дочь говоритъ: „Да, мама! Ваша воля—моя воля“ и когда мать увѣряетъ, что, можетъ быть, принцъ не объяснялся въ любви, а только говорилъ свѣтскіе комплименты, Эмилія и съ этимъ соглашается и даже смѣется надъ своимъ прежнимъ страхомъ. Это легкомысліе губитъ на первый разъ ея жениха, который не догадывается о пропскахъ принца и не принимаетъ мѣръ предосторожности.

Дальнѣйшій ходъ трагедіи является роковымъ послѣдствіемъ положенія, въ которое поставлены дѣйствующія лица. Зная ихъ характеры, мы почти можемъ предсказать развязку и уже въ концѣ второго дѣйствія предчувствуемъ катастрофу. Устранивъ соперника рукою наемнаго убійцы, заманивъ Эмилію въ свой дворецъ, принцъ только изъ трусости не совершаетъ грубаго насилія. Онъ хочетъ постепенно подготовить Эмилію къ роли своей любовницы и желаетъ отдать ее, такъ сказать, на воспитаніе къ одному придворному, домъ котораго немногимъ отличается отъ увеселительныхъ заведеній. Даже безъ всякаго посторонняго вліянія, отецъ Эмиліи могъ-бы совершить убійство дочери; но чтобы усилить руководящіе имъ мотивы, Лессингъ выводитъ на сцену бывшую любовницу принца, которая умѣетъ задѣть въ душѣ отца самыя чувствительныя струны. Ея бѣшенная ревность заражаетъ отца, испытывающаго, если не такое, то сходное съ этимъ чувство, вдругъ сближающее и породняющее его съ графиней. Графиня даетъ отцу кинжалъ. Подобно Отелло, Одоардо способенъ думать, что подозрѣніе стоитъ доказательствъ. Въ его глазахъ его Эмилія уже обезчещена, виновна. Но вскорѣ обнаруживается крупное различіе съ шекспировскимъ мавромъ. Ярость Одоардо обращается не столько противъ дочери, сколько противъ принца. Въ своемъ монологѣ (дѣйств. V, явл. 2) Одоардо, послѣ свиданія съ принцемъ, уже прямо говоритъ: „Я далъ овладѣть собою и кому-же? Ревнивой женщинѣ, да еще сошедшей съума отъ ревности. Что общаго между оскорбленной добродѣтелью и мщеніемъ порока?“ Честныя стороны натуры Одоардо, его истинная любовь дочери и къ погибшему жениху ея, котораго онъ называетъ сыномъ, берутъ верхъ надъ минутнымъ безразсудствомъ. Тѣмъ не

ЭР03202

менѣе трагическій исходъ неизбѣженъ. Эмилія во власти принца; рано или поздно она погибнетъ и у отца нѣтъ средствъ предотвратить ея паденіе, если даже оно еще не наступило. А что онъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ неправъ, ясно изъ поведенія самой Эмиліи. Она боится принца, хочетъ бѣжать, но боится не столько насилія, сколько искушенія. Говоря объ искушеніи, Эмилія не только повторяетъ то, о чемъ ее учили католическіе патеры, то есть *слова* изъ катехизиса, — но и отлично понимаетъ его смыслъ: „у меня кровь, отецъ, молодая, горячая кровь... У меня чувства... Я никуда не гожусь... Я знаю домъ Гримальди (гдѣ она была на балу). Я провела тамъ часъ, на глазахъ у матери, но какая буря поднялась въ моей душѣ! Строжайшія религіозныя упражненія не могли ея усмирить". Изъ этихъ словъ нельзя, конечно, вывести, что Эмилія сколько-нибудь увлекалась принцемъ; но, по всей вѣроятности, она чувствовала, что уже превозмогло отвращеніе, внушенное ей его поведеніемъ въ церкви; достаточно того, что она уже боялась самой себя. Это рѣшило ея участь. Въ ней было столько мужества, унаслѣдованнаго отъ отца, что сама она предпочла смерть неизбѣжному паденію. Въ послѣднюю минуту, когда отецъ вырвалъ изъ ея рукъ кинжалъ и не далъ ей кончить самоубійствомъ, она сама двинула руку отца, напомнивъ о римлянинѣ, который съумѣлъ спасти честь своей дочери. „Теперь такихъ отцовъ нѣтъ"—говоритъ Эмилія. „Есть, дочь, есть!" отвѣчаетъ Одоардо и наноситъ ей ударъ. Умирая, Эмилія совершенно справедливо говоритъ: „Не вы убили меня отецъ... Я сама... Я сама". Но и Одоардо не менѣе правъ, когда отвѣчаетъ: „Не ты, дочь моя! Не ты! Не умирай, унося съ собою неправду. Не ты, моя дочь. Твой отецъ, твой несчастный отецъ!" Дѣйствительно убійство—дѣло двухъ родственныхъ характеровъ, убійство, которое можно считать и самоубійствомъ: вѣдь Эмилія сама-бы закололась, если-бы отецъ не удержалъ ея руки. Весьма большой тактъ обнаружилъ Лессингъ, не давъ отцу заколоться надъ трупомъ дочери, что непремѣнно сдѣлалъ-бы посредственный драматургъ. Только убивъ свою дочь, Одоардо вдругъ прозрѣлъ и понимаетъ, что и онъ преступникъ. Онъ просто отдается въ руки правосудія. Принцъ не измѣняетъ себѣ до конца. Онъ съ ужасомъ глядитъ на тѣло Эмиліи, даже не припадаетъ къ нему. Одоардо

ЭР03202

правъ, когда спрашиваетъ принца: „Что? Въ этомъ видѣ возбуждаетъ она вашу похоть?“ Принцъ проклинаетъ своего камергера, но этотъ придворный при всей своей низости вдругъ обнаружилъ человѣческое чувство. При видѣ тѣла Эмиліи у него вырвалось восклицаніе ужаса и печали—доказательство сознанія своей вины. Весьма ошибочно мнѣніе тѣхъ критиковъ, которые видятъ въ „Эмиліи Галотти“ лишь такъ называемую „драматическую интригу“, считая не только жениха Эмиліи и семью Галотти, но и самого принца жертвами „изверга“ Маринелли. По справедливому замѣчанію Куно-Фишера, виновность въ трагедіи Лессинга распредѣляется, конечно въ далеко неравныхъ дозахъ, между всѣми дѣйствующими лицами. Не менѣе мѣтко его утвержденіе, что въ „Эмиліи Галотти“ порокъ торжествуетъ надъ добродѣтелью только внѣшнимъ образомъ: на самомъ дѣлѣ торжествуетъ нравственный законъ, который мститъ за себя и принцу, и даже Маринелли.

Кромѣ „Эмиліи Галотти“ Лессингъ написалъ во время пребыванія въ Вольфенбюттенѣ цѣлый рядъ статей научно-полемическаго содержанія. Главныя изъ нихъ направлены противъ Клоца, профессора въ Галле, человѣка весьма тщеславнаго и ограниченнаго. Есть цѣлый разрядъ людей, обязанныхъ своею извѣстностью не самимъ себѣ, а какой-либо знаменитости. Подобно тому какъ Берне обезсмертилъ Менцеля, Байронъ—нападавшихъ на него шотландскихъ критиковъ, Лессингъ сдѣлалъ извѣстными всему просвѣщенному міру имена Готтшеда, Ланге, Клоца, Геце, которые безъ него давно были-бы забыты.

Сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ произвела полемическая статья Лессинга противъ Клоца, озаглавленная: „Какъ древніе изображали смерть“. Въ этой статьѣ Лессингъ показалъ на дѣлѣ, въ чемъ состоитъ различіе между истиннымъ пониманіемъ классической древности и обычнымъ у нѣмцевъ ученымъ буквоѣдствомъ. Со всею важностью ученаго колпака, Клоцъ выступилъ противъ Лессинга, вооружившись огромными фоліантами и чванясь своимъ профессорскимъ титуломъ. Но все это ничего не значило по сравненію съ тѣмъ дѣйствительнымъ знаніемъ *духа* классическаго міра, которое отмѣчало Лессинга. Лессингъ доказалъ, что, не будучи „классикомъ“ въ обычномъ значеніи слова,

ЭР03202

можно понимать классическій міръ такъ, какъ его не понимаютъ эти „классики“. Споръ начался изъ-за примѣчанія, сдѣланнаго Лессингомъ къ одному мѣсту его „Лаокоона“. Доказывая, что древніе вообще избѣгали въ пластическихъ искусствахъ всего отвратительнаго, Лессингъ замѣтилъ, что они изображали смерть подобіемъ сна. Новѣйшіе художники, говоритъ онъ, совершенно оставили эту аналогію и усвоили обычай изображать смерть въ видѣ скелета, въ крайнемъ случаѣ—скелета, обтянутаго кожей. У древнихъ даже въ поэзіи (не говоря-же о скульптурѣ и живописи) не встрѣчается подобнаго отвратительнаго изображенія.

Проф. Клоцъ, хваливший „Лаокоона“ до тѣхъ поръ, пока Лессингъ не обидѣлъ его, забывъ посѣтить его въ бытность свою въ Галле, придрался къ этому примѣчанію и во всеоружіи своей учености старался обвинить Лессинга въ невѣжествѣ, выставивъ цѣлый рядъ цитатъ, яко-бы доказывающихъ, что и у древнихъ смерть изобразалась въ видѣ скелета. Отвѣтомъ былъ знаменитый трактатъ Лессинга, вышедшій въ 1769 г. Здѣсь Лессингъ ставитъ и доказываетъ два слѣдующіе тезиса:

1) Древніе артисты изображали смерть, божество или геній сверти, не въ видѣ скелета, а подобно Гомеру, представляли ее братомъ и близнецомъ сна. Такъ, на сундукѣ кедроваго дерева, стоявшемъ въ храмѣ Юноны въ Элисѣ, смерть и сонъ представлены въ видѣ двухъ мальчиковъ, чернаго и бѣлаго, покоящихся въ объятіяхъ ночи. Одинъ спитъ, другой только кажется спящимъ; ихъ ноги переплетены между собою.

2) Если древніе художники изображали скелетъ, что вообще случалось весьма рѣдко, то подъ скелетомъ вовсе не подразумѣвалась смерть, а призракъ, духъ умершаго и притомъ злого человѣка, являющійся съ цѣлью пугать безбожныхъ, злыхъ людей. Въ то время какъ души добродѣтельныхъ людей становились мирными домашними божествами и назывались у римлянъ Lares (лары), души злыхъ блуждали по свѣту и назывались Larvae. Эти то послѣднія и изображались въ видѣ скелетовъ. Подобныя изображенія, сдѣланныя изъ серебра, приносили во время пира, чтобы напомнить пирующимъ, но не о смерти, какъ обыкновенно утверждаютъ, а объ участи, постигающей людей *послѣ смерти*.

На современниковъ Лессинга его трактатъ повліялъ, главнымъ

ЭР03202

образомъ, философской стороною. Каждаго человѣка тревожитъ и занимаетъ величайшая изъ загадокъ, тайна смерти; неудивительно, что даже въ способахъ изображенія смерти мы стараемся найти рѣшеніе этой загадки. Лессингъ своимъ трактатомъ способствовалъ упроченію оптимистическаго воззрѣнія на смерть. „Когда явился „Лаокоонъ“ и трактатъ объ изображеніи смерти древними, писалъ по этому поводу Гете, мы вообразили, что избавлены отъ всякаго зла и съ состраданіемъ смотрѣли на вообще столь плѣнительное XVI столѣтіе, когда нѣмецкіе живописцы и поэты изображали жизнь въ видѣ шута въ дурацкомъ калпакѣ, а смерть въ видѣ стучающаго костями скелета“. Шиллеръ въ четырехъ строкахъ резюмировалъ въ поэтической формѣ результатъ изслѣдованій Лессинга. «Тогда (въ древности), говоритъ онъ, къ ложу умирающаго не подступалъ ужасный скелетъ: поцѣлуй принималъ съ устъ послѣднее дыханіе жизни; геній опускалъ свой факелъ“.

Увѣряютъ, что уничтожающая критика Лессинга потрясла Клоца и даже была причиною его смерти, послѣдовавшей въ 1771 году, то есть два года спустя послѣ появленія трактата Лессинга. Провѣрить это утвержденіе трудно, но достовѣрно извѣстно, что ученая слава Клоца погибла навсегда и что высокомѣрный профессоръ добивался черезъ посредство Николаи примиренія съ Лессингомъ, а въ то-же время велъ противъ него интриги, не отступая даже передъ самой низкой клеветой. Извѣстно также, что и Клоцъ въ свою очередь испортилъ Лессингу много крови, такъ какъ Лессингъ велъ полемику съ свойственной ему страстностью, подчасъ даже съ очевиднымъ раздраженіемъ.

ЭР03202

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Смерть жены.—Послѣднія полемическія и богословскія произведенія Лессинга.—Анти-Геце. — «Натанъ Мудрый». — «Воспитаніе человѣческаго рода».—Значеніе Лессинга въ исторіи германской и всемірной литературы.

Не долго суждено было Лессингу пользоваться тихимъ семейнымъ счастьемъ. Въ 1777 году, какъ разъ наканунѣ Рождества, жена его заболѣла отъ тяжелыхъ родовъ. Нѣсколько дней спустя положеніе ея было безнадежно. 31 декабря Лессингъ писалъ профессору Эшенбургу, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ: „Пользуюсь минутой, когда моя жена впала въ совершенно безсознательное состояніе, чтобы поблагодарить васъ за дорогое участіе. Моя радость была слишкомъ непродолжительна. А бѣдный мой сынъ! Какъ тяжело было потерять его. Онъ былъ такой умный, такой умный! Повѣрите-ли, за нѣсколько часовъ моей отцовской роли онъ успѣлъ сдѣлать меня такимъ глупымъ папенькой! Развѣ не доказалъ онъ своего ума тѣмъ, что не хотѣлъ выйти на свѣтъ, пока его не вытащили желѣзными клещами? Развѣ не признакъ ума, что онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы опять отдѣлаться отъ этого міра?.. Конечно, бѣдняжка тянетъ за собою и свою мать... Мало надежды на то, чтобы я сохранилъ ее". 3 января Лессингъ опять надѣялся, 7 онъ пишетъ Эшенбургу, что надежда опять плоха, 10 посылаетъ ему слѣдующее письмо: „Моя жена умерла, я перенесъ теперь и это испытаніе. Радуюсь, что у меня не можетъ быть много подобныхъ испытаній; эта мысль облегчаетъ меня. Рядъ и тому, что увѣренъ въ сочувствіи вашемъ и прочихъ нашихъ друзей". Три дня спустя

ЭР03202

онъ пишетъ, что вмѣсто пріемовъ опіума занимается литературою и богословіемъ, что̀ дѣлаетъ для него жизнь еще сносною.

Но на самомъ дѣлѣ смерть жены потрясла все существованіе Лессинга, которому въ то время не было еще и 50 лѣтъ. Годъ спустя, онъ въ письмахъ жалуется на тоску, вѣчное болѣзненное состояніе, крайнее утомленіе. „Я въ сущности не боленъ, пишетъ онъ Реймарусу, но только—не здоровъ“. Нездоровье усилилось, когда Лессингъ затѣялъ новую полемическую борьбу, на этотъ разъ болѣе опасную, чѣмъ когда-либо. Еще при жизни жены, въ 1777 года, онъ сталъ издавать такъ называемые „вольфенбюттельскіе фрагменты“. Въ богословскомъ мірѣ противъ Лессинга поднялась страшная буря. Тогда еще Лессингъ былъ не вполнѣ здоровъ и по словамъ его братъ Карла, часто испытывалъ непреодолимое желаніе спать и засыпалъ въ самомъ веселомъ обществѣ.

По смерти жены Лессингъ вдругъ постарѣлъ и осунулся. Блескъ его глазъ потухъ, живость бесѣды исчезла. Никогда болѣе его не видѣли веселымъ и остроумнымъ.

Въ началѣ 1781 г. Лессингъ поѣхалъ въ Брауншвейгъ, надѣясь немного разсѣяться. Не задолго передъ тѣмъ онъ написалъ своему другу Мендельсону письмо, которое оканчивалось словами: „Посдѣдняя сцена окончена“.

Припадки удушья стали мучить его. 15 февраля 1781 года Лессингъ съ утра чувствовалъ себя весьма здорпвымъ; но вечеромъ, когда онъ легъ въ постель, съ нимъ сдѣлался новый припадокъ и, неожиданно для окружающихъ, онъ внезапно кончился. Лессингъ достигъ лишь 53-лѣтняго возраста.

Вскорѣ послѣ смерти Лессинга, его другъ Мендельсонъ написалъ его брату Карлу: „Біографъ нашего брата можетъ сказать: Лессингъ написалъ „Натана Мудраго“ и умеръ“.

Величайшее драматическое произведеніе Лессинга было написано имъ, дѣйствительно, всего за два года до кончины. Этою „драматическою поэмою“, какъ ее называетъ самъ Лессингъ, онъ, такъ сказать, увѣнчалъ свою дѣятельность не только какъ драматургъ, но какъ эстетикъ и философъ. Вполнѣ оцѣнить эту драму можно лишь послѣ ознакомленія съ философскими или, если угодно, богословскими сочиненіями Лессинга, изъ которыхъ наибольшую популярность пріобрѣли его полемическія статьи противъ пастора

ЭР03202

Гёце. Но основные взгляды, защищаемые Лессингомъ противъ Гёце, были высказаны имъ еще въ 1777 году въ полемикѣ съ директоромъ Шуманомъ.

Поводомъ къ этой полемикѣ была знаменитая „Апологія“ Реймаруса. Самуилъ Реймарусъ, талантливый профессоръ восточныхъ языковъ, былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся раціоналистовъ XVIII вѣка. Онъ защищалъ теорію, учившую, что Богъ создалъ міръ, управляемый неизмѣнными законами, дѣйствующими въ духовной жизни такъ-же, какъ и въ матеріальной, и съ этой точки зрѣнія отвергалъ возможность сверхъ-естественнаго вмѣшательства и всякихъ чудесъ. Взгляды эти были изложены въ его „Апологіи разумныхъ почитателей Божества“, посвященной главнымъ образомъ строго-научной критикѣ библейскихъ источниковъ. Сочиненіе это было окончено имъ еще въ 1767 г., за годъ до его смерти. Въ 1774 г. семья Реймаруса вручила Лессингу рукопись, оставшуюся неизданною при жизни автора, выразившаго желаніе, чтобы она была издана анонимно. Лессингъ, просмотрѣвъ рукопись, убѣдился въ томъ, что издать ее цѣликомъ было невозможно по тогдашнимъ условіямъ печати. Онъ рѣшился издать отрывки, да и то подъ видомъ старинныхъ рукописей, яко-бы найденныхъ имъ въ архивѣ Вольфенбюттельской библіотеки. Уловка удалась, и отрывки были изданы подъ названіемъ „Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ“. Многіе приписывали Лессингу даже сочиненіе этой рукописи, хотя онъ категорически выразилъ несогласіе съ точкою зрѣнія автора. Какъ-бы то ни было, изданіе произвело величайшій скандалъ въ богословскомъ мірѣ. Гамбургскій пасторъ Мельхіоръ Гёце не замедлилъ написать на Лессинга доносъ, утверждая печатно, что Лессингъ издалъ рукопись, гибельную съ религіозной точки зрѣнія и подрывающую основы государства. Это и побудило Лессинга къ защитѣ и онъ велъ полемику съ страстностью и силою, даже превосходящей ту, которую обнаружилъ въ борьбѣ съ Клоцемъ. Въ концѣ концовъ, Гёце, припертый къ стѣнѣ доводами противника, прибѣгъ къ самому простому средству—полицейской защитѣ. Онъ выхлопоталъ отнятіе у Лессинга права издавать рукописи безъ разрѣшенія цензуры—права, предоставленнаго ему, какъ герцогскому библіотекарю. Лессингъ однако не подчинился приказанію и издалъ еще послѣдній свой отвѣтъ подъ названіемъ:

ЭР03202

„Необходимый отвѣтъ на весьма праздный вопросъ г. главнаго гамбургскаго пастора Гёце“.

Взгляды Лессинга, повидимому, умѣреннѣе воззрѣній Реймаруса, но именно эта умѣренность и попадала прямо въ цѣль. Лессинга нельзя было обвинить не только въ атеизмѣ, но даже въ раціонализмѣ; онъ нигдѣ не отвергалъ ни чудесъ, ни преданія, оставляя вопросъ о „сверхъ-естественномъ“ совершенно открытымъ.

Философская драма Лессинга „Натанъ Мудрый“, написанная имъ вскорѣ послѣ утраты жены, является поэтическимъ выраженіемъ его нравственно-богословскаго ученія. Самъ Лессингъ называетъ „Натана“ сыномъ своей старости, которой помогла разрѣшиться отъ бремени его богословская полемика. Когда полицейское распоряженіе зажало ему ротъ, Лессингъ написалъ г-жѣ Реймарусъ: „Попытаюсь проповѣдывать съ моей старинной каѳедры, съ театральныхъ подмостковъ; быть можетъ, тамъ меня оставятъ въ покоѣ“. Планъ „Натана“ былъ задуманъ давно; въ ночь съ 10-го на 11-е августа 1777 г. Лессингъ началъ писать прозою первые наброски. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ окончилъ драму, написавъ ее пятистопными ямбами. Предполагалось написать эпилогъ подъ названіемъ „Дервишъ“ и предисловіе. Остались только два наброска предисловія; въ одномъ замѣчательно слѣдующее мѣсто: „Образъ мыслей Натана относительно всякой вообще положительной религіи былъ всегда моимъ образомъ мыслей“. Другой начинается такъ: „Если скажутъ, что моя пьеса доказываетъ существованіе людей, не имѣющихъ религіи, основанной на откровеніи, и тѣмъ не менѣе хорошихъ, если еще скажутъ, что я старался изобразить такихъ людей не въ столь отвратительномъ свѣтѣ, въ какомъ ихъ видитъ чернь, то я противъ этого не возражу ни слова. Дѣйствительно, можно доказывать и то, и другое и тѣмъ не менѣе не отвергать всякой, вообще, религіи и даже откровенія“ „Но если скажутъ, что я нарушилъ поэтическія приличія и нашелъ подобныхъ людей среди евреевъ и мусульманъ, то я выставлю на видъ, что въ тѣ времена евреи и мусульмане были единственными учеными; что вредъ, причиняемый *столкновеніями* религій, основанныхъ на откровеніи, никогда не могъ быть настолько очевиднымъ для разумнаго человѣка, какъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и что есть наконецъ историческія указанія,

ЭР03202

изъ которыхъ видно, что одинъ изъ султановъ былъ именно такимъ разумнымъ человѣкомъ".

„Натанъ Мудрый" написанъ не для сцены и уже по одному этому стоитъ внѣ теоріи, разработанной Лессингомъ въ его „Гамбургской драматургіи" и примѣненной имъ на дѣлѣ въ „Эмиліи Галотти". Назвавъ „Натана" драматической поэмой, авторъ имѣлъ въ виду показать, что къ этому произведенію не могутъ быть предъявлены требованія сценическаго искусства. Если они и выполнены, то скорѣе вслѣдствіе изумительнаго знанія сцены, чѣмъ намѣренно. Главная цѣль, которую преслѣдовалъ Лессингъ, была чисто нравственная и философская. Стараясь не выйти изъ границъ не только художественной, но и исторической правды, Лессингъ тѣмъ не менѣе, не имѣлъ въ виду дать историческую драму въ обычномъ значеніи этого слова. Историческій и бытовой колоритъ, хотя и сохраненный въ поэмѣ, былъ дѣломъ второстепеннымъ. Лессингъ желалъ создать и создалъ типы универсально-человѣческіе, въ которыхъ наглядно выражаются различныя проявленія и стороны религіознаго и нравственнаго чувства.

Было-бы однако ошибкою видѣть въ „Натанѣ" лишь одно отвлеченно-философское содержаніе. Несомнѣнно, что выведенные имъ здѣсь типы интересны и съ чисто психологической стороны, т. е. просто какъ характеры, и при томъ характеры вполнѣ выдержанные. Нѣкоторые изъ типовъ, срисованныхъ въ „Натанѣ", были слегка намѣчены Лессингомъ еще въ юношескихъ его произведеніяхъ, особенно въ комедіи „Вольнодумецъ", написанной когда Лессингу было только 20 лѣтъ, т. е. почти за тридцать лѣтъ до „Натана". Сходство вольнодумца Адраста съ тампліеромъ весьма значительно; богословъ Теофанъ, если не по религіознымъ воззрѣніямъ, то по характеру напоминаетъ Натана Мудраго. Подобно тампліеру, вольнодумецъ Адрастъ—человѣкъ полный благородныхъ порывовъ, но при этомъ весьма подозрительный къ людямъ, которыхъ мало знаетъ; требующій полной свободы мысли и терпимости, но самъ не чуждый нѣкоторой нетерпимости; прямой и горячій по натурѣ, но принимающій на себя напускную сдержандость и холодность. Разговоры Адраста съ Теофаномъ являются какъ-бы блѣднымъ очеркомъ бесѣдъ Натана съ тампліеромъ.

Если-бы „Натанъ Мудрый" былъ только философской поэмой,

ЭР03202

то можно было-бы согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, что центральнымъ пунктомъ пьесы является знаменитая сказка о трехъ кольцахъ, разказанная Натаномъ султану Саладину. Несомнѣнно однако, что Лессингъ хотѣлъ показать намъ Натана не только въ его убѣжденіяхъ, но и въ дѣлахъ. Что можетъ быть проще, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣдительнѣе той исторіи, которую Натанъ разказываетъ монастырскому служкѣ? Много лѣтъ тому назадъ христіане перебили въ городѣ Гатѣ всѣхъ евреевъ, не щадя женъ и дѣтей. Жена и семеро сыновей Натана погибли. Три дня и три ночи валялся Натанъ въ прахѣ и пеплѣ и плакалъ, поклявшись непримиримо мстить всѣмъ христіанамъ. Наконецъ разумъ взялъ свои права. Натанъ покорился волѣ Бога. Въ это время пріѣзжаетъ всадникъ и передаетъ ему христіанское дитя. Натанъ взялъ его, понесъ на свое ложе, цѣловалъ его, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ и рыдая говорилъ: „Боже! За семерыхъ ты далъ мнѣ хотя одного“.

Мы видимъ въ Натанѣ не только мудреца, но и человѣка, побѣдившаго человѣческія слабости; мы угадываемъ развитіе этого характера, лишь постепенно ставшаго тѣмъ, чему мы удивляемся въ пьесѣ. Лессингъ показываетъ намъ, какъ онъ воспитываетъ въ своей Рехѣ тѣ черты, которыя для него самого уже стали натурой. Наука его проста. Сама Реха въ концѣ пьесы говоритъ сестрѣ султана, Ситтѣ, о себѣ, что она дѣвушка простая, неученая, потому что отецъ ея Натанъ не любитъ учености, заимствуемой изъ книгъ и начертанной „мертвыми знаками“. Онъ учитъ Реху дѣятельной любви, какую проявляетъ самъ. Восторженная дѣвушка, спасенная въ отсутствіе Натана тампліеромъ (храмовники или тампліеры — извѣстный рыцарскій орденъ), который вынесъ ее изъ горѣвшаго дома, воображаетъ, что спасена не человѣкомъ, а бѣлокрылымъ ангеломъ. Она во чтобы то ни стало хочетъ вѣрить словамъ своей служанки, христіанки Даи, что спасена чудомъ, а чудо могъ совершить только ангелъ. „Какъ! говоритъ Натанъ. А если-бы тебя спасъ настоящій тампліеръ, неужели только потому, что это слишкомъ естественно, слишкомъ обыденно, это было- бы меньшимъ чудомъ?“ Реха стоитъ на своемъ; хитрая Дая, которая отлично знаетъ, что спасителемъ дѣвушки былъ тампліеръ, взятый въ плѣнъ и помилованный султаномъ Саладиномъ, по причинѣ сход-

ЭР03202

ства съ его покойнымъ братомъ Асадомъ,—держитъ сторону дѣвушки. „Жестокія мечтательницы, говоритъ Натанъ, а что если этотъ ангелъ... ну хоть боленъ“. Эти простыя слова сразу отрезвляютъ Реху. Она въ отчаяньѣ; Натанъ рисуетъ ей всевозможные ужасы, наконецъ самъ успокаиваетъ ее, прибавляя: „Реха, Реха! Я подаю тебѣ лекарство, а не ядъ... Пойми, что набожно мечтать гораздо легче, тѣмъ совершить хорошій поступокъ“. Писатели такъ наз. „антисемитическаго“ направленія не разъ пытались доказать историческое неправдоподобіе типа Натана. Если-бы это и было такъ, то Лессингъ могъ-бы возразить, что онъ писалъ не историческую драму и что отъ него можно было требовать лишь художественной правды, а не точности лѣтописца; но на дѣлѣ оказывается, что въ своей драмѣ Лессингъ обнаружилъ такое пониманіе исторіи, которое чуждо его хулителямъ. Именно въ Палестинѣ, гдѣ еврей чувствовалъ себя въ своемъ отечествѣ и гдѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ была главная арена кровавой и безсмысленной религіозный борьбы, легко могъ явиться въ еврейскомъ народѣ подобный философскій умъ. Да и вообще подъ арабскимъ владычествомъ евреи не были такъ угнетены, какъ напримѣръ въ Испаніи или въ Германіи, и достаточно знать біографію и сочиненія хотябы Маймонида, чтобы повѣрить въ возможность существованія Натана. А вѣдь все, что требуется отъ поэта, это внутреннее правдоподобіе, психологическая и соціологическая возможность извѣстнаго типа. Впрочемъ, кто могъ-бы вообще усомниться въ существованіи еврейскихъ мудрецовъ, подобныхъ Натану, тѣмъ достаточно напомнить о происхожденіи первыхъ учениковъ Христа, которые жили задолго до созванія вселенскихъ соборовъ...

Мы видѣли, что въ „Гамбургской драматургіи“ Лессингъ высказывался противъ изображенія—по крайней мѣрѣ въ трагедіи—идеальныхъ характеровъ. Но въ Натанѣ нѣтъ трагическаго сюжета; вся драма дѣйствуетъ примиряющимъ образомъ, возбуждая не чувство состраданія, а удивленіе къ нравственной высотѣ. Во всякомъ случаѣ, Лессингъ имѣлъ право отступить отъ своей теоріи уже потому, что преслѣдовалъ иныя цѣли, чѣмъ въ своихъ трагедіяхъ. Но кромѣ того онъ выясняетъ намъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ могъ явиться типъ, подобный Натану и рисуетъ не недостижимый идеалъ, а такой, къ которому, по его

ЭР03202

мнѣнію, можетъ приблизиться каждый разумный человѣкъ. Молоденькая энтузіастка Реха уже во многомъ близка къ своему пріемному отцу и характеръ ея очевидно создался подъ огромнымъ его вліяніемъ.

Въ разговорѣ съ тампліеромъ нравственное величіе Натана спокойствіе и ясность его души особенно характеризуются вслѣдствіе контраста съ пылкими, но необдуманными рѣчами тампліера. Въ этой сценѣ тампліеръ лишь постепенно рѣшается признать въ Натанѣ человѣка: сначала Натанъ для него, повидимому, только еврей. Надо однако имѣть въ виду тонкія психологическія черты, намѣченныя здѣсь Лессингомъ; не понявшій ихъ актеръ будетъ очень плохимъ тампліеромъ, недогадливый читатель упрекнетъ Лессинга въ томъ, что онъ заставляетъ тамліера внезапно перемѣнить образъ мыслей. На самомъ дѣлѣ, съ самаго начала бесѣды (д. II, явл. 5) уже ясно, что въ поведеніи тампліера есть много напускного. Онъ выказываетъ свое пренебреженіе къ евреямъ болѣе, чѣмъ имѣетъ его на самомъ дѣлѣ. Пренебреженіе это уже смягчилось тѣмъ, что онъ неравнодушенъ къ спасенной имъ дѣвушкѣ, которую ошибочно считаетъ еврейкой. Въ этомъ онъ не желаетъ сознаться даже передъ самимъ собою и говоритъ грубости, отзывается свысока даже о той, которую почти любитъ, такъ что вынуждаетъ Натана воскликнуть: „Величественно! величественно и отвратительно! Но я понимаю: скромное величіе прячется въ отвратительную внѣшность, чтобы избѣжать поклоненія“. Эти слова конечно еще не дѣйствуютъ. Дѣйствіе оказываетъ на тампліера обстоятельство повидимому неважное, — слеза, пролитая Натаномъ на его мантію, гдѣ осталось прожженное пятно — доказательство спасенія Рехи изъ пламени. Тампліеръ уже растроганъ, но все еще старается показать презрѣніе къ евреямъ и говоритъ, что презираетъ ихъ за то, что они считаютъ себя избранниками, свою вѣру—избранной убѣжденіе,—усвоенное отъ нихъ (по словамъ его) и христіанствомъ.

Но и послѣдняя твердыня тампліера—его вольнодумство, распространяющееся и на его собственную вѣру,—взята Натаномъ, который отвѣчаетъ весьма просто: „Развѣ мы нашъ народъ? Что такое народъ? Развѣ христіанинъ и еврей, сначала христіане и евреи, и только потомъ люди?“ Послѣ этого тампліеру, дѣйстви-

ЭР03202

тельно, остается только протянуть руку Натану, что онъ и дѣлаетъ съ свойственной ему поспѣшностью.

Полный анализъ такой драмы и даже одного такого типа, какъ „Натанъ Мудрый“, потребовалъ-бы самъ по себѣ обширной статьи. Ограничимся поэтому еще немногими замѣчаніями.

Въ сценахъ съ султаномъ Саладиномъ Натанъ ни разу не измѣняетъ себѣ, поражая насъ не только своею мудростью, но самодостоинствомъ. Саладинъ, остающійся при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ настоящимъ восточнымъ монархомъ, встрѣчаетъ его словами: „Подойди ближе, еврей! Ближе, еще ближе! Только безъ всякаго страха!“ Натанъ спокойно отвѣчаетъ: „Страхъ пусть останется твоему врагу“. Саладинъ призвалъ его, чтобы услышать отвѣтъ на мучащій его вопросъ: „Какая вѣра, чей законъ лучше всѣхъ?“ и даетъ ему срокъ для размышленія. Натанъ, оставшись одинъ, говоритъ: „Я думалъ, онъ хочетъ денегъ, а онъ требуетъ истины, такой чистой и звонкой, какъ будто истина—монета“. Саладинъ возвращается и Натанъ, вмѣсто отвѣта, разсказываетъ сказку о трехъ кольцахъ. Драгоцѣнное кольцо (т. е. истинная вѣра) переходило изъ рода въ родъ, доставаясь, по завѣщанію перваго владѣльца, всегда любимѣйшему изъ сыновей. Наконецъ, оно перешло отцу, у котораго было три сына, равно имъ любимыхъ. Умирая—отецъ, чтобы не огорчить ни одного изъ сыновей, тайно послалъ къ ювелиру, заказавъ еще два точно такихъ-же кольца. Благословивъ каждаго сына тайно отъ другихъ кольцомъ, онъ умеръ. По смерти отца, каждый сынъ хочетъ быть господиномъ въ домѣ и доказываетъ, что его кольцо истинное. Но всѣ кольца совершенно одинаковы и доказать, которое изъ нихъ настоящее, нельзя.

— „Какъ! восклицаетъ Саладинъ. Ты шутишь со мною! Развѣ религіи одинаковы? Они во всемъ различны, даже въ пищѣ и въ питьѣ.

— „Но не въ ихъ основахъ, отвѣчаетъ Натанъ. Развѣ всѣ онѣ не основаны на исторіи, на писаніи или преданіи? А вѣдь исторіи надо повѣрить, принять ее на вѣру. Не такъ-ли? Спрашивается, чья-же увѣренность, чье довѣріе менѣе всего можетъ быть подвергнуто сомнѣнію? Конечно, людей близкихъ намъ по крови, тѣхъ, которые лелѣяли насъ въ дѣтствѣ. Какъ-же я могу

ЭР03202

вѣрить моимъ родителямъ и предкамъ меньше, чѣмъ ты твоимъ, или требовать подобнаго отъ тебя?"

Натанъ продолжаетъ свою сказку. Сыновья жалуются судьѣ. Судья говоритъ: „Приведите сюда отца, иначе кому изъ васъ я повѣрю? А впрочемъ настояще кольцо обладаетъ чудесной силой. Обладатель его тотъ, кого оба остальные болѣе всего любятъ. Ну, скажите: кого вы любите болѣе всего? Вы молчите? Каждый любитъ болѣе всего себя самого? А, значитъ вы все трое обманутые обманщики! Настоящее кольцо утеряно; чтобы утѣшить васъ, отецъ заказалъ три новыхъ и всѣ три фальшивыя".

Заключительный выводъ сказки слѣдующій. Пусть каждый изъ трехъ считаетъ свое кольцо истиннымъ и живетъ такъ, какъ если-бы оно было истиннымъ.

„Пусть каждый стремится къ неподкупной, свободной отъ предразсудковъ любви".

Изобразивъ въ лицѣ Натана мудреца, который соединяетъ въ себѣ „способность самопожертвованія и свободу мысли тампліера, смиреніе монастырскаго послушника, безкорыстіе дервиша, щедрость и величіе султана Саладина" (слова Куно-Фишера) — Лессингъ далъ противоположный типъ въ лицѣ патріарха, изобразивъ въ немъ представителя фанатической нетерпимости. Крестоносецъ, узнавъ, что спасенная имъ дѣвушка — христіанка, разсказываетъ патріарху, не называя именъ, о евреѣ, воспитавшемъ христіанскую дѣвушку въ духѣ нравственности и благочестія и спрашиваетъ: какъ поступить съ такимъ евреемъ? Патріархъ даетъ отвѣтъ, ставшій классическимъ: „Еврея сжечь!" (Der Jude wird verbrannt) и повторяетъ это нѣсколько разъ, не сдаваясь ни на какіе доводы.

Въ фабулѣ драмы, несмотря на сложность завязки, нѣтъ ничего неестественнаго. Съ исторической точки зрѣнія нѣтъ ничего необычайнаго въ томъ, что при тѣхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, которыя, несмотря на религіозную вражду и свирѣпыя войны, установились мало-по-малу между христіанами и магометанами, племянникъ султана могъ оказаться сыномъ христіанки и попасть въ рыцарскій орденъ. Что касается развязки, то любители свадебныхъ финаловъ предпочли-бы, чтобы крестоносецъ женился на Рехѣ, но Лессингъ предпочелъ сдѣлать Реху сестрою тампліера,

ЭР03202

что дало ему возможность создать дружную семью изъ христіанскаго, мусульманскаго и іудейскаго элемента и что не только не портитъ пьесы, но даетъ поводъ къ прекрасной заключительной сценѣ, въ которой подмѣчены многія тонкія психологическія черты. Весьма тонко схвачено, напримѣръ, различіе между Рехой и тампліеромъ; наивная дѣвушка Реха, узнавъ, что онъ—ея братъ, бросается къ крестоносцу, желая обнять его: тампліеръ отступаетъ: слишкомъ рѣзко чувствуетъ онъ перемѣну роли и различіе между братской и иной любовью. Вскорѣ однако разумъ беретъ въ немъ верхъ надъ зародившейся страстью.

„Натанъ Мудрый“ былъ послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Лессинга. Передъ самой смертью Лессингъ написалъ еще философскій трактатъ: „О воспитаніи рода человѣческаго“, во многихъ отношеніяхъ составляющій какъ-бы эпилогъ къ „Натану“. Основная мысль этого трактата состоитъ въ томъ, что религію, основанную на откровеніи, слѣдуетъ признавать лишь за извѣстную ступень въ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣчества. Въ качествѣ такой ступени развитія или, по словамъ Лессинга, въ роли „воспитательнаго орудія“ откровеніе необходимо и не можетъ быть отвергаемо. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Лессингъ, всѣ историческія народныя религіи „равно истинны,“ но разъ имъ пытаются дать значеніе внѣшнихъ формъ, подчиняющихъ убѣжденіе человѣка, они лишаются всякой цѣнности.

Мѣсто, занимаемое Лессингомъ въ исторіи европейской и въ частности нѣмецкой литературы является совершенно исключительнымъ. Для нѣмцевъ Лессингъ соединяетъ въ себѣ тѣ двѣ роли, которыя у насъ порознь выполнены Бѣлинскимъ и Пушкинымъ. Лессингъ въ одно и то-же время анализировалъ и дѣлалъ синтезъ, освѣщалъ путь другимъ и самому себѣ. Не говоримъ уже о черной работѣ: о заслугѣ въ дѣлѣ очищенія нѣмецкаго языка.

Чтобы оцѣнить эту заслугу, стоитъ вспомнить, какъ писали современники Лессинга, даже такія извѣстности, какъ Виландъ, называвшій, напримѣръ, бѣлье „по нѣмецки“ linge, употреблявшій такія французско-нѣмецкія слова, какъ Lizenz, Edukation, Aemulation (См. LitteraturBriefe Лессинга, 14 Brief).

Но величайшею заслугою Лессинга останутся, безъ сомнѣнія,

ЭР03202

тѣ философскіе, нравственные и эстетическіе принципы, которые положены въ основу всѣхъ его произведеній, какъ критическихъ, такъ и поэтическихъ. Усовершенствовавъ и развивъ начала, заимствованныя у древнихъ грековъ, у англійскихъ и частью французскихъ писателей, опираясь на Аристотеля и на Шекспира, исходя изъ отрицательнаго отношенія къ французскому псевдоклассицизму и во многомъ примыкая къ Дидро, Лессингъ въ эпоху зрѣлости своего таланта шелъ путемъ совершенно самостоятельнымъ, не щадя общепризнанныхъ авторитетовъ и не страшась общественнаго мнѣнія. Не будучи ни скептикомъ, ни вольнодумцемъ во вкусѣ тогдашнихъ французскихъ и офранцуженныхъ придворныхъ, Лессингъ ставилъ выше всего свободу мысли и силу разума. Въ вопросѣ о религіозной терпимости онъ смѣло шелъ по слѣдамъ Локка, Лейбница и Вольфа и, не будучи философомъ по призванію, значительно расчистилъ путь для критической философіи Канта. Какъ драматургъ, онъ не только сдѣлалъ невозможнымъ возвращеніе къ временамъ Готтшеда, но и былъ прямымъ предшественникомъ Шиллера и Гете. Какъ критикъ, онъ одинъ изъ первыхъ вполнѣ оцѣнилъ значеніе Шекспира и нанесъ жестокій ударъ ходульной риторикѣ и условнымъ поэтическимъ красотамъ лже-классической эпохи.

Все это даетъ Лессингу право считаться реформаторомъ, повліявшимъ на развитіе не одной нѣмецкой литературы, но и на умственное и нравственное развитіе всего человѣчества.

Конецъ.

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202

ДВГНБ

ЭР03202